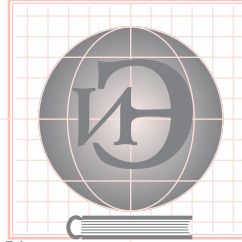

Российская академия наук

Институт экономики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

В.Н. ЛИВШИЦ

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО
ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ
ВАЖНЫХ ФРАГМЕНТОВ ПРОБЛЕМЫ

МОСКВА
2018

ББК 65.9(2)-94
Л 55

Лившиц В.Н. Бедность и неравенство денежных доходов населения в России и за рубежом: системный анализ некоторых важных фрагментов проблемы. Монография. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 292 с.

ISBN 978-5-9940-0623-8

Л 55

Аннотация. В монографии представлены исследования различий в жизненных средствах населения, то есть накопленное ими богатство и получаемые ими доходы, и анализ возникающего при этом неравенства потенциальных финансовых возможностей, уровня и качества жизни населения. Значительное внимание уделено методам измерения неравенства и бедности населения, принципам формирования и реальным значениям их индикаторов, влияния на них различных факторов – статусного положения доходополучателя (наемный работник, руководитель, член совета директоров и т.д.), рода деятельности, профессиональной принадлежности и др. Дан факторный анализ бедности и неравенства доходов в России и за рубежом и предложены возможные дополнительные государственные меры по улучшению ситуации в этой сфере.

Ключевые слова: глобализация, нестационарная экономика, бедность, неравенство, население, индекс Джини, экономический форум.

ISBN 978-5-9940-0623-8

ББК 65.9(2)-94

© Лившиц В.Н., 2018
© Институт экономики РАН, 2018
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Введение. Основы системного мышления и системного анализа	12
1. Содержание понятий первой цепи	18
2. Содержание понятий второй цепи	62
Литература к введению	73
Раздел 1. Системный анализ процесса и последствий российских экономических реформ (1992–2012 гг.)	88
1.1 Стационарные и нестационарные макрэкономические системы	88
1.2 Макрэкономическая ситуация в России в период радикальных экономических реформ	105
Раздел 2. Бедность и неравенство денежных доходов населения в России и за рубежом	159
2.1. Общая характеристика ситуации, беглый взгляд на проблему глазами выдающихся экономистов и социологов	159
2.2. Факторный анализ бедности и неравенства доходов населения в России и за рубежом	204
2.3. Заключение	229
Литература к основному тексту монографии	231
Приложение 1. О ренессансе рыночной мифологии в области неравенства доходов населения и его бедности в России в период трансформационных реформ	240
Приложение 2. О новой предлагаемой парадигме государственного регулирования экономики как эффективном средстве снижения бедности и неравенства доходов населения в России	254

Приложение 3. Postscriptum о моделировании решения проблемы	286
Литература к приложениям	288

Предисловие

Глобализация в последние два века (в минувшем XX и нынешнем XXI) экономических и социально-политических процессов в мире вопреки ожиданиям не привела к эффективному решению многих серьезных злободневных проблем жизнедеятельности населения планеты, а некоторые проблемы еще более обострились. Думается, что к последним из них надо в первую очередь отнести проблемы аномальной бедности населения в ряде стран и регионов, а также связанную с этим проблему недопустимого и по существу неестественного неравенства денежных доходов у различных групп населения. Об актуальности на современном этапе именно этих проблем можно судить не только по приводимым ниже некоторым фактическим статистическим данным, говорящим об их тревожном состоянии, но и по содержанию выступлений на многочисленных форумах экономистов и социологов, на которых эти проблемы интенсивно в последнее время довольно регулярно обсуждаются, а также и по многим посвященным им фундаментальным монографиям и статьям выдающихся отечественных и зарубежных экономистов и социологов, обильным весенним дождем пролившимся на нашу Землю в последние 10 лет¹. Этой же проблематике посвящена и настоящая монография, которая направляется в издательский отдел ИЭ РАН согласно его плану изданий этого года в дважды юбилейный для нормальных россиян день 7 ноября 2017 года – во-первых,

1. Укажем далеко не полный список важнейших этих оригинальных и переводных работ, изданных у нас в России в обозначенном периоде на русском языке (Алексей Шевяков, Александр Кирута, 2009, 2011; Абел Аганбегян, 2017; Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон, 2016; Ангус Дитон, 2016; Джозеф Стиглиц, 2015 и др.).

день вообще в нашей памяти праздничный и юбилейный, а во-вторых, именно в этот день исполняется ровно 100 лет со дня начала Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСР) – события, на знамени которого не только было написано стремление к равенству, но и которое существенно изменило, причем в конечном итоге, мне представляется, что в лучшую сторону большего равенства, жизнь не только в нашей многострадальной стране, где оно произошло, но и практически в ту же сторону повлияло на социально-экономические процессы во всех развитых и многих развивающихся странах остального мира. Повлияло настолько серьезно, что не только количественно отразилось на уровне жизни населения, но и качественно его изменило, в частности, падающий макроэкономический тренд с прогнозом на абсолютное и относительное обнищание рабочего класса при диком капитализме стран Европы и Северной Америки XIX века заменился в XX веке растущим трендом уровня жизни населения, и вызвало ряд прогрессивных изменений (появление в США государственных антимонопольных законов типа закона Шермана 1890 года, закона Клейтона 1915 года, а затем и аналогичных во многих других странах, увеличение силы профсоюзных организаций и, как следствие, рост доходов и улучшение условий жизни рабочего класса и других небогатых представителей наемного труда, уменьшение степени их эксплуатации и др.). Обо всем этом в связи с 100-летним юбилеем ВОСР недавно шел серьезный убедительный научный разговор на Международном форуме «ОКТЯБРЬ. РЕВОЛЮЦИЯ. БУДУЩЕЕ» 3–7 ноября в Москве и в Санкт-Петербурге и в его рамках на XII форуме Всемирной политэкономической ассоциации «Октябрьская революция: содействие развитию мировой экономики и благосостоянию населения», на котором в том числе мною были успешно апробированы в докладе «Неолиберализм и обнищание россиян» на форуме и некоторые излагаемые в данной монографии идеи по состоянию дел с бедностью и неравенством денежных доходов различных

групп населения в развитых и развивающихся странах. Состояние это, как будет далее показано в тексте работы, во многом довольно тревожное и требует цивилизационного очень непростого общественного и государственного вмешательства с целью повышения качества и эффективности процессов жизнедеятельности населения. Причем речь при этом пойдет о системно сложном спектре этих процессов — не только о социальных, но и о связанных с ними экономических, финансовых и даже поведенческих психологических процессах, нетривиально переплетенных между собою и взаимно связанных с другими элементами экономик и социумов стран. А чтобы эффективно управлять, надо хорошо знать объект управления², в том числе и такие имманентные характеристики планеты Земля, как ситуации в разных странах с бедностью и неравенством денежных доходов населения, возможности и методы эффективного системного управления ими в требуемом направлении. Иными словами, речь идет о крупномасштабном управлении на системном уровне сложными многоуровневыми социально-экономическими комплексами, где основной (непростой и активный) элемент — население планеты.

Очевидно, что эта задача очень сложная, по-видимому, неконъюнктурная и долгосрочная, можно сказать, эпохальная, и, наверное, попытка ее целостного корректного системного решения, т.е. по идее эта монография тоже должна быть такого же масштаба и уровня изложения. Понимаю, что в целом мне это не удалось — не хватило знаний, эрудиции, информации, таланта и еще чего-то. Тем не менее полагаю, что фрагментарные (и это отражено прямо в названии работы) полезные результаты все же были получены и они нашли свое место в рукописи, написание которой, естественно, опиралось на более десятка не моих фундаментальных (часто гораздо более объемистых по сравнению с данной работой) монографий и многочисленных

2. Как говорил крупнейший математик XX века Давид Гилберт (и это вошло в эпитафию на его могильном памятнике): «Wir wollen wissen wir werden wissen» (D'AGOSTINI, 2015, с. 8).

научных статей по рассматриваемой актуальной проблеме (или нередко тесно пересекающейся с ней) различных отечественных и зарубежных авторов, опубликованных уже в XXI веке. Их далеко не полный список приведен в соответствующем библиографическом перечне, на позиции которого даются соответствующие ссылки в тексте книги. При его составлении автор, кроме всего прочего, надеялся и имел в виду, что в определенном смысле полезность данной работы будет определяться и тем, что мною, работающим в Институте системного анализа (ВНИИСИ АН СССР до 1993-го года и ИСА РАН после этого) с сентября 1977 года, широко будет использован в книге (непосредственно и по настрою) разработанный и накопленный в этом нестандартном академическом институте за почти сорок лет его жизни немалый разносторонний, включая активную международную научную деятельность, эффективный современный потенциал методологии системного анализа, основные положения которого будут систематически изложены в самом начале текста данной рукописи — прямо во Введении. Этот материал, содержащий основы системного мышления, с указанием его разработчиков, по моему мнению, представляется полезным многим читателям данной работы и независимо от его приложения в книге к сложной, явно системного характера проблеме практического анализа бедности и неравенства денежных доходов населения. По указанным причинам думается, что можно указанное рожденное мною дитя отправить в научное плавание с достаточно обоснованной надеждой и претензией если не на большую его привлекательность и удачность изложения, то хотя бы на системную полезность для читателей-пользователей.

Поэтому, если бы я не был воспитан в советское время атеистом и не воспринял и не сохранил бы эти усвоенные на основе изучавшейся тогда философии диалектического материализма соответствующие научные взгляды на окружающий нас мир и в последующий период своей жизни, то я бы сейчас, понимая важность рассматриваемой про-

блемы, наверное, сказал бы представляемой мной рукописи:
«С Богом! Счастливого доброго пути!»

Вениамин Лившиц,
докт. экон. наук, заслуженный деятель науки РФ

Введение

Основы³ системного мышления и системного анализа

Организм как система находится в постоянном изменении и скорее напоминает пламя, чем кристалл.

Людвиг фон Берталанфи, биолог

В современной жизни повседневно в различных сферах человеческой деятельности (производственной, культурной, научной и т.д.) каждому из нас приходится сталкиваться с различными объектами, необходимостью их изучения, управления ими, вырабатывать представления о том, как объекты

-
3. Подчеркнем, что в данном подразделе весьма кратко и прагматично – в рамках целей настоящей монографии, указанных в Предисловии, излагаются именно основы названной проблемы, а не дается **полное ее системное описание**, включая развернутую структуру и характеристику всех важнейших компонентов. Многие их аспекты упоминаются по существу лишь вскользь или вообще опущены, как, например, место и роль системного мышления в человеческой деятельности в целом (теории ноосферы, глобализации процессов в ней, развития цивилизаций и научно-технического прогресса и т. д.) и в отдельных ее гуманитарных сферах – образовании, здравоохранении, науке и др., т.е. никаких претензий на энциклопедический размах изучения генезиса и содержания проблем системного мышления, а также методологии и методов их системного анализа здесь не имеется, хотя целесообразность, а пожалуй, и необходимость и человечеству, и нашей стране, в период подготовки перехода к экономике знаний иметь полное описание, сомнений не вызывает. Но, во-первых, такое описание, если его осуществить, – это многотомный энциклопедический научный труд, гораздо более квалифицированный и объемный, чем написание всей этой книги, а не одного раздела, и, во-вторых, нам кажется, что способный написать такой сложный научный труд современный системный Аристотель пока еще не родился. Хотя в некоторых других более узких областях в последнее время такие, по нашему мнению, довольно успешные, попытки предприняты, например в области методологии математики и математического моделирования (Левич, 2008, 2009, 2011 и далее); математического образования и его места в современной цивилизации (Левитин, 2011, 2012 и далее); всего автором опубликовано шесть томов этой оригинальной энциклопедии. В советское время, кстати, такие прецедентные попытки тоже были – например выпущенный Центральным экономико-математическим институтом (ЦЭМИ АН СССР) десяти томный труд по СОФЭ – системе оптимального функционирования экономики.

устроены и функционируют, принимать связанные с ними решения. Для этого часто используются соответствующие приемы и методы, ключевым словом в названии которых является слово «система». Наиболее часто речь идет о таких входящих в системное мышление понятиях и элементах (и связанных с ними научных *концепциях* и *дисциплинах*, а также базирующихся на них практически полезном инструментарии), как «общая теория систем», «системная философия», «системный подход», «системный анализ», «системный синтез», «системные исследования», «системное моделирование», «прикладной системный анализ», «синергетика» и др. Здесь упомянуты только наиболее важные и чаще всего, по мнению авторов, используемые в экономике системные понятия, которые ниже будут непосредственно рассматриваться. Естественно, за бортом останутся и не будут подробно анализироваться еще многие. Например, введенное выдающимся венгерским экономистом Яношем Корнаи в конце прошлого века и нередко встречаемое и сейчас понятие «системная парадигма». Как указывается в аннотации к его статье (Корнаи, 2002), «основные свойства системной парадигмы следующие: 1) изучение системы в целом; 2) она не сводится к какой-либо частной научной дисциплине, это – школа обществоведения; 3) акцент на институтах; 4) признание роли истории в возникновении организаций; 5) особое внимание к факторам предпочтений; 6) повышенный интерес к изучению процесса перехода от одной системы к другой; 7) признание системно специфичных дисфункций». Немало полезного затем внесли в развитие парадигмального сюжета и его последователи, например, согласно (Клейнер, 2010, с. 5) сущность так введенного Корнаи понятия «системная парадигма» «состоит в том, что функционирование экономики, т.е. осуществление процессов производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ, рассматривается через призму процессов создания, взаимодействия, рекомбинации, эволюции и трансформации экономических систем. Рассмотрение реаль-

ного экономического объекта в предлагаемом системном ракурсе предполагает целостность объекта в пространстве и времени». Не смогли удержаться от соблазна поговорить о необходимости парадигмальных изменений в России и мы (Лившиц, 2015; Приложение 2 в данной работе и др.).

Как будет ясно из дальнейшего изложения, при этом в обоих (Я. Корнаи и Г. Клейнера) приведенных определениях системной парадигмы есть некоторые пересечения, например через свойство целостности, с используемым нами понятием «системное мышление», но все же это существенно разные понятия с разным содержанием и сферой эффективного действия, которые связаны с присутствием в термине компонента именно парадигмы. По поводу существа, значимости и роли этих понятий, определений их содержания, сфер использования соответствующих концепций и методов имеются весьма различные точки зрения⁴: от придания им

-
4. Кроме того, в процессе интенсивно продолжающихся различного рода исследований системного характера нередко возникают новые понятия и даже формируются новые направления и дисциплины. Так, например, в (Александров, 2011, с. 5) пишется, что «многолетние исследования, проведенные нашим коллективом, привели к формированию системно-эволюционного подхода и новой дисциплины — системной психофизиологии»; в том же сборнике (Скиба, 2011, с. 65–72) при исследовании резонансных эффектов в экономике отмечается формирование системно-синергетического подхода, в (Мезозэкономика, 2011, с. 41–54) Г.Б. Клейнер упоминает системную мезозэкономку, системное мезозэкономическое регулирование и управление и т.д. Годом раньше (Клейнер, 2010, с. 13–17) им же предложена опирающаяся на пространственно-временные характеристики систем их базовая типология, включающая четыре типовых элемента: проекты, объекты, среды и процессы, определены для каждого типа их функциональные возможности в экономике, информационные (определенность, неопределенность) и иные (активность, пассивность, однородность, неоднородность и т.д.) особенности структуры и поведения в пространстве и времени и др. Исходя из сформулированной К. Прутковым парадигмы: «Нельзя объять...», — мы все это, включая и понятие «системная парадигма», тоже оставим за бортом, отсылая для ознакомления к упомянутым работам, реквизиты которых приведены в конце книги в списке литературы. Тем более, что подробный анализ этих понятий может завести далеко от непосредственных целей настоящего подраздела, и, как пишется в материале, посвященном анализу основных положений системной парадигмы в экономике в упомянутой выше работе (Клейнер, 2010, с. 8), «системная парадигма в экономике, представляющая экономику в виде совокупности взаимодействующих, трансформирующихся и эволюционирующих систем, выступает здесь, с одной стороны, как альтернатива неоклассической парадигме с ее делением экономики на макро- и микроэкономику, с другой — как концепция, интегрирующая неоклассический, институциональный и эволюционный подходы» (Корнаи, 2002). На такую широту и углубление в тело экономической теории данный подраздел не претендует, и поэтому ограничимся указанием принятой нами этимологии понятия «парадигма» на уровне стандартного словаря

первостепенной важности до утверждений об их тривиальности и практической бесполезности, а иногда (как, например, о системной философии) вплоть до сомнений в существовании. Поэтому, отнюдь не претендуя на бесспорность, и тем более на полноту рассмотрения проблемы, ниже кратко охарактеризуем некоторые из упомянутых понятий, придадим им то содержание, которое представляется полезным с точки зрения изучения в рамках системного мышления современной нестационарной российской экономики.

Нередко в научной литературе различают два типа системного мышления, системного подхода и т.д. — общетеоретического и научно-практического. Исходя из направленности работы на системный анализ в целом и на его методологию и практику применения, это деление не будет производиться. Само же комплексное понятие «системное мышление», по нашему мнению, вряд ли здесь стоит строго, и тем более формально, определять, хотя это, возможно, и в специальной, в основном философско-математической, литературе вполне целесообразно. Оно (понятие «системное мышление») ниже будет ясно на интуитивном уровне и может быть воспринято как включающее все перечисленные на предыдущей странице и далее содержательно определяемые системные понятия и элементы, их объединение таким образом, чтобы (Прангишвили, 2000, с. 31) привычно было «мыслить так, чтобы видеть целостную картину, при этом опираясь на различные теоретические модели и целостное интуитивное видение сложных объектов». Конечно, излагаемый материал вынужденно слишком краток, чтобы претендовать на достаточно всеобъемлющее изложение положений, относящихся к фундаментальной проблеме «системное мышление». Да и нет, по-видимому, здесь такой необходимости, так как даже по отдельным аспектам этой важной

иностранных слов: парадигма (paradigma, греч.) — «пример, образец; в философии, социологии — исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе» (Словарь иностранных слов и выражений, 1984, с. 360).

методологической проблемы, например по системному подходу, имеются указанные ниже в библиографии солидные монографии (Прангишвили, 2000 и др.), существенно более объемные, чем вся настоящая глава. Поэтому ниже приводится в основном только тот материал, который необходим для дальнейшего адекватного позиции автора восприятия излагаемых положений. По этой же причине не будут рассматриваться имеющиеся в литературе и в ряде случаев довольно полезные различные классификации и вариации термина «системное мышление», например (Майндер, 2008, заглавие книги и далее) – «сложносистемное мышление» и др. К тому же за последние несколько лет вышел ряд достаточно объемных монографий, посвященных азбуке и искусству системного мышления (Медоуз, 2010; Ксенчук, 2011; Коннор и Мандермотт, 2011 и др.), и по ним есть возможность ознакомиться с некоторыми опущенными нами положениями, как нам кажется, непервостепенного плана, и многочисленными иллюстративными примерами.

Актуальность такого рассмотрения проблемы системного мышления определяется и тем, что мировой финансово-экономический кризис, охвативший (Стиглиц, 2011, с. 9–56; Рубини, 2011, с. 27–46; Гринберг 2012, с. 228–286 и др.) в наступившем XXI веке практически все промышленно-развитые страны, не изменил, а скорее усилил предшествующий тренд, ориентированный на системное развитие процессов управления материальным и нематериальным производствами и различными сферами социума. Вместе с тем существенно расширился соответствующий спектр применяемых методов, возникла потребность в более четкой их формализации, определении основных используемых понятий системного плана, установлении различий и связей между ними, специфики их структур и сфер рационального использования. Собственно об этом и написан настоящий подраздел, в котором, в значительной степени следуя при этом структуризации, приведенной в (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2008, 2010, 2011), будут кратко прослежены

ракурсы двух цепей — основных компонентов системного мышления: «системные понятия» и «системные методы».

Первая из этих цепей в несколько сокращенном виде выглядит как: «система — системная философия — системная концепция — принцип системности — системный анализ — прикладной системный анализ». Вторая же из цепей в еще более сжатом виде может быть представлена в виде: «системный анализ — кибернетика — адаптивное регулирование — автоматическое управление — синергетика». Пересечение цепей идет по блоку «системный анализ», который, с одной стороны, опирается на все основное содержание системных понятий, а с другой стороны — на весь системный алгоритмический инструментарий поиска и реализации эффективных решений.

1. Содержание понятий первой цепи

При рассмотрении этих понятий, следуя Концепции общей теории систем, существенно будем опираться как на классические работы (Богданов, 1913, 1917, 1929; Bertalanffi, 1937, 1950, 1968; Берталанфи, 1969, 1973; и др.; Rapoport, 1966, 1986; Рапопорт, 1969, 1983, 1999; Wiener, 1948; Винер, 1958, 1966) и других основоположников рассматриваемой области науки, опубликованные еще в первой половине XX века, так и на интенсивный поток послевоенных зарубежных и отечественных исследований. Зарубежные достаточно хорошо отражены не только в выпусках, начиная с 1956 года, ежегодника, созданного в 1954 году в США Л. Берталанфи и А. Рапопортом и его ближайшими коллегами «Общества исследований в области общей теории систем» («Society for General Systems Theory»), но и в российских публикациях⁵ ежегодника «Системные исследования» 1969–2012 гг. Это прежде всего работы наших философов и социологов (Блауберг, 1977; Блауберг и др. 1969, 1973; Гвишиани, 1965, 1972, 1983, 2007; Давыдов, 2006; Костюк, 1969, 1979, 2001, 2004 и др.; Садовский, 1974, 1979; 1980, 2001; Уемов, 1969, 1978; Юдин, 1974; и др.), но немалый вклад в исследование рассматриваемых важных проблем внесен математиками и кибернетиками (Канторович, 1959, 1989; Акофф, 1966, 2002; Бир, 1965; Винер, 1958, 1966; Эшби, 1959, 1966; Заде (Zadeh), 1962, 1966, Заде, 1965; Заде и Дезоер, 1970; Занг, 1999; Ланге, 1968; Месарович, 1966, Месарович и др., 1973, 1978; Багриновский, 1973; Брусиловский, 1977; Кобринский, 1978; Кобринский, Майминас и др., 1982; Моисеев, 1981, 1982; Капица, Курдюмов, Магницкий, 2011; Малинецкий, 2003; Малинецкий, 2003, 2005, 2008; Первозванский, Первозванская, 1994; Прангишвили, 2000, 2003; Хакен, 1980, 2003, 2005; Шрейдер, 1978, 1999; и др.), биологами (Малиновский, 1968, 1979, 1984, Тимофеев-Ресовский, 1947, 1969 и др.),

5. Приводимая дата их публикации у нас часто из-за перевода дается по отношению к оригиналу с естественной и заметной временной задержкой.

а также экономистами (Канторович, 1959; Канторович, Макаров, 1965; Лурье, 1948, 1964; Маевский, 2005, 2014; Новожилов, 1968; Львов, 1990, 2000, 2002; Волконский, 1967, 1973, 2005, 2008, 2010; Гаврилец, 1974, 2009; Данилов-Данильян, 2003; Дрогобыцкий, 2009; Волкова и Денисов, 2006, 2012; Ершов, 2002, 2011; Петраков, 1974, 1998; Петраков и Перламутров, 1996; Черняк, 1976; Астахов, 2004; Бирман, 2010; Гринберг и Рубинштейн, 2000, 2008; Гринберг, 2002, 2003, 2009а,б; 2012, 2013; Рубинштейн, 2003, 2006, 2008, 2010, 2012; и многие другие)⁶.

Перейдем далее к рассмотрению понятийного аппарата. Прежде всего о содержании ключевого понятия «система»⁷. Существует довольно много определений этого понятия, причем иногда принимается их несколько даже при изложении в учебных целях определенной многоаспектной проблемы. Так, например, в (Волкова, Денисов, 2006) «система» одновременно характеризуется как «категория отражения, форма представления материи доступными пониманию средствами» (с. 232) и как «способ воспроизведения и отражения континуальной целостности средствами нашего сознания, нашей логики. Другими словами, система — это дискретная модель непрерывного бытия» (с. 233). Известный специалист в области системного анализа в соответствующей монографии (Дрогобыцкий, 2009) одновременно дает четыре определения системы: «Система — это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой

6. Указываемый перечень и исследователей, и их работ далеко не исчерпывающий; полный их лист включал бы многие сотни, а может быть, и тысячи позиций. Да такая задача, в том числе и полного исторического и аналитического обзора процесса развития содержания системных исследований и системного мышления, а также публикаций с их анализом, здесь и не ставится, тем более что она успешно была выполнена в ряде работ самих основоположников, например в (Берталанфи, 1969; Рапопорт, 1969; и ряда других в том же ежегоднике «Системные исследования» 1969 г.) и выпускавшихся под их редакцией научных сборников за рубежом (о чем имеется информация в (Блауберг, Садовский, Юдин, 1969)).

7. Согласно учебнику по устойчивому развитию под ред. А.Г. Мельника и А. Хенса (2007, с. 31) это понятие («система», конечно, а не «устойчивое развитие», которое довольно странно звучит, хотя ныне после соответствующего конгресса в Рио-де-Жанейро и очень распространено) происходит от греч. «система — целое, составленное из частей».

и образующих определенное единство» (с. 45); «Система есть особая организация специализированных элементов, объединенных для решения конкретной задачи» (с. 44); «Система — это сущность, которая в результате взаимодействия ее частей может поддерживать свое существование и функционировать как единое целое» (с. 44); «Система — это философская категория, характеризующая организацию материи и духовного мира» (с. 45). Количество таких примеров легко приумножить, но не только в теоретических, но и прикладных работах чаще всего все же принято использовать восходящее к Л. Бергаланфи и ставшее уже классическим определение *системы* как *комплекса взаимосвязанных элементов, образующих некоторую целостность, либо как совокупность объектов, находящихся в устойчивом взаимодействии друг с другом и средой*. Это устойчивое взаимодействие может носить характер как жестких или гибких детерминированных связей, так и стохастических. Нередко у многих авторов определение понятия «система» отличается от приведенного классического, но, по существу, чаще в семантическом, а не смысловом отношении. Так, например, в научной монографии (Прангишвили, 2000, с. 13) дается следующее определение: «Система представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, которые объединены единством цели и функциональной целостностью, и при этом свойство самой системы не сводится к сумме свойств элементов». Аналогично определяется система как «целое, составленное из частей, соединение — совокупность элементов, находящихся в отношениях, связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» и в энциклопедическом издании (Новая философская энциклопедия, 2010, т. 3, с. 552)⁸. Близко

8. Там же автор раздела В.Н. Садовский отмечает, что первые представления о системе возникли в античной философии, выдвинувшей онтологическое истолкование системы как упорядоченности и целостности бытия. В древнегреческой философии и науке (Платон, Аристотель, стоики, Евклид) разрабатывалась идея системности знания (целостность знания, аксиоматическое построение логики, геометрии). Воспринятые от Античности представления о системности бытия развивались как в системно-онтологических концепциях Спинозы и Лейбница, так и в построениях научной систематики XVII–XVIII вв., стремящейся к

к этому и приводимое в экономико-математическом энциклопедическом словаре (Данилов-Данильян, 2003, с. 479) определение: «Система – множество элементов, находящихся во взаимодействиях, отношениях, связях и благодаря этому представляющее собою целостность» – с оговоркой, что эта формулировка заведомо нестрогая и неполная. Хотя, как правильно указывается в (Экономические парадоксы, 2005, с.10): «О свойстве целостности говорит и этимология этого термина: *systema* в переводе с греческого – это «целое, составленное из частей, соединение». В (Скиба, 2000, с. 66) со ссылкой на (Садовский, 1974) и (Прангишвили, 2000) предлагается считать, что «имеется четыре основных признака, которыми должны обладать объект или явление, рассматриваемое в качестве системы. Это целостность и членимость объекта (1); наличие устойчивых связей между элементами системы (2); интегративность (3) и наличие организации (4)».

Нередко в зависимости от рассматриваемого контекста принимаемое стандартное определение системы соответственно контексту дополняется и развивается. Например, в известной монографии по финансовому менеджменту (Балабанов, 1996) после стандартного определения системы как «совокупности взаимодействующих элементов, составляющих целостное образование» (с. 19), дополнительно указывается: «Финансовая система входит в социально-экономическую систему. Главным свойством социально-экономической системы является то, что в ее основе лежат интересы людей... Любая система состоит из элементов. Под элементом системы понимается такая подсистема, которая в рамках данного исследования (наблюдения и его цели) представляется неделимой, не подлежит дальнейшему расчленению на составляющие. Следовательно, элемент всегда является структурной частью любой системы. Например, финансовая система в

естественной (а не телеологической) интерпретации системности мира (напр., классификация К. Линнея). Принципы системной природы разрабатывались в немецкой классической философии: согласно Канту, научное знание есть система, в которой целое главенствует над частями; Шеллинг и Гегель трактовали системность познания как важнейшее требование теоретического мышления.

целом в качестве элемента системы включает финансовые фонды... Для финансового подразделения хозяйствующего субъекта в качестве неделимого элемента системы рассматриваются финансовые ресурсы. Каждому элементу присущи различные свойства. Основными свойствами элемента системы являются следующие: 1. Элемент системы выполняет только ему присущую функцию... 2. Элемент обладает способностью взаимодействовать с другими элементами и интегрировать с ними. Это является признаком целостности системы. 3. Элемент тесно связан с другими элементами своей системы» (Там же, с. 19–21).

Иногда в определение понятия системы включается наличие исследователя, наблюдателя. Так, в (Черняк, 1975, с. 22) предложено следующее определение: «Система есть отображение на языке наблюдателя (исследователя, конструктора) объектов, отношений и их свойств в решении задачи исследования, познания». К тому же, в зависимости от контекста и целей рассмотрения, могут приниматься и достаточно иные определения понятия «система». В частности, в (Клейнер, 2004, с. 27.) это фундаментальное понятие определяется следующим образом: «Под системой будем понимать относительно устойчивую часть геометрического или функционального пространства, выделяемую исследователем (наблюдателем) при помощи одного или нескольких системообразующих признаков». Есть и многие другие определения, например, согласно (Блауберг и др., 1969, с. 23), данное А.И. Уемовым: «Понятие системы определяется через категории вещи, свойства и отношения, причем существенное значение придается порядку использования этих категорий», — т.е. определяется в языке, использующем теорию предикатов. Можно и так, но дальше в настоящей работе, следуя сформулированной Дэн Сяо Пином китайской народной мудрости: «Не так важно как кошку зовут, важно, чтобы она хорошо ловила мышей», — будет иметься в виду приведенное выше классическое определение, данное Л. Берталанфи. Конечно, в зависимости от природы входящих в системы

объектов и ряда других факторов конкретное содержание *систем* может быть различным и поэтому и определены, и классифицированы системы могут быть по-разному.

Так, по признаку происхождения систем их согласно (Тарасенко, 2010, с. 29) разделяют на «*физические* (например, бассейны рек), *биологические* системы (живые организмы, популяции), *технические* системы (автомобили, электростанции), *социальные* системы (семья, этнос)» или, несколько перегруппировав их, на *экологические* системы (сочетание физических, биологических, технических и социальных систем), *организационные* системы (группы, государства, партии), *процессные* системы (алгоритмы, технологии, жизненный цикл)».

Но более часто на достаточно высоком уровне общности рассмотрения *системы* в зависимости от принятого классификационного признака разделяются на:

а) закрытые или изолированные (если в них из внешней среды не поступает и из них в нее не выделяется энергия, вещество или информация) и открытые (в противоположном случае)⁹;

9. Иногда закрытые системы характеризуются как пассивные или целенаправленные (целеориентированные) с заданным извне целеполаганием. Открытыми часто считают активные самоорганизующиеся системы. В классическом же смысле открытой считается система, если (Месарович, Мако, Такахара, 1978, с. 295) «либо на нее действует источник энергии или информации, поведением которого нельзя управлять или непосредственно, без ошибок наблюдать; либо неоднозначность реакции системы нельзя приписать разнице в состояниях – обычно в рамках принятого рассмотрения». Л. Бергаланфи, согласно (Рапопорт, 1969; Блауберг и др., 1969, с. 14–15), «фактически использует лишь аппарат описания так называемых эквивиальных систем – систем, которые способны достигать заранее определенного конечного состояния независимо от изменения начальных условий, т.е. из различных начальных состояний и различными путями. Поведение таких систем описывается телеологическими уравнениями, в которые включены параметры конечного состояния соответствующих открытых систем, а характеристика поведения системы в каждый момент времени дается как отклонение от конечного состояния, к которому система как бы стремится». Несмотря на то, что это достаточно широкий класс систем, тем не менее – это всего лишь подкласс открытых систем. По поводу определения активных систем тоже есть очень разные мнения. Так, например, в посвященной именно этим системам монографии (Бурков, 1977, с. 3.) активная система определяется как «система, в которой объектами управления являются активные элементы» и соответственно: «Активный элемент – элемент, имеющий цели (интересы), способный искажать информацию и работать с разной эффективностью (в соответствии со своими интересами)» (Там же).

б) естественные (созданные природой) и искусственные (созданные человеком);

в) статические (неизменные во времени) и динамические (структура и характеристики которых могут меняться во времени);

г) стационарные, если в них имеют место нормальные для рассматриваемого класса систем значения ключевых параметров и динамика определяющих характеристик, и нестационарные в противоположном случае¹⁰ (Костюк, 2001, 2004; Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2003, 2008, 2010, 2011);

д) управляемые (если существуют возможности изменения характеристик системы или ее отдельных частей — подсистем, объектов, элементов — за счет искусственно создаваемых внешних воздействий) и неуправляемые, в том числе самоуправляющиеся и самоорганизующиеся (в противоположном случае); могут быть и существуют, конечно, в рассматриваемом смысле и промежуточные (смешанные) системы — частично внешнеуправляемые, частично нет. Частным случаем внешнеуправляемых систем являются регулируемые. При этом под управляемыми системами в общем случае понимаются системы, экзогенное воздействие на которые позволяет изменять их состояние и (или) параметры в желательном направлении, а под регулируемыми системами понимаются системы, в которых состояние и (или) параметры внешними воздействиями нужным образом поддерживаются (стабилизируются) на определенном уровне или меняются в нужном направлении по заданным закономерностям;

е) устойчивые (в различных смыслах и способах определения) и неустойчивые — в зависимости от характера

10. В частности, в соответствии с теорией нобелевского лауреата И. Пригожина, согласно (Костюк, 2001), «в стационарных экономических системах энтропия сохраняет свое значение — ее полная производная, т.е. производная от суммы произведенной системой энтропии и потоковой энтропии обмена с внешней средой, во времени равна нулю». Более подробно о системном анализе российских нестационарных макроэкономических систем позиция изложена в работах (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 1999, 2008, 2010, 2011 и ниже в подразделе 1.1 на с. 68–70).

реакции (поведения) системы на случайные и неслучайные возмущения и отклонения от установившегося положения;

ж) одноуровневые и многоуровневые (многослойные, полистратные), в том числе иерархически организованные;

з) равновесные и неравновесные (в зависимости от того, выполняются или нет некоторые ограничения, в простейших случаях балансового типа)¹¹;

и) однородные и неоднородные (в зависимости от того, имеют ли их компоненты — объекты, агенты, продукты и др. идентичные характеристики или различные);

к) разомкнутые и замкнутые (с отсутствием и наличием положительной или отрицательной обратной связи)¹²;

л) непрерывные и дискретные (с континуальным и конечным или счетным количеством состояний);

м) детерминированные и недетерминированные (в зависимости от типа модели и информационного описания системы, наличия стохастических и неопределенных параметров и связей); в некоторых случаях говорят о системах типа «черный ящик» (Винер, 1949), когда ничего неизвестно,

-
11. Сложные (комплексные) системы, согласно И. Пригожину, могут быть равновесными и диссипативными. Равновесные (Шиповцев, 2002, с. 11) «могут образовываться и поддерживать свое состояние посредством обратимых трансформаций, которые не предполагают существенного отклонения от равновесия... обладают способностью гасить эндогенные и экзогенные возмущения... диссипативные возникают в условиях нестабильности, образуются и развиваются вдали от равновесных состояний, предполагают более высокую степень свободы элементов и имеют иной принцип формирования — порядок посредством адаптации к возмущениям. В условиях нестабильности диссипативная система обладает «вязкостью» — необходимым минимумом внутреннего взаимодействия, из которого в результате возникает новая система. Неравновесные системы предрасположены к переходу в хаотический режим... Итерация за итерацией — из хаоса возникает порядок. Бифуркация (раздвоение) является той итерацией, начиная с которой происходит качественный скачок». Конечно, для его осуществления система должна обладать определенными свойствами, обеспечивающими ее достаточными возможностями и способностями к адаптации и самоорганизации, т.е. быть (по терминологии А.А. Андропова) «негрубой системой», сохраняющей при изменении в заметном диапазоне внешних условий базовые алгоритмы своего поведения.
 12. На эту тему, впрочем, как и по некоторым другим позициям приведенного классификационного перечня, имеется огромная литература. Только в рамках позиции к) по проблематике обратных связей в системах автоматического регулирования и только российских авторов в 50–60-е годы имеются десятки объемистых монографий и на порядки больше оригинальных журнальных статей. Поэтому не будем пытаться их перечислять.

или, в лучшем случае, известна лишь функционально-информационная связь между входами и выходами системы, и о системах типа «белый ящик» (например, (Винер, 1966; Дрогобыцкий, 2009)), когда все известно – и структура «черного ящика» и характеристики всех его элементов;

н) линейные и нелинейные по виду математической связи между входом и выходом системы. Нелинейные системы, траектории изменения их состояния и развития обычно изучаются в соответствующих фазовых пространствах, причем нередко оказывается (Малинецкий и др., 2008), что «сложная система может вести себя просто... и может быть описана с помощью немногих переменных – параметров порядка», причем (Шиповцев, 2002, с. 10) «траектория движения системы в своем фазовом пространстве не обязательно является гладкой и может подчиняться алгоритму, скачкообразно переводящему систему из одной точки фазового пространства в другую. Само фазовое пространство может быть дробным», и благодаря этому может происходить «разбегание траекторий развития системы с все большим удалением от начальной точки и текущее состояние системы все менее напоминает ее начальное»¹³.

Используется, конечно, и ряд других классификаций, например, выделяют технические, социально-экономические и другие системы (в зависимости от их назначения и характера деятельности объектов), простые, сложные и очень сложные, а также большие системы (в зависимости от числа и характера взаимосвязей между элементами и внешней средой), реальные и воображаемые (виртуальные) системы, целеориентированные (целенаправленные) и ценностноориентированные (если отсутствуют четкие цели и их иерархия (Шрейдер, 1979, 1999) и т.д.

13. Это «разбегание является признаком динамического хаотического состояния, пределы которого зависят от начального состояния системы» (Там же). Для изучения процессов динамического хаоса, разбега траекторий, зарождения элементов нового порядка и т.д. успешное применение находит (Магницкий, 2011) теория фракталов, причем их дробная размерность позволяет проявиться свойствам самоподобия и самоорганизации развивающихся систем, их новым качествам.

Естественно, можно классифицировать системы и по любому другому полезному признаку, а также разворачивать их в иерархические структуры – так, в (Дрогобыцкий, 2009, с. 51–60) приведены подобного рода классификации по способу управления и степени его ресурсного обеспечения, по описанию характера входов и выходов системы и информации об операторах связей между ними, включая ситуации «черный ящик» и «белый ящик»; и т. д. Нередко по степени структуризации систем их делят на хорошо структуризованные, плохо структуризованные и неструктуризованные или (особенно в целях анализа оптимизационных аспектов проблем, а также связанных с ними задач) несколько более подробно выделяют не три, а четыре уровня структуризации систем: стандартные, хорошо структуризованные, слабо (плохо) структуризованные и неструктуризованные¹⁴ (Simon, Newell, 1958; Ньюэлл, Шоу, Саймон, 1964; Гранберг, 1978; Данилов-Данильян, 1980, 2003; Лившиц, 1984; Волкова, Козлов, 2012). При этом в (Лившиц, 1984, с. 13) отмечается, что «В.И. Данилов-Данильян в (ЭММ, 1980, вып. 6), упорядочивая возможности, образующиеся в зависимости от качества описания множества вариантов и предпочтений, выделяет и анализирует четыре основных класса ситуаций, с которыми приходится сталкиваться при социально-экономической оптимизации:

- 1) хорошо описаны как множество вариантов, так и предпочтений;
- 2) множество вариантов описано хорошо, а предпочтений плохо;
- 3) множество вариантов описано плохо, а предпочтений хорошо;
- 4) плохо описаны как множество вариантов, так и предпочтений.

14. По аналогии с этой классификацией по степени структуризации в (Волкова, Козлов, 2012, с. 433) отмечается, что «В.В. Налимовым было предложено ввести понятия хорошо организованных и плохо организованных или диффузных систем». Позднее, в этой первой коллективной монографии по теории систем «к этим двум классам был добавлен еще класс самоорганизующихся или развивающихся систем» (Там же).

Анализ приводит В.И. Данилова-Данильяна к выводам о том, что для первой ситуации (достаточно редко встречающейся в чистом виде) успешно применимы стандартные методы математического анализа; для второй ситуации «принятие решений направляется социальной нормой, традицией, стандартом социально-экономического поведения (1980, с. 155), которые в явной или неявной форме дополняют систему предпочтений; в третьей ситуации система предпочтений служит для улучшения описания множества вариантов, дополнительного их формирования в процессе оптимизации; и, наконец, в четвертой ситуации «на помощь математики надежд меньше всего, тем не менее они типичны при управлении социально-экономической системой».

При изучении данной четырехуровневой: 1) стандартные... 4) неструктуризованные – схемы структуризации в (Гранберг, 1978, с. 65) аналогично рекомендуется: «Проблемы первой группы, отличающиеся наибольшей ясностью, решаются посредством стандартных приемов и алгоритмов (примером могут служить задачи «прямого счета»), вторая группа проблем в настоящее время является основным объектом применения экономико-математического моделирования. Решение третьей группы проблем возможно путем сочетания формализованных и неформализованных методов и процедур (системный анализ, имитационное моделирование и т.п.). Наконец, четвертая группа проблем не поддается строгому научному анализу; это область эмпирических и эвристических приемов».

Соглашаясь с тем, что приведенная позиция на тот период, когда она была сформулирована (60–70-е годы), была достаточно обоснованной и конструктивной, надо иметь в виду, что прошедшие с тех пор три десятилетия ознаменовались значительным продвижением в теории принятия решений (Ларичев, 2000) и методах системного анализа, о чем дальше будет несколько более подробный разговор. Здесь же, следуя (Лившиц, 1984, с. 14–15), отметим лишь, что уже в работах конца 70 – начала 80-х (Айзерман, Малишевский,

1980; Айзерман, Алескеров, 1990; Шейнин, 1986, и др.) было показано, что достаточно общим в теории принятия решений является задание на множестве альтернатив предпочтений бинарного отношения предшествования. В частности, в упомянутой работе (1980, с. 5) указывалось, что к середине XX века «вопрос: всегда ли осмысленный и целенаправленный выбор в некотором смысле «лучших» вариантов может быть сведен к экстремизации по какому-либо критерию оптимальности или по некоторому множеству («вектору») критериев», был в основном решен, причем был получен следующий ответ: «Оптимизационный выбор по одному или нескольким критериям был представлен в обобщающих терминах выбора по бинарным отношениям предпочтения, и была сформулирована система «аксиом рационального выбора», выполнение которых для любого данного способа выбора эквивалентно существованию оптимизационного представления».

Следует отметить, что тем самым обоснование выбора вариантов на основе экстремизационного подхода опиралось на указанные в (Миркин, 1974; Фишберн, 1978 и др.) классические аксиомы рационального выбора. Однако в 70-е годы появились исследования, например (Fishburn, 1971; Plott, 1973), и их анализ в (Айзерман, Малишевский, 1980), в которых подвергалось сомнению положение о том, что разумный выбор должен удовлетворять классическим аксиомам рациональности; более того, в этих исследованиях приводились методы и механизмы вполне разумного выбора, примеры, когда аксиомы рациональности необязательно выполнялись, доказывалась несовместимость некоторых систем, состоящих из «вполне разумных» аксиом – парадоксы Эрроу, Кондорсе и др. (Виленский, Лившиц, 2010). Полученные в эти же годы новые результаты позволяют ответить и на следующий вопрос (Айзерман, Малишевский, 1980, с. 6): «Какие из различных употребительных и естественных способов выбора лучших вариантов сводятся к классическим оптимизационным моделям, а какие – нет, каким образом

эти модели могут быть расширены и обобщены с тем, чтобы охватить разумные, хотя и не удовлетворяющие классической аксиоматике, способы выбора?» При этом к числу важнейших полученных в (Айзерман, Малишевский, 1980, с. 34–35) новых результатов нужно отнести следующие (Лившиц, 1984, с. 14–15):

- содержательное понятие «выбор лучших вариантов» во многих случаях может выходить за рамки не только скалярно-оптимизационных механизмов, но и вообще каких бы то ни было классических механизмов выбора вариантов, «лучших по парным сравнениям»;
- для сведения к классической схеме необходимо, чтобы результаты парных сравнений не зависели от контекста выбора, т.е. от предъявления всего множества допустимых результатов;
- в случаях, когда зависимость от контекста проявляется, например, в виде эффектов «множественных взаимовлияний, необходим переход к иным, неклассическим механизмам выбора лучших вариантов», которые тоже входят в арсенал методов системного анализа.

Иногда при рассмотрении достаточно сложных и специфических взаимодействий возникает необходимость нестандартного обращения с понятием «система». Так, В.Н. Лексин и А.Н. Швецов, рассматривая процессы государственного регулирования территориального развития и анализируя широко ныне используемое понятие «региональная экономика», отмечают: «Применительно к реальным территориальным образованиям использование понятия «система» требует определенной осторожности. Так, даже несомненные связи между элементами территориальных образований (например, весьма жесткие пространственные связи между природными ресурсами и эксплуатирующими их предприятиями) часто определяются нецелесообразностью или невозможностью их расчленения (нельзя, например, территориально отделить месторождение руды и ее добычу)» (Лексин, Швецов, 2002, с. 25).

Принятие той или иной классификации нередко тянет за собой хвост, необходимость учета наличия соответствующих свойств систем и связанного с ними характера их модельного описания, например с помощью жестких и мягких моделей (Арнольд, 1997), или, например, в рамках деления на статические и динамические системы, когда, согласно (Тарасенко, 2010, с. 30–50), они обладают следующими двенадцатью свойствами:

«статические системы – 1) *целостность*¹⁵; 2) *открытость и целостность мира* – наличие всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости в природе; 3) *внутренняя неоднородность*, различимость частей; 4) *структурированность* – части системы не независимы, не изолированы друг от друга, связаны между собою, взаимодействуют друг с другом;

динамические системы – 5) *функциональность* – выполнение отдельными элементами и системой в целом определенных функций; 6) *стимулируемость* – подверженность системы соответствующим воздействиям извне и изменение ее поведения под этими воздействиями; 7) *изменчивость системы во времени* – изменяться могут внутренние ее параметры, состав и структура, любые их комбинации; 8) *существование в изменяющейся среде* – меняется все, и сама данная система, и окружающие ее другие; 9) *эмерджентность* – порождение у системы качественно новых свойств, не сводящихся к свойствам частей и не выводящихся из них, присущие только самой системе и существующие только пока система составляет одно целое; 10) *неразделимость на части* – изъятие частей из системы может менять их свойства, возникают другие системы; 11) *ингерентность* – приспособленность к окружающей среде, совместимость с ней; 12) *целесообразность* – подчиненность систем поставленной цели, т.е. желаемому буду-

15. Проблемы целостности управления нашей экономикой были предметом дискуссии на сессии МАОН в марте 2012 года. Более подробно позиция докладчика на ней отражена в его докладе (Зарнадзе, 2012) и его монографии (Зарнадзе, 2011).

щему состоянию; нередко, особенно у систем, созданных природой, обладание всеми одиннадцатью свойствами в многократно выраженном виде».

Существуют и определенные семантические и содержательные связи между отдельными элементами приведенной выше классификации и их ключевыми понятиями – интересные отношения между стационарностью, планированием (по Оскару Ланге), неоднородностью, неопределенностью поведения и равновесностью систем указаны в (Сапир, 2001, с. 67–121), где, в частности, обсуждается вопрос (Сапир, 2001, с. 77–89) об отношениях рыночных теорий общего равновесия и централизованной экономики. Более того, принятие той или иной классификации и, соответственно, рассмотрение тех или иных типов систем и особенностей связей их компонентов (структуры, элементов и др.) оказывает влияние на выбор наиболее предпочтительных конкретных процедур реализации системного подхода и системного анализа – так, например, в (Дрогобыцкий, 2009, с. 322–331) отмечаются некоторые важные особенности системного исследования сложности и характеристик именно экономических систем.

Хотя проблемами, по существу связанными с анализом системных взаимодействий, человечество занималось со времен глубокой древности (в частности, различными философами исследовалась еще в античные времена и Средние века проблема диалектики соотношения целого и части), тем не менее конструктивная *Общая теория систем* была разработана лишь в 30–50-х годах¹⁶ прошлого века австрий-

16. Хотя исследованиями биологических живых объектов, которые собственно и привели его к созданию *Общей теории систем*, Людвиг фон Бергаланфи занимался и в предыдущем десятилетии. Следует отметить, что, кроме созданной им *Общей теории систем*, были в ряде стран, правда, обычно позднее, предложены и другие ее варианты. Например, в нашей стране другая концепция *общей теории систем* (ОТСУ), включающая, по-видимому, в аббревиатуру и фамилию автора, была разработана Ю.А. Урманцевым. В ней, в частности, предлагается (Урманцев, 1988а, 1988б) «логико-математическая экспликация бытия в виде иерархо-неиерархической системы 4-х реальностей: объективной, субъективной, объективно-субъективной, ни той, ни другой», т.е. (Прангишвили, 2000, с. 32) «рассматриваются 4 следующих вида свойств системы: целостное свойство системы, когда свойство принадлежит

ским ученым Людвигом фон Бергаланфи (Bertalanffy L. von) в непосредственной связи с проводившимися им исследованиями в области биологии. С философских позиций его не устраивали тогда в конце 20-х годов сами по себе обе существовавшие в этой области крайности — *механицизм* из-за несостоятельности логики его объяснения явлений в живой природе и *витализм* из-за по существу иррационального восприятия мира в процессе его изучения. Л. Бергаланфи предложил строить теоретическую биологию на идеях *организмизма*, соединяющего в том числе содержащийся в витализме (правда, с другим объяснением) *принцип целостности* (приоритета целостных свойств системы исследуемых объектов по отношению к свойствам составляющих их частей), и содержащийся в механицизме аналитический аппарат статистической термодинамики (позволяющий описывать целостные свойства совокупности объектов). Такой подход позволил ему сначала в 30-х годах сформировать положения теории открытых систем, а затем, в конце 40 — начале 50-х, выступить с программой построения общей теории систем. Несмотря на чисто прагматические цели изучения биологических объектов, которые, по-видимому, прежде всего имел в виду Л. Бергаланфи, значительное внимание он уделял философскому осмыслению нового предложенного подхода, т.е. лежащим в его основе системной философии и принципу системности.

Конечно, история возникновения, становления и развития общей теории систем, системной парадигмы и системного мышления и вклада в их разработку и развитие Л. фон Бергаланфи¹⁷ довольно нетривиальна и может быть предметом

рассматриваемой системе в целом, но не принадлежит ее составным элементам; нецелостное свойство системы, когда свойство принадлежит составным элементам, но не принадлежит системе в целом; целостно-нецелостное свойство системы, когда свойство принадлежит как системе в целом, так и его составным элементам; «небытийное» свойство системы, когда свойство не принадлежит ни системе в целом, ни его составным элементам».

17. Весьма интересная и полезная, хотя, к сожалению, и предельно краткая дополнительная информация по этому поводу дается в биографической энциклопедии «Классики менеджмента» (Уорнер Малькольм, 2001, с. 134–135), где в статье, посвященной Л. Бергаланфи, указывается, что «его известная под названием «теория открытых систем» организмическая

написания не одной солидной монографии, причем начинать ее надо явно с его предшественников, как минимум, с живших и творивших в XIX и начале XX века – разработчиков различных вариантов организмических концепций, теорий интегративного уровня, теории гештальта и др. – Г. Брауна, Р. Селарса, А. Новикова, А. Богданова, В. Кёлера и др. (Блауберг, Садовский, Юдин, 1969). А может быть, и существенно раньше – как пишется в связи с рассмотрением истории термина в (Берталанфи, 1969, с. 34–35): «Хотя сам термин «система» далеко не всегда явно выделялся, эта история богата именами многих философов и ученых. В этой связи необходимо упомянуть «натуральную» философию Лейбница, Николая Кузанского с его совпадением противоположностей, мистическую медицину Парацельса, предложенную Вико и Ибн Халдуином версию последовательности культурных сущностей, диалектику Гегеля и Маркса, – этот перечень далеко не полон». Упомянем лишь то, что соратник Л. фон Берталанфи А. Рапопорт в своей автобиографической книге (Рапопорт, 1999, с. 144) пишет, что «основателем общей теории систем обычно считают австрийского биолога Людвиг Берталанфи. Сам же он считал, что родилась эта идея еще в начале 20-го века в споре между так называемыми «виталистами» и «механистами». Первые утверждали, что жизненные процессы невозможно полностью объяснить естественными законами, т.е. законами физики и химии, последние же утверждали – возможно».

Немало полезного и интересного о соперничавших подходах к построению общей теории систем – элемен-

концепция нашла применение во многих сферах, включая бизнес и менеджмент, оказав на них общее влияние, которое было намного больше суммы отдельных его составляющих... Теория открытых систем оказала глубокое влияние на восприятие, а следовательно, и управление различными организациями... Л. фон Берталанфи является создателем представления об общей теории систем. С 1950-х годов и вплоть до своей смерти он занимался применением теории открытых систем и общей теории систем к общественным наукам, в результате чего возник так называемый системный взгляд на людей». Краткий исторический обзор развития трех созданных им научных направлений (теории открытых систем, общей теории систем и системного взгляда на людей) и содержится в упомянутой энциклопедии (с. 134–141).

таристском, «в основе которого лежит анализ, выявление элементов, из которых складывается целое», и организмическом (органицистском), который «носит синтетический характер и направлен на восприятие целого как такового», а также о борьбе редукционистов, исходящих из «понимания действительности как состоящей из множества различных уровней организации первичных элементов, о конечной природе которых он не может в настоящее время сказать ничего определенного», и органицистов (холистов) можно найти и в более ранних его работах (Рапопорт, 1969, с. 42–60; и др.). Можно согласиться и с его выводом (Рапопорт, 1969, с. 53): «Позиции редукционизма и холизма вполне примиримы, несмотря на их внешнюю несовместимость», на то, что имеется «вера редукционистов в единство физической картины мира, которая в принципе сводима к каким-то первичным элементам...», а холисты верят, что «редукция высших уровней к низшим или построение теорий высших уровней на основе теорий низших уровней принципиально невозможно... Однако каждый здравомыслящий исследователь признает, что вера верой, но ей недопустимо приписывать статус научной теории. Тем более нецелесообразно опираться лишь на веру при создании методологии» (Там же)¹⁸. Действительно, для ее создания нужны дополнительные серьезные элементы — теоретическое обоснование концепции методологии, непротиворечивая развернутая система согласованных понятий и принципов ее реализации с указанием сферы и механизмов применения, успешная апробация на ряде репрезентативных представителей и т.д. Довольно обстоятельный анализ исследований по системной проблематике, выполненных в нашей стране, можно найти в статьях (Блауберг и др., 1969; Садовский, 2001; и др.).

Системная философия — этот термин был введен, по-видимому, в 70-х годах Э. Ласло (Laszlo, 1972), профессо-

18. То есть разделяется позиция, высказанная в (Винер, 1966, с. 16): «Нам незачем требовать от изучающего, чтобы он сразу воспринял точку зрения «credo quia incredible est» — «верю, потому что невероятно».

ром философии Нью-Йоркского университета. По мнению Э. Ласло, *суть системной философии состоит в признании:*

- 1) холизма как методологии и онтологии,
- 2) интеграции научного знания как идеала, к которому надо стремиться,
- 3) единства природы как философской установки и
- 4) гуманизма как задачи науки.

В основном разделяя эти взгляды, Л. Бераланфи полагал, что *системная философия* состоит из трех относительно самостоятельных частей: *системной онтологии, системной гносеологии и системной теории ценностей*, охватывая тем самым, по существу, почти весь научный базис философии, и тем самым, по-видимому, несколько преувеличивал философское значение выдвинутой системной концепции¹⁹.

Тем не менее, *общая теория систем* вместе²⁰ с крупными другими научными достижениями того же периода

19. Близкая, хотя и несколько иная и, по нашему мнению, менее удачно выраженная позиция высказана в работах Ю. Урманцева (Философы России, 1995, с. 610), которому системная философия представляется «в виде расширяющейся во времени области пересечения ОТСУ с философией и состоит из системной онтологии и системной гносеологии». При этом, согласно Ю. Урманцеву (Там же, с. 610), «любая система обладает целостными свойствами; она обязательно полиморфична, противоречива, неустойчива в одних отношениях и изоморфична, симметрична, непротиворечива, устойчива в других... Сама же философия представляется в виде иерархо-неиерархической системы 4-х мировоззрений: материалистического, идеалистического, дуалистического, нигилистического, законов любой реальности в виде абсолютных, общесистемных законов, в том числе и известных, в частности, «перехода количества в качество», «единства и борьбы противоположностей», но очень существенно расширенных и углубленных; учения о развитии в виде эволюционики...» и др.

20. Судя по приведенной в (Блауберг и др., 1969, с. 15) позиции, изложенной Л. фон Бераланфи в 1962 году в ежегоднике (General Systems Yearbook), он использовал два смысла понятия «общая теория систем» – широкое и узкое. В содержание теоретической части широкого понятия включались: 1) кибернетика с механизмами обратной связи и целенаправленного, в том числе самоконтролируемого, поведения; 2) теория информации и принципы ее передачи; 3) теория игр; 4) теория решений; 5) топология, включая теорию сетей и теорию графов; 6) факториальный анализ; 7) общая теория систем в узком смысле, т.е. приложение всего предыдущего к теоретическому анализу конкретных явлений. В содержание прикладной области «общей теории систем» включались: 1) системотехника; 2) исследование операций; 3) инженерная психология. Далее, если это не будет оговариваться особо, будет иметься в виду широкое понятие. Не менее широко выглядят и другие известные варианты общих теорий систем. Так, в ОТСУ в ее состав включаются автором (Философы России, 1995, с. 610) «предпосылки-категории; алгоритмы; разделы (теория групп неэволюционных и эволюционных преобразований, антипреобразований и их инвариантов, общая теория

(кибернетика, синергетика, теория информации, теория моделирования и др.) генерировала целый поток плодотворных исследований практически во всех важнейших направлениях науки, в том числе и в области системной философии (М. Бунге (Bunge, 1977); А. Бам (Bahm, 1981); Рапопорт, 1969, 1983; А. Заде (Zadeh), 1962, 1966; Эшби, 1959; Акоф, 1966, 2002; Месарович и др., 1973; И. Блауберг, В. Садовский, Э. Юдин, 1969; и др.), а также нашла эффективное применение во всех развитых странах. В итоге сегодня, несмотря на несуществование единого взгляда на системную проблематику, отсутствие единого научного языка, все же можно говорить о существовании системной концепции, позволяющей при ее использовании более успешно решать возникающие разнообразные, нередко весьма сложные задачи жизнеобеспечения населения в производственных отраслях (энергетика, транспорт, сельское хозяйство и др.), в научной, социально-экономической, экологической и других сферах человеческой деятельности.

Системная концепция как фундамент системного мышления, конечно, кроме *системной философии*, содержит еще ряд важных составных элементов системного плана. Она все еще находится в стадии довольно интенсивного развития и поэтому многие из этих элементов еще не имеют однозначного определения, жесткой структуры, по ряду вопросов продолжаются интенсивные дискуссии. Так, например, для объяснения универсальности природы систем, как уже указывалось выше, нередко²¹ системную концепцию базируют либо на философии редукционизма,

системного полиморфизма и изоморфизма, системного учения о гармонии и дисгармонии, симметрии и диссимметрии и др.); законы (системности, системных преобразований, достаточного основания системных преобразований, изомеризации, полиморфизации, изоморфизации, сохранения системного сходства), системный идеал, системный принцип и др.». Думается, что вряд ли включение в ОТСУ многих из перечисленных, малопонятных читателям в смысле содержания разделов облегчит понимание ими положений общей теории систем и практическое использование ее принципов и методов.

21. Но, конечно, не всегда только редукционизм и холизм. Привлекается иногда и другой базовый философский инструментарий. Так же как не все профессионалы-исследователи обязательно являются либо естествоиспытателями, либо гуманитариями. Есть и другие.

что более характерно для естествоиспытателей, либо на философии холизма, что более свойственно представителям гуманитариев. При этом, согласно редукционизму, обычно считается (Вайдлих, 2004, с. 39), что «все признаки системы, включая и вновь возникшие качества на макроуровне, должны и могут быть редуцированы, и, следовательно, объяснены признаками и качествами микроуровня, состоящего из элементов системы». Согласно же холизму (Вайдлих, 2004, с. 40), «вновь возникшие качества системы определяют ее целостность. Иерархия систем, рассматриваемая в терминах холизма, подразумевается как абсолютно неделимая (не разлагаемая на части) и не допускающая декомпозиции структура, которая является онтологически индивидуальной. ...С точки зрения холизма становится все более и более понятно, что независимость уровней лишь относительна. ...С точки зрения редукционизма изучение взаимодействий в многокомпонентных системах приводит к пониманию принципов того, как почти замкнутые подструктуры организуются в такие системы».

В (Вайдлих, 2004, с. 42–46) приводятся и рассматриваются два важных принципа редукционизма: первый — известный в физике *принцип самосогласованности*, суть которого заключается в том, что в социально-экономических системах «самосогласованность сохраняется, если индивидуальные действия и демократические институты соответствуют друг другу во взаимном репродукционизме и, таким образом, система остается стабильной», и второй — сформулированный автором синергетики Хакеном (Haken H.) *принцип подчиненности*, суть которого следующая: «Даже в системах высочайшей сложности существует всего лишь несколько «параметров порядка» (order parameteres) на макроскопическом уровне, которые определяют динамику системы» (Хакен, 1980).

Именно этот принцип, связи которого с теорией иерархических систем, изложенной, например, в (Месарович и др., 1973), вполне просматриваются, может быть использован

для объяснения процесса возникновения новых свойств системы.

Есть, конечно, еще ряд позиций, по которым проходит различие отдельных вариантов системных концепций. Например, воплощенное в различных версиях (в том числе весьма с бородой, но вполне современных) универсализма и номинализма восходящее еще к Платону и Аристотелю различие в суждениях об онтологической первичности или вторичности, с одной стороны, универсальных идеальных категорий, законов природы и т. д., а с другой стороны, реальных явлений, процессов, объектов. Тем не менее, несмотря на существенные различия в философском содержании по разным концепциям указанных выше системных категорий, их методологический и особенно прагматический смысл довольно однозначен и понятен, и ниже он будет отражен в следующих определениях, в основном соответствующих приведенным в уже упомянутых работах философов (Блауберг и др., 1969, 1973; Блауберг, 1977; Новик, 1965; Садовский, 1974, 1978, 1979, 1999; Шрейдер, 1979, 1989; Юдин, 1974; Laszlo, 1972).

Принцип системности, достаточно четко сформулированный в работах именно советских ученых (В.Н. Садовский и др.), является ядром *системной философии*, следование ему предполагает рассмотрение изучаемой совокупности объектов (явлений, процессов) с позиций *общей теории систем*, отражая при этом в первую очередь особенности соотношения в рамках систем целого и части, а также их взаимодействия с внешней средой. Основные положения *принципа системности* обычно принимаются следующие:

- целостный характер систем;
- взаимосвязь в системе целого и частей;
- примат целого над частями;
- иерархичность структуры системы;
- взаимодействие любого объекта системы с множеством других;

- наличие целостной внешней среды и ее влияния на изучаемую систему;
- динамизм систем, их структуры, характеристик элементов;
- неоднозначность в будущем возможного состояния и поведения, в том числе нередко и хаотического, внешней среды и изучаемых систем;
- устойчивость и/или эффективная адаптация, включая гомеостатическое поведение, сложных систем по отношению к неизвестному;
- ориентация на высокую эффективность реализации системами их функций с учетом всех основных видов эффектов — внутренних, внешних и взаимодействия.

Нетрудно видеть, что приведенные положения принципа системности хорошо коррелируют с указанными двенадцатью свойствами систем. Отметим также, что тем самым принцип системности, с одной стороны, существенно отличается от известных классических принципов, лежащих в основе механицизма, физикализма, редукционизма, биологизма и др., для которых свойственно выполнение условий исключения запрещенного соответствующими законами (*принцип Родена отсечения всего лишнего*) и достаточности «чистых экспериментов» — все остальное может дать дедукция (*принцип локального эксперимента*). С другой стороны, он исходит из возможности развития систем, в том числе целенаправленного, которое ориентировано на повышение их динамической устойчивости и эффективности, причем в условиях недетерминированности (стохастичности, хаотичности) процессов изменения, существенно влияющей на системы внешней среды. При этом под *динамической устойчивостью* будет пониматься свойство систем сохранять способность эффективно выполнять основную функцию (возможно, меняя свою структуру, параметры элементов и др.), а под *эффективностью* будет пониматься цена ее выполнения, т.е. важнейшая характеристика, определяющая степень достижения поставленных целей и в конеч-

ном итоге связывающая совокупные затраты и результаты деятельности систем. Конечно, вряд ли можно доказать, что перечисленные положения, установленные в естественных, технических, военных и гуманитарных и др. науках и в соответствующих сферах практической деятельности, составляют полную в математическом смысле систему и включают в себя все известные и независимые принципы поведения и принятия рациональных решений в природе и обществе, только которыми и надо пользоваться. Поэтому в необходимых случаях указанный список надо дополнять. Так, в ряде случаев при рассмотрении сложных экономических систем вполне конструктивно использование известного принципа Ле-Шателье, согласно которому (Лившиц, 1984, с. 25–26) «в экономике внешнее воздействие, выводящее систему из состояния устойчивого равновесия, стимулирует в ней процессы, стремящиеся ослабить результат этого воздействия». Типичными примерами являются имевшее место в 70-е годы в промышленно развитых странах мира, в связи с происшедшими тогда двумя энергетическими шоками, усиление развития энергосберегающих мероприятий и технологий при резком увеличении реальных цен на энергоносители (в 1973 и 1979 году ОПЕК дважды более чем утроил цены на сырую нефть), или интенсивное развитие в экономике России 90-х годов безденежных форм обращения и обмена при чрезмерном относительном уменьшении уровня реальных денег в ней при неудачных попытках таким образом борьбы с инфляцией.

Системный подход – это направление методологии специально-научного познания и социально-экономической практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем, опирающееся на использование принципа системности (Блауберг и др., 1969; Садовский, 1979). При этом, как указывалось выше, он также будет пониматься в широком смысле, включая в себя ряд других подходов, рассматриваемых в таком случае как его компоненты при системной взаимосвязке их концептуальных положений и

используемого инструментария. В частности, при этом учитывается, что свойства целого, как правило, отличаются от суммы свойств составляющих его частей, что, кроме прямых (внутренних) и косвенных (внешних) эффектов, в системах существуют еще синергетические эффекты (Хакен, 1980) взаимодействия элементов – эмерджентные (определяемые целостностью системы), агломерационные (от присоединения, накопления и концентрации элементов) и др. Поэтому будущее состояние и поведение систем, особенно сложных и реальных, однозначно непредсказуемо, и это нередко открывает большие возможности для адаптивного управления на основе использования обратных связей, что весьма важно практически. Конечно, если при этом выполняются разумные правила оптимизации, в частности потенциально обеспечивающий выбор рационального управляющего воздействия, сформулированный У. Эшби (W.R. Ashby) Закон необходимого разнообразия (Эшби, 1959; Гаврилец, 2009²²): «Разнообразие управляющего объекта должно быть выше разнообразия управляемого объекта». С этих позиций очень хорошо охарактеризовал системный подход Аурелио Печчеи (Aurelio Peccei) – основатель Римского клуба и его первый президент: «Острая потребность в системном подходе диктуется самим сложным характером современного мира, где взаимные связи между отдельными компонентами зачастую важнее, чем сами компоненты» (Печчеи, 1985, с. 111).

Как подчеркивал выдающийся системно мыслящий философ и государственный деятель советского периода, член Римского клуба Д.М. Гвишиани, основатель (1976 г.) и бессменный (до 1993 г.) директор Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ВНИИСИ АН СССР), «системный подход появился, с одной стороны, в результате обобщения опыта специали-

22. В частности, согласно этому закону алгоритм эффективного управления сложной системой, как правило, не может быть примитивен по идее, структуре и вычислительной процедуре. Особенно если в управляемой системе есть элементы с хаотическими характеристиками или поведением (Пригожин, Стенгерс, 2005, 2008; Мандельброт, Хаджсон, 2006; и др.).

стов по исследованию операций, а с другой — вследствие развития общей теории систем, теории автоматического регулирования, а также кибернетики, давших методологический аппарат для связи в единое целое разнородных управленческих задач... Становится общепризнанным, что системная методология представляет собою наиболее упорядоченную надежную основу для управления сложными сферами взаимосвязанной деятельности, позволяя вскрывать и анализировать составляющие систему компоненты и последовательно сочетать их друг с другом. При системном подходе к исследованию организационных систем исходят из того, что любая организация есть система, каждый из элементов которой имеет определенные и ограниченные цели. Соответственно этому задача управления сводится к интеграции системообразующих элементов, которая может быть достигнута при условии, что каждый руководитель в решении вопросов, относящихся к его компетенции, будет подходить к ним с позиций системного анализа и синтеза» (Гвишиани, 2007, с. 243–244).

Полностью разделяя это мнение, отметим для объективности, что оно в научной среде хотя и преобладающее, но не единогласное. Так, в (Клейнер, 2008, с. 152) отмечается, что «системный подход в экономике при всей его полезности не является универсальным. Более того, его последовательная реализация сталкивается с определенными методологическими трудностями. Критикуя системный подход, А.И. Пригожин²³ указывает на следующие его особенности ((Пригожин 2003): 1. Системность означает определенность. 2. Системность означает непротиворечивость. 3. Системность означает целостность) и отмечает, что, поскольку по его (А.И. Пригожина) мнению, ни определенности, ни непротиворечивости, ни целостности в окружающем реальном мире не наблюдается, то делается вывод о неадекватности системного подхода: «...исследователю, консультанту, руководителю организации

23. Россиянин, однофамилец нобелевского лауреата И. Пригожина.

надо иметь дело со всей ее реальностью». По нашему мнению, требования определенности, непротиворечивости и целостности относятся к любой теории и любой экономической парадигме. Однако они носят эпистемологический, а не онтологический характер, и не должны предъявляться к реальности».

Нередко наряду с системным подходом говорят о комплексном подходе, употребляя их как синонимы. Это вряд ли целесообразно, между ними есть или, по крайней мере, рядом исследователей указываются, определенные различия. Так, в (Райзберг, 2003, с. 120) утверждается: «Понятие «системность» в некотором смысле шире, чем «комплексность», оно в одинаковой мере охватывает связи внутри одного уровня (горизонтальные) и между разными уровнями (вертикальные), тогда как комплексность, понимаемая как требование учитывать взаимосвязанные факторы, влияющие на проблему (систему), охватывает преимущественно связи одного или смежных уровней иерархической структуры данной системы». Есть, конечно, у этих двух подходов и общие элементы, например, необходимость в пределах своей сферы опираться на системную философию и принцип системности, в частности, в соответствии с их рекомендациями учитывать все существенные и относящиеся к этой сфере, или непосредственно связанные с ней, не только экономические, но и внеэкономические (социальные, политические, экологические и другие) последствия (затраты и результаты), причем не только реальные, в том числе отражаемые в бухгалтерской и другой отчетности, но и виртуальные, типа упущенной выгоды.

Правда, очень непросто реально ввести это в процедуры поддержки принятия решений, тем более в систему расчета их в сферах образования, культуры, здравоохранения и т.д., где удельный вес внеэкономических, прежде всего социальных, факторов и последствий весьма высок или даже превалирует, а принимать, ergo argiогу оценивать решения, надо, и делать это надо корректно. Причем часто трудности

здесь не только в том, что отсутствует какая-то конкретная для рассматриваемых условий (отрасли, региона и т.д.) числовая информация, которая нужна для системного анализа, моделирования или непосредственно в используемых при компьютеризации алгоритмах расчета, а в том, что не решены на теоретическом уровне многие первостепенные методологические вопросы — например, допустимо ли и как переносить на российские условия принятые на Западе методологические принципы и методы решения внешне вроде похожих проблем, к примеру (но только к примеру, потому что таких вопросов очень много) оценку жизни человека, оценку полезности высшего и всякого другого образования, оценку развития (или, наоборот, деградации) культурной деятельности и ее институтов и т.д. И речь идет не о том, что классики не дали конкретных ремесленных рецептов, которые можно прямо заложить в информационную базу компьютерного расчета, а о том, что они и другие видные экономисты и социологи-неклассики или современные российские классики академического, полуакадемического или околоакадемического и даже совсем неакадемического уровня — тоже не привели убедительных аргументов по поводу правомерности переноса или предпочтительных альтернативных путей решения многих центральных проблем социально-экономического плана. Конечно, можно сказать, эта претензия чрезмерна — ведь уже несколько лет пишут, в том числе и в академических изданиях, о кризисе экономической науки. Вот она и не срабатывает. Не совсем так, хотя претензия, наверное, действительно, чрезмерна — потому что в последние годы уже в этом веке определенный прорыв в рассматриваемом нами направлении, кажется, наметился. Прежде всего хочется отметить посвященную затронутым выше проблемам и опирающуюся на системный подход работу (Гринберг, Рубинштейн, 2000), с изложением основ разработанной ими теории «экономической социодинамики», в которой сделан весьма важный вывод об «особых потребностях общества, не выявляемых в индиви-

дуальных предпочтениях» и, как следствие, о необходимости «скорректировать господствующий ныне теоретический образ рыночной экономики с его, во-первых, неоправданно узкими представлениями о месте и роли государства в современной хозяйственной жизни общества и, во-вторых, явно нереалистичными допущениями по поводу единогласия индивидуумов в качестве оправдания государственного интервенционизма вообще. Естественным в этой связи оказалось превращение государства как носителя особых общественных потребностей в равноправного рыночного игрока, максимизирующего собственную функцию (социальной) полезности». И много чего еще потребовалось, например, отказаться от выполнения в рыночных условиях принципа методологического индивидуализма и заменить его принципом комплементарной полезности, потребовавшим внести коррекцию во многие, даже уже ставшие классическими положения рыночной экономики, например условия равновесия Эрроу-Дебре. В последующих работах (Гринберг, 2003, 2008, 2009а, 2009b; и др.) и (Рубинштейн, 2003, 2008, 2010; и др.) поставленную в рамках концепции «экономическая социодинамика» программу по выявлению и обоснованию роли государства, общественных предпочтений, структуры и эволюции социального интереса, поведению общества и человека в условиях глобализации и др., по крайней мере в теоретическом плане с некоторыми практическими приложениями (к культурной деятельности и др.), можно считать авторами в значительной степени научно-выполненной²⁴, причем в ряде случаев им пришлось применить весьма тонкую, прямо филигранную технологию системного анализа (так, при анализе рыночных потребностей пришлось рассматривать не очень привычные для мейнстрима, и тем более для нашей экономики и экономической теории, рынки мериторных благ, опекаемых благ, сводимые и несводимые интересы и потребности общества

24. За что оба автора (Гринберг и Рубинштейн) заслуженно стали лауреатами престижной европейской премии «За вклад в экономические науки».

относительно благ и т. п.). Следует упомянуть также в связи с проблемой состояния экономической науки нетривиальное ее развитие в рамках изложенной в (Евстигнеева, Евстигнеев, 2005, 2010) концепции экономической синергетики, пусть и содержащую иногда, как нам представляется, некоторые весьма дискуссионные моменты²⁵.

Естественно, социальные проблемы в силу их злободневности являются сегодня предметом исследований и многих других экономистов страны – в последние годы ими опубликован ряд оригинальных монографий, хотя нередко и довольно спорных, в силу отсутствия убедительной системной аргументации – часто соображения приводятся на уровне вербального изложения нетривиальной идеи или гипотезы. Такими представляются, например, монографии (Волконский, 2005, 2008), нашего экономического классика – современника, автора блестящих математических и особенно экономико-математических работ 60–80-х годов по теории оптимизации и оптимального планирования (Волконский, 1967, 1973; и др.). Обе последние упомянутые выше его монографии, увидевшие свет уже в этом веке, посвящены ключевым проблемам современности (*драме духовной жизни – внеэкономическим основаниям экономического кризиса и смыслу жизни и истории*), содержат много интересных соображений, подтверждающих их примеров, но вряд ли можно быть уверенным в существовании доказательства их приемлемости, ведь нетрудно привести и многие контр-примеры. Например, провал в России, невзирая на мощное лоббирование на всех верхних уровнях, кампании с поиском

25. К ним, например, мы бы отнесли такие основополагающие положения, как (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010, с. 257): «Зримую опасность реставрации социализма (конечно, в исторически новых формах) несет чрезвычайно резкое повышение роли государства, как в экономике, так и в обществе». Непонятно, если возродится социализм в такой новой форме, что резкое вмешательство государства будет ориентировано на резкое повышение духовного и материального уровня жизни основной массы россиян, то чем это плохо, в чем тут опасность, к тому же зримая? В том, что это плохо совместимо с российским представлением либерализма? Так, может быть, именно в нем, не очень зримом, но очень любимом, и заключена реальная опасность?

национальной идеи²⁶. Представляется, что и последние важные происшедшие в нашей стране события (выборы в конце 2011 года новой Государственной думы, а в 2012 году – Президента РФ) вряд ли что-то изменят в этом направлении.

Наверное, по поводу рассматриваемых в (Волконский, 2008) проблем и предлагаемых им концепций и решений целесообразно занять геделевскую позицию, считать, что с равным успехом их можно принимать и отвергать, и за то, и за другое будет много аргументов-контраргументов и в обоих случаях никаких содержательных или логических противоречий. Наверное, так, но тоже утверждаем без доказательства. Неясно, например, как можно доказать или опровергнуть такое положение (Волконский, 2008, с. 16): «Логический и

-
26. Да и ряд других новаций в области фундаментального экономического знания тоже, наверное, не стоит игнорировать. Вот, например, опять недавно – 21.05.2012 – было представлено широкой общественности научное исследование – шеститомный труд «Национальная идея России» коллектива ученых Центра проблемного анализа и государственного проектирования. В освещающей презентацию этого труда статье (Зыкова, Шадрина, 2012, с. 7) отмечается, что «по показателям успешности бизнеса Россия с 1985 года движется вниз. В отличие от успешно развивающихся США, Англии и Китая...». И далее в докладе руководителя этого центра С.С. Сулакшина утверждалось, что «успешность и жизнеспособность России неразрывно связана как раз с ее национальной идеей, двадцатью высшими ценностями, в числе которых служение государству, народу России, ответственность за судьбу человечества, неприятие какой-либо дискриминации, любовь и семейность, социальная справедливость, альтруизм и сопереживание, и главным законом страны – Конституцией». Кто бы спорил! Но как это практически реализовать и использовать? Конечно, есть и некоторые другие, более реалистичные, но тоже нелегко реализуемые взгляды по этому поводу. Так, в статье РГ (Примаков, декабрь 2012) пишется: «В России стало модным говорить о том, что нет национальной идеи, которая мобилизовала общество в его движении в будущее. Думаю, что такая идея есть – это объединение социально ориентированной политики и экономики с истинно либеральными ценностями, а не с неолиберальными представлениями и подходами... Либеральные идеи и неолиберальные представления в России – неидентичные понятия. Российские неолибералы – и в этом, пожалуй, их основная ошибка – исходят из универсальности западных экономических теорий, игнорируют их эволюцию и, главное, не считают с особенностями и степенью развития рыночных отношений в нашей стране». И далее, солидаризируясь с известным русским философом Н.А. Бердяевым и ссылаясь на его высказывания, которые справедливо распространить на современность, Е. Примаков пишет: «То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения». Игнорирование эволюции экономических теорий, т.е. их динамизма, в прямой форме противоречит принципу системности и, следовательно, системному подходу, ergo правомерности их применения в изменившихся условиях, например, в другой стране, другом периоде».

психологический путь, наверное, един во всех ситуациях осознания высшей ценности. Он подобен апофатическому пути познания Бога». Един он или не един? Подобен или не подобен? Можно ли доказать, что правильно или неправильно? Вряд ли. Но из этой нашей, в данном случае, агностической позиции отнюдь не вытекает, что не надо вообще пытаться учитывать внеэкономические факторы и решать соответствующие проблемы, применяя адекватные методы. Наоборот, системный подход это требует, в том числе и на уровне моделирования, алгоритмизации и компьютеризации расчетов, но, конечно, только тогда, когда это корректно возможно сделать. Что не исключает использования при этом подходе обоснованных методических положений эвристического толка, в том числе опирающихся на значительный практический опыт. Примерами являются принципы функционирования систем Новой экономики типа 80/20 Society (Костюк, 2001, с. 150, 2009, с. 76–78) или использование в разных сферах, где это корректно (архитектура и др.), принципа Золотого сечения.

Системное моделирование — это описание изучаемой системы на каком-либо языке с соблюдением требований, вытекающих из применения системного подхода. Как правило, на современном этапе наиболее удобным языком описания является математический, и поэтому в большинстве случаев речь идет о математическом системном моделировании. Иногда этому достаточно распространенному понятию дают и несколько расширенное представление. Так, например, в вышедшей в Израиле фундаментальной монографии, посвященной историческому анализу методологии развития математики (Левич, 2008, с. 289–290), пишется: «Под математической моделью мы понимаем модель на математическом языке. Математическое моделирование есть процесс построения и использования математической модели или набора математических моделей с целью решения (исследования) определенной проблемы или задачи. Так как любое познание основано на изучении исследуемого объекта или явления с помощью модели, то любое математическое иссле-

дование или решение задачи с помощью математики можно определить как математическое моделирование». Примером такого успешного системного моделирования макроэкономических переходных процессов в экономике России в период ее перестройки являются исследования, выполненные А.А. Петровым, И.Г. Поспеловым, А.А. Шананиным и др. в 1987–1991 гг. и позднее в Вычислительном центре РАН, во время которых на математических моделях изучались различные варианты и соответствующие их последствия эволюции нашей экономики по пути ее реформирования. Получен был при этом ряд важных выводов²⁷, в том числе о том, что (Петров, 1998, с. 53) «главные особенности хода перестройки, а потом и реформы нашей экономики определялись структурами, сложившимися в плановой административно регулируемой экономике. «Шоковая» либерализация цен и экономической деятельности заранее была обречена на неудачу». Не менее важны и полученные при моделировании результаты проверки системной эффективности некоторых конкретных инвестиционных проектов макроэкономического плана, да и сама выявленная возможность априорного проведения процесса такой обоснованной проверки (Петров, Поспелов, Шананин, 1996, с. 478). Очень неплохо было бы промоделировать и рассчитать системную социально-экономическую эффективность многих из находящихся сегодня на слуху крупных российских инвестпроектов (скоростные железные дороги, нанотехнологии, всемирные олимпиады, спортивные соревнования и др.), в которые уже, нередко без расчетов эффективности, вкладываются большие миллиарды.

Практически положение о возможности²⁸ и полезности математизации экономики и использования при этом математического моделирования при адекватном их

27. Естественно, как это традиционно у нас по отношению к результатам научного плана, не принятых властными структурами не только к исполнению, но и к конструктивному обсуждению.

28. Это положение хорошо иллюстрируется в монографии (Лебедев В.В., Лебедев К.В., 2011) на примере изящного анализа в ней известной социальной проблемы «хищник–жертва», а также в ряде учебников (Волкова и Денисов 2006, Волкова и Козлов 2012; и др.).

применении, несмотря на периодически высказываемые замечания скептического характера²⁹, можно считать недискуссионным, и оно достаточно широко используется при анализе функционирования и развития различных сложных систем – например в инновационной сфере (Багриновский, Бендиков, Хрусталева, 2001), в сфере оборонно-промышленного комплекса (Хрусталева, 2000), в космической сфере (Бендиков, 2000), в городском хозяйстве (Ресин, Попков, 2000; и др.), в социальной и социально-экономической сферах (Лебедев В.В. и Лебедев К.В., 2011; Попков, 2012), в региональной экономике (Лексин, Швецов, 1996, 1997, 2009), в энергетике (Макаров и др., 1973, 2007; Кононов, 1981; Беляев, Подковальников и др., 2004; Беляев, 2009), на транспорте (Канторович и Гавурин, Канторович, 1942, 1949,

29. Иногда и на довольно высоком профессиональном уровне, вплоть до нобелевских лауреатов. Примером может быть следующее высказывание нобелевского лауреата М. Алле, кстати, одного из тех, кто, по мнению И.А. Егорова, составителя посвященной его деятельности книги (Алле, 1995, с. 13), «внес в экономическую науку логическую строгость математика». В своей публичной лекции 23.10.1967 г. в Институте высших международных исследований в Женеве М. Алле отметил, что (с. 39) «целые области экономики, наиболее многочисленные при нынешнем состоянии нашего знания, могут изучаться – причем превосходным образом – без помощи математики. Но есть и другие, где математика необходима». И далее предупредил, что (с. 41) «в экономике отмечается явление, аналогичное тому, что наблюдалось во Франции в области механики. Отдельные курсы по механике, физической науке «*rag excellence*», были сведены к перечню математических теорем. ...Сегодня складывается впечатление, что экономика рассматривается всего-навсего как предмет занятия математикой, а сходству с действительностью предпочитают элегантность математических доказательств. Нередко блестящие с эстетической точки зрения теории строятся на сомнительных, а то и противоречащих фактам гипотезах». Позднее аналогичное беспокойство в связи с чрезмерной математизацией экономической науки высказали также ряд других нобелевских лауреатов – Рональд Коуз, Василий Леонтьев, Милтон Фридмен и совсем недавно 02.09.09 г. – с идентичной декларацией выступил и нобелевский лауреат по экономике уже этого века Пол Кругман, которого вскоре поддержал Дуэс Норт и еще почти за месяц 2000 других подписантов (90% из США и 10% из Великобритании). Конечно, «не надо стрелять из пушек по воробьям» и заменять без необходимости экономику математикой, но все же вряд ли в современных условиях сложные экономические проблемы, такие как макроэкономические реформы или оценка эффективности капиталоемких инвестиционных проектов, могут быть без больших потерь решены путем чисто гуманитарных рассуждений, без соответствующей системы математических моделей, алгоритмов их анализа и компьютерных расчетов. Хотя, конечно, есть и контрпримеры – например, успешная послевоенная немецкая хозяйственная реформа, проведенная Л. Эрхардом в конце 40-х годов. Знал ли он и применял ли математические методы и модели, мы, авторы настоящей книги, не знаем. Но современные компьютеры в силу их несуществования в то время, по-видимому, им явно не использовались.

1989; Лившиц, 1969, 1971, 1984, 1986; Левит, 1971, 1972; и др.) и т.д. Иногда при этом применяется другая системная терминология – «динамический системный анализ» в (Ресин, Попков, 2000, 2010) или «программное планирование» в (Бендиков, 2000) и др. Но по существу речь идет о применении принципов системного подхода в конкретных ситуациях. Хотя нередко случаи, когда исследователь проводит моделирование, используя не математические, а вербальные или какие-либо другие (музыкальные, театральные и т.д.) средства описания. Так, например, академик РАН Н.Н. Моисеев именно нематематическим путем осуществил (Моисеев, 1997) «попытку системного анализа проблемы выбора при изучении ситуации: «Агония России. Есть ли у России будущее?» Тем не менее о необходимости улучшения состояния дел в стране именно с математическим образованием и разработкой и реализацией серьезной программы его развития говорится почти в самом начале одного из первых указов «нового старого» Президента РФ – № 599 от 7 мая 2012 года. Подробное обоснование важности и целесообразных направлений математического образования в России на современном этапе содержится и в вышедших пока двух первых томах многотомной энциклопедии известного математика Е.С. Левитина «Математическое образование и математика в современной цивилизации» (Левитин, 2012).

Системный анализ — это научная дисциплина, цель которой заключается в использовании на базе системного подхода существующих и разработке новых методологических средств изучения содержания сложных теоретических и практических проблем функционирования и развития естественных и искусственных систем, подготовки и обоснования касающихся их эффективных решений. Лучше понять системный анализ, его особенности при применении в системных исследованиях можно сравнив его с традиционными научными методами, например, принятыми в естественных науках. Известно, что корректность этих методов (по крайней мере, до первой трети XX века) определялась

тем, что в большинстве случаев соблюдались следующие посылки при их формировании:

- *возможность точной проверки допущений, закладываемых в основу исследования;*
- *воспроизводимость и строгая повторяемость результатов;*
- *объективная однозначность выводов, их независимость от личности и интересов исследователя.*

В системном анализе, особенно при решении задач социально-экономического плана, где в качестве элемента присутствуют слабоструктуризуемые и слабоформализуемые факторы (например, отдельные люди, коллективы, социум в целом и т.д.), эти посылки, как правило, не выполняются из-за неполноты используемой информации, ее недостоверности, неидентичности понимания лицами, подготавливающими и принимающими решения, целей и путей решения исследуемых проблем, невозможности в силу их сложности учета всех влияющих факторов, нередко недостаточной изученности и т.д. Поэтому системный анализ в качестве существенного элемента включает в себя человеческий фактор, интуицию людей, человеко-машинные процедуры поиска оптимальных (или хотя бы допустимых рациональных) решений, создавая тем самым системное единство объекта и субъекта. Впрочем, начиная со второй трети XX века, и в современной физике во многих случаях тоже, базируясь на соотношении неопределенности Гейзенберга, уже отказались от гипотезы независимости объекта наблюдения и наблюдателя, о возможности одновременного точного определения местоположения объекта наблюдения и его скорости.

Интересно также отметить, что бывший помощник министра обороны США и последовательный сторонник широкого применения методов системного анализа Ален С. Энтховен уже в середине 60-х годов прошлого века, т.е. на заре использования этих методов, справедливо отмечал: «Системный анализ — это не что иное, как просвещенный здравый смысл, на службу которому поставлены современ-

ные аналитические методы. ...Системный анализ может быть полезен при выработке и рассмотрении альтернативных подходов к проблемам образования, здравоохранения, городского транспорта, судопроизводства и предупреждения преступности, природных ресурсов, загрязнения окружающей среды и многочисленных других проблем. Мы стараемся измерить то, что поддается измерению, и максимально четко определить то, что нельзя измерить, оставляя на долю принимающего решение трудную задачу вынести суждение о «неизмеримом»... и таким образом он позволяет ответственным лицам сосредоточить внимание на принятии важнейших решений» (National Journal, 1970, p. 990; Гвишиани, 2007, с. 249–250).

Конечно, процесс выработки решений в достаточно сложных ситуациях включает в себя процедуры обратной связи, т.е. получения информации от управляемого объекта, обучения на ее основе управляющего органа и выработке более эффективных адаптивных управлений, причем это может необходимое число раз повторяться. Таким образом, обычно процедура системного анализа носит итеративный характер с многократной взаимоувязкой по системным соображениям получаемых промежуточных результатов, т.е. по существу во время проведения системного анализа одновременно осуществляется и *системный синтез*. Его нередко определяют как формирование на основе методов системного анализа рациональной (или, если задача хорошо структурирована, оптимальной) динамики структуры и параметров отдельных объектов (компонентов), направлений и интенсивности их взаимодействия.

Отметим также, что все приведенные выше определения понятий «системный подход», «системный анализ» и т.д. и их характеристика не единственно возможные и не однозначно общепринятые. Нередко им придается конкретно более ограничительный или, наоборот, значительно более расширительный смысл. Так, например, в работе (Анфилатов, Емельянов, Кукушкин, 1980, с. 19) отмечается, что «*системный анализ* — это методология решения проблем,

основанная на структуризации систем и количественном сравнении альтернатив. Иначе говоря, *системным анализом* называется логически связанная совокупность теоретических и эмпирических положений из области математики, естественных наук и опыта разработки сложных систем, обеспечивающая повышение обоснованности решения конкретной проблемы». В другой работе (Хомяков, 2006, с. 8), имеющей не только чисто научную, но явно и педагогическую целевую ориентацию, пишется: «В научной среде распространены близкие термины «системный анализ» и «системный подход». Если первый термин еще можно трактовать как специфическую научную дисциплину, то второй однозначно понимается как подход, который может быть результативным в любой предметной области. Таким образом, системный анализ можно рассматривать как основу для современного научного мышления. Но системный анализ это не только методология. Это еще и конкретные приложения в практике, а именно специфический комплекс методов и приемов проектирования, прогнозирования, принятия решений, анализа проблемных ситуаций». Поэтому в ряде работ изложение системного анализа существенно приземлено, т.е. приближено к инженерной традиции описания схем и проектной практике (Дрогобыцкий, 2007; и др.).

Не отвергая возможности, а иногда и полезности такой трактовки указанных понятий, тем не менее, в последующем тексте работы мы будем иметь в виду ранее сформулированные определения, хотя, конечно, никакая китайская стена при этом не воздвигается, есть и много общего в приведенных и многих других известных формулировках.

Системные исследования — это проведение изучения различных сложных проблем методами системного анализа, т.е. опираясь на принцип системности и используя в качестве методологии системный подход.

Согласно (Горстко, Угольницкий, 1996, с. 9), основные цели исследования при этом «можно подразделить следующим образом:

- функционирования системы;
- прогноз функционирования при различных воздействиях;
- поиск наилучшего варианта функционирования».

Последнее, как уже упоминалось, в зависимости от степени структуризации рассматриваемых систем осуществляется либо (при хорошо структуризованных ситуациях) путем экстремизации скалярной или векторной функции полезности (критерия оптимальности), либо (при слабоструктуризованной ситуации) с помощью других методов системного анализа.

Понятно, что при этом в качестве основного элемента инструментария, особенно при решении практических задач, применяются системное моделирование и соответствующие математические методы, естественно, согласованные с вытекающими из существа решаемой задачи структурой и типом используемых моделей (линейные, нелинейные, стохастические, фрактальные и т.д.). Но это скорее разъясняет, как проводятся системные исследования, а более интересен поставленный в (Берталанфи, 1969) вопрос, каковы же гносеологические особенности системного исследования. В (Блауберг и др., 1969, с. 21–22) приводится такой ответ на этот вопрос: «А. Рапопорт и У. Росс Эшби подчеркивают, что наука прошлого была почти исключительно аналитической, тогда как теория систем ставит на первый план задачу синтеза, но такого синтеза, который не завершает анализ, а выступает в качестве исходного принципа исследования. Эту же идею проводит по сути дела и Р. Акофф, когда настаивает на междисциплинарном характере системного подхода. На наш взгляд, развитием этой позиции является выдвинутая В.А. Лефевром идея конфигуратора как особой теоретической модели, синтезирующей различные системные представления объекта»³⁰.

30. Имеются в виду тезисы доклада (Лефевр, 1962), включенные позднее в монографию (Лефевр, 2003).

Прикладной системный анализ — приложение методологии системного анализа для решения разнообразных (политических, технических, социально-экономических и др.) конкретных сложных проблем в различных сферах жизнедеятельности³¹. Естественно, что прикладной характер проблем, необходимость во многих случаях непосредственно расходовать значительные ресурсы на непосредственную реализацию решений несколько смещает акценты — с познавательных целей на цели достижения наиболее эффективных результатов, что требует более углубленного системного изучения специфики объекта, возможных альтернатив его поведения и развития, обоснования конкретных моделей их оценки и механизмов осуществления решений и т.д.

Несмотря на существенные внешние различия названий, содержания и технологий осуществления отдельных этапов у различных типовых схем реализации в целом итог их системного применения подобен и ориентирован на эффективное решение прикладной проблемы. В конечном счете использование приведенных схем прикладного системного анализа позволяет формировать *правильное поведение субъекта*, вносить в существующие или предполагаемые ситуации *улучшающее вмешательство*³². При этом, соглас-

-
31. В (Тарасенко, 2010, с. 8) прикладной системный анализ понимается как «общеупотребительная методика решения проблем... как универсальный алгоритм действий по решению проблем, пригодный к применению в любой профессии». Он от других наук отличается рядом особенностей (Там же, с. 9), «во-первых, он нацелен не на отыскание общих закономерностей, а на решение конкретной проблемы с ее уникальной спецификой... во-вторых, для решения проблемы могут понадобиться знания из любой профессии, поэтому прикладной системный анализ имеет универсальный наддисциплинарный и междисциплинарный характер, в-третьих... для решения проблем реальной жизни необходим некий сплав науки, искусства и ремесла и пропорции между ними для каждой проблемы специфичны, в-четвертых, системный анализ выполняется не системным аналитиком, а самими участниками проблемной ситуации».
32. Представляет интерес и приведенная в (Тарасенко, 2010, с. 19–24) восходящая к идеям Р. Акоффа классификация четырех типов улучшающего вмешательства: «1) невмешательство — расчет на то, что естественный ход событий приведет к разрешению проблемы; 2) частичное вмешательство — действие, ослабляющее остроту проблемы, но неустраняющее ее полностью; 3) оптимальное вмешательство — наилучшее в рассматриваемых условиях решение; 4) растворяющее вмешательство — приводящее к исчезновению проблемы и невозникновению новых проблем».

но (Тарасенко, 2010, с. 16), «*правильным* считается поведение, максимально согласующееся с принятой субъектом идеологией», а идеологии различаются между собой по тому, «какое отношение к другим субъектам считать правильным». С этой точки зрения основными являются три типа идеологии (Там же, с. 16–17): *первый определяется «принципом приоритета меньшинства»*, а интересы других участников во внимание не принимаются; *второй — «принципом приоритета группы»*, т.е. учитываются интересы всех «наших»; третий — «*принципом приоритета каждого»*, когда предполагается, что «нет ни одного одинакового субъекта, все они различны и, несмотря на различия, все субъекты равноценны и равноправны». Именно этой третьей идеологии обычно придерживаются в рамках прикладного системного анализа, когда *улучшающее вмешательство* выбирается из Парето-оптимального множества решений, т.е. допускается (Там же, с. 18) «такое изменение проблемной ситуации, которое положительно оценивается хотя бы одним из ее участников и неотрицательно — всеми остальными». Тогда и само понятие «прикладной системный анализ» можно определять как *методику решения проблем реальной жизни без создания новых проблем»*.

Соответственно конкретизируются применительно к рассматриваемым прикладным целям и общие принципы проведения системного анализа (сохраняя, естественно, их смысл) и вытекающие из них требования к процедурам анализа. Так, например, для весьма важных с точки зрения обеспечения нормальных условий жизнедеятельности населения (life supporting conditions) всей планеты, отдельных регионов, стран и т.д. систем производственной инфраструктуры (энергетика, транспорт и др.) из этих принципов вытекает необходимость учета (Лившиц, 1969, 1971, 1986, 1994; Васильева, Лившиц, 1989; Белоусова, Васильева, 2006)³³:

33. Производственная инфраструктура России — очень удачный пример сферы применения прикладного системного анализа как в силу сложности и сетевой структуры комплекса с сильным взаимодействием отдельных элементов, например звеньев транспортной сети, так

1) *сложности инфраструктурных систем* в связи с тем, что, как правило, они состоят из большого числа взаимосвязанных сетевых элементов, причем число типов таких элементов тоже достаточно велико. Взаимодействие отдельных подсистем между собой, наличие у них собственных интересов, целей и критериев оценки, социально-экономического механизма функционирования и т.д. обуславливают появление значительных синергетических эффектов. Ориентация в таких системах на локальные выгоды подсистем может приводить к решениям, не выгодным для системы в целом, и в конечном итоге для многих. Поэтому необходим соответствующий механизм согласования интересов, настройка параметров которого должна обеспечить консенсус – выгодность принимаемых решений для всех участников;

2) *иерархичности (многоуровневости) инфраструктурных систем* и подсистем, проявление этого свойства и его следствий в разных аспектах, и прежде всего во временном, территориальном и отраслевом. Это требует выполнения требования системной согласованности во всех аспектах, соответствующей агрегации и дезагрегации параметров и характеристик функционирования и развития инфраструктурных подсистем на различных уровнях иерархии, выбора критериев и показателей эффективности, обладающих свойством иерархической однонаправленности;

3) *управляемости инфраструктурными подсистемами* на всех уровнях иерархии с ориентацией на выбор путей наиболее эффективного достижения поставленных целей. Это достигается с помощью системного анализа одновременно дескриптивного (описательного) и прескриптивного

и в силу важности и традиционного его отставания в развитии от потребностей народного хозяйства еще с советских времен. Немаловажно и то, что именно применительно к отраслям этого комплекса (точнее, к железнодорожному транспорту) проводились в течение нескольких десятилетий методами, близкими к прикладному системному анализу, экспериментальные оптимизационные расчеты, методология, алгоритмы и результаты которых изложены в ряде монографий: (Лившиц, 1971, 1984, 1986; Левит, Лившиц, 1972; Васильева, Левит, Лившиц, 1981; и др.). Следует отметить и то, что (как более подробно изложено в Приложении) все эти работы первоосновой имели фундаментальную работу системного плана (Канторович, Гавурин, 1949).

(нормативного) аспектов, выбора таких решений, которые обеспечивают движение по наивыгоднейшей траектории от того состояния и поведения инфраструктурных систем, которое есть, к тому, которое должно быть;

4) *двойственного подхода к анализу инфраструктурных систем* – с одной стороны, рассмотрение их как относительно самостоятельных динамических систем, развивающихся по присущим таким системам закономерностям, а с другой стороны – как неотъемлемой части обслуживаемой ею более общей социально-экономической системы;

5) *использования при системном анализе моделей как внутреннего* (когда непосредственно изучаются и моделируются процессы, происходящие в системах, определяются динамические характеристики этих процессов с учетом конкретной структуры и параметров элементов), *так и внешнего описания систем* (когда они представляются в виде «черного ящика» и изучаются причинно-следственные зависимости типа «вход–выход» (Wiener, 1949), а выявленные недостатки (нарушение устойчивости и др.) исправляются с помощью методов кибернетического, синергетического и т.д. управления;

б) *различных (социальных, экономических и др.) последствий принимаемых решений*, не только в самих инфраструктурных системах, но и в смежных – у поставщиков ресурсов и потребителей инфраструктурной продукции (услуг) с учетом как неопределенности в будущем последствий из-за неоднозначности возможных состояний природы, так и вследствие человеко-машинного характера процесса выработки решений, да и самих инфраструктурных систем.

Несмотря на существенное разнообразие (по содержательным и формальным признакам) типов и характеристик конкретных задач, для решения которых успешно может быть применена методология прикладного системного анализа, более или менее типовая схема ее реализации обычно включает следующие *основные этапы*:

- *выявление и постановка проблемы, ее формулировка и структуризация;*
- *изучение специфики изучаемой системы (процесса, объекта), ее внутренних и внешних связей во временном, пространственном, структурном и иных аспектах;*
- *анализ основных структурных элементов проблемы на качественном уровне, выявление нередко специфической структуры, например сетевого древовидного характера или с замкнутыми контурами;*
- *формирование целей решения проблемы, критериев, установление их иерархических взаимосвязей, возможностей ранжирования и количественной оценки;*
- *определение возможных альтернативных путей достижения целей, важнейших ограничений и механизмов, необходимых для устойчивого функционирования системы в непредвиденных условиях;*
- *сбор исходной информации, оценка полноты и достоверности информации, возможностей ее пополнения и повышения точности;*
- *построение моделей, количественный анализ основных структурных компонентов и их отдельных элементов, определение связанных с альтернативами характеристик совокупных результатов и затрат (включая не только прямые и косвенные, но и синергетические компоненты);*
- *проведение расчетов по моделям, синтез результатов качественного и количественного анализа, внесение экспертных поправок и подготовка решений, в случае необходимости — корректировка моделей, исходной информации, повторное проведение расчетов и синтез их результатов.*

Разумеется, указанные этапы в зависимости от целевой ориентации задачи и стадии ее рассмотрения нередко агрегируются или детализируются. Так, например, в работе (Горстко и Угольницкий, 1996), ориентированной на проект

создания приморского курорта в Азовском регионе, в процессе его прикладного системного анализа были выделены три основных этапа:

- *концептуализация*: системный анализ объекта, формулировка целей и задач исследования, определение границ объекта, его структуры и функций, обобщение сделанного в виде концептуальной модели;
- *формализация*: запись полученной концептуальной модели в виде системы математических или иных формальных соотношений, решение задачи идентификации, программная реализация формальной модели;
- *работа с формальной моделью*: аналитические исследования, машинные имитационные эксперименты, интерпретация результатов и их использование.

Конечно, приведенная выше типовая схема реализации технологий прикладного системного анализа далеко не единственно возможная, и существует ряд предложений такого рода – в частности, подробная такая схема излагается в (Тарасенко, 2010, с. 103–203), в которой предусматриваются следующие двенадцать этапов: 1) фиксация проблемы; 2) диагностика проблемы; 3) составление списка стейкхолдеров; 4) выявление проблемного месива; 5) определение конфигуратора; 6) целевыявление; 7) определение критериев; 8) экспериментальное исследование систем; 9) построение и усовершенствование моделей; 10) генерирование альтернатив; 11) выбор или принятие решения; 12) реализация улучшающего вмешательства.

2. Содержание понятий второй цепи

Прежде всего остановимся на базовых понятиях цепи – кибернетике и синергетике – научных дисциплинах, претендующих на всеобщность. Действительно, автор выпущенного в 1948 году бестселлера «Кибернетика» Норберт Винер определял ее «как науку об управлении и связи в живых организмах и машинах», и 1948 год стал годом рождения

новой науки. А вообще-то термин «кибернетика» принадлежит не Н. Винеру. Его (Энциклопедия кибернетики, т. 1, 1974, с. 440) «впервые (после древних греков) употребил в 1834 году французский ученый А.М. Ампер (1775–1836) в предложенной им классификации наук для обозначения не существовавшей в то время науки об управлении человеческим обществом».

На современном этапе развития информационных технологий, опираясь в том числе на работу У.Р. Эшби 1959 г., кибернетику определяют (Там же, с. 440) так: «...наука об общих законах получения, хранения и преобразования информации в сложных управляющих системах. При этом под управляющими системами здесь понимают не только технические, а и любые биологические, административные и социальные системы».

Бурное развитие теоретической и прикладной кибернетики в 50–60-е годы практически во всех отраслях и сферах человеческой деятельности привело к существенным изменениям, особенно в технической области – разработке теорий и устройств автоматического регулирования и управления, в том числе оптимального, компьютерных информационно-коммуникационных систем и т.д. Аналогично кибернетике синергетику³⁴ часто определяют как «выявление общих принципов эволюции и самоорганизации сложных систем в различных областях знания на основе построения и исследования нелинейных динамических моделей» (Занг,

34. Иногда рассматриваемые в ее рамках синергетические эффекты также называют синергическими от греческого слова «synergos» – «вместе действующий». Соответственно синергетика может быть переведена как «совместное действие». В последнее время наряду с понятиями «синергия», «синергетика», «синергетическая экономика» стали применяться и иные вариации на эту тему – так, в менеджменте прописался близкий родственник понятия «синергия» – «синергизм», который, согласно (Кэмпбелл и Лач, 2004, с. 10), есть «предмет пристального внимания менеджеров, ибо его кумулятивный положительный эффект ($2+2=5$) значительно повышает совокупные результаты различных бизнесов корпорации в сравнении с уровнями эффективности каждого из них по отдельности». Поэтому (Там же) «вопросам синергизма посвящено огромное количество книг и статей...». И далее в этой книге (с. 39–44) классик теории менеджмента Игорь Ансофф в своей статье вводит классификацию видов синергизма и анализирует торговый синергизм, операционный синергизм, инвестиционный синергизм, управленческий синергизм, начальный синергизм и др.

1999, с. 19) или похожим образом в (Пригожин, Стенгерс, 2008, с. 92): «...синергетика – это, по существу, новая концепция, основанная на свойствах самоорганизации нелинейных динамических систем».

В (Хакен, 1980) «синергетика – наука о коллективных статистических и динамических явлениях в закрытых и открытых многокомпонентных системах с «кооперативным» взаимодействием между элементами системы». И, более того, в (Хакен, 1980, 2003) синергетика определяется как наука о взаимодействии, междисциплинарная «общая теория коллективных пространственных, временных или функциональных макроструктур», как «форум, на котором ученые разных дисциплин встретились друг с другом для того, чтобы обменяться своими идеями, как справиться с большими системами».

Вместе с тем (Безручко и др., 2005, с. 26–29) отмечают: «Успех синергетики удивителен – по сути дела Хакен не сделал никакого открытия: он не обнаружил нового эффекта, не построил никакой теории и даже не выдвинул никакой гипотезы. Фактически он лишь обратил внимание научного сообщества на тот факт, что процессы самоорганизации и образования структур в самых различных системах имеют сходные черты... на самосогласованность действия элементов самоструктурирующихся систем, которые традиционно изучались различными науками... Замысел профессора Хакена заключался в том, чтобы синергетика играла роль метанауки, которая подмечает и изучает общие закономерности различных систем, которые частные науки считали своими. Заметим, что некоторое время тому назад на роль метанауки претендовала кибернетика».

По Г. Хакену, коренное отличие синергетики и кибернетики³⁵ в том, что «...кибернетика занимается регули-

35. Конечно, эти два направления (кибернетика и синергетика) отнюдь не исчерпывают весь научный арсенал, который имеется и иногда используется в рамках системного мышления при анализе социально-экономических процессов. В этом плане следует упомянуть о популярном среди некоторых исследователей, часто с базовым естественным образованием, направлении «эконофизика» и разработанных ими иных подходах к изучению сложных детерминированных и недетерминированных, в том числе хаотических (Магницкий, 2013),

рованием и управлением, синергетика же — самоорганизацией». Эта мысль хорошо дополняется аргументами, приведенными в кратком введении «Синергетика. Кризис или развитие?» (Малинецкий, 2008, с. 7–9), предваряющем монографию (Майнцер, 2008) о сложносистемном мышлении. Автор введения, который является председателем редколлегии серии «Синергетика. От прошлого к будущему», принявший синергетическую эстафету из рук академика РАН С.П. Курдюмова после его кончины, в частности, в указанной работе отмечает, что «кибернетика делала акцент на организации и системах с отрицательной обратной связью, а синергетика основное внимание уделяет самоорганизации и системам с положительной обратной связью. Это потому, что кибернетика в основном решала задачи исследования и обеспечения устойчивости (равновесия, гомеостаза) сложных управляемых систем, функционирование которых чаще всего описывалось линейными детерминированными или стохастическими дифференциальными уравнениями. Синергетика же принципиально имеет дело с нелинейными системами, для которых характерно неравновесие и развитие, бифуркации, ветвление и хаос, а объектом анализа являются фрактальные финансовые рынки, в том числе эффективные, где не допустимы мощные кризисы второго рода, при спонтанном преодолении которых происходят изменения существующей финансовой и социально-экономической структуры».

Нередко в работах по синергетике и синергетической экономике³⁶ указывается на связь последней с традицион-

процессов и явлений в гуманитарной сфере. Например, термодинамический подход (Николис, Пригожин, 2003; Пригожин, Стенгерс 2008; и др.), энтропийный и фрактально-кластерный подходы (Вильсон, 1978; Попков, 1999, 2012; Прангишвили 2000, 2003; Бурдаков, 1997; Волов, 2001; и др.), которые частично будут рассматриваться далее.

36. Более подробно с основными положениями синергетической экономики можно ознакомиться по фундаментальной монографии (Евстигнеева, Евстигнеев, 2005). В частности, в ней (с. 82–83), опираясь на восходящее к И. Пригожину и Г. Хакену понимание синергетики как «теории саморазвития сложных открытых систем, основанного на самоорганизации множественных взаимодействий элементарных компонентов, макроскопических субъектов, макроэкономических коопераций и других форм подсистем и систем», они фор-

ной теорией экономической динамики, использование ее понятий (рационального поведения, устойчивости, равновесия), но центр тяжести при анализе переносится на другой инструментарий – изучение неустойчивостей, нелинейностей, стохастичностей, хаотического поведения. Отмечается, что синергетическая экономика «касается временных и пространственных процессов экономической эволюции. В частности, синергетическая экономика имеет дело с неустойчивыми нелинейными системами и фокусирует внимание на нелинейных явлениях в экономической эволюции, таких как структурные изменения, бифуркации и хаос» (Занг, 1999, с. 291)³⁷.

мулируют экономическую синергетику «как теорию и практику саморазвития рыночной экономики на принципах глобализации, или открытости». Соответственно вытекает ряд важных особенностей экономической синергетики, например следующее (Там же, с. 119): «Синергетический подход к экономике и к становлению рынка является либеральным. Но при этом синергетика предъявляет особые требования к либерализму». В их числе: «1) необходимость введения в экономику массового физического индивида как такового ...2) неправомерность апелляции к вековым тенденциям, к человечеству, чтобы заявить, что общество в сумме всех своих институтов создано свободной личностью... 3) необходимость расширения понятия свободы» (с.120–121). Эти требования (особенно при существенном расширении понятия свободы) представляются довольно серьезными, вследствие чего синергетический либерализм может существенно отличаться от соответствующего классического понятия либерализма. Тем более, что вообще, как правильно, по нашему мнению, отмечается в (Рубинштейн, 2012, с.5–6), «современный либерализм уже давно стал не таким, каким он остался в экономической теории мейнстрима».

37. Здесь представляется полезным отметить, как отмечается в (Волов, 2001, с.56–57), что «параллельно с синергетическими исследованиями, но независимо от них, в рамках Брюссельской научной школы, вдохновителем которой был Илья Пригожин, развивалась теория изменений, обладающая большой эвристической силой. Специалисты по теории изменений разработали методологию и соответствующий понятийный аппарат исследования процессов движения систем, в особенности фазы «скачка». Г. Хакен считает, что синергетика шире концепции И. Пригожина, поскольку она исследует явления, происходящие в точке неустойчивости, и структуру (новую упорядоченность), которая возникает за порогом устойчивости. Однако, с другой стороны, в определенном смысле более широким следует признать подход И. Пригожина, поскольку в его рамках рассматриваются как неравновесные, необратимые процессы, протекающие в открытых системах, так и обратимые, имеющие место в закрытых системах. В целом синергетика и теория изменений уже с трудом отделимы друг от друга, поскольку, будучи очень близкими объектами и методами исследования, они впитали понятийный аппарат друг друга. Это особенно характерно для синергетики, поэтому концепцию Брюссельской школы можно рассматривать как синергетическую». Надо при этом, правда, иметь в виду, что «И.Р. Пригожин недолюбливал слово «синергетика», предпочитая говорить о теории диссипативных структур или неравновесной термодинамике» (Николис, Пригожин, 2008, с. V).

При этом утверждается, что синергетическая экономика выявляет много новых явлений, что она «дала новое понимание того, какое влияние на экономическую эволюцию оказывают стохастические процессы. Было показано, что хаос лежит в природе любой эволюционной экономической системы... что если динамическая система устойчива, влиянием шума с нулевыми средними в экономическом анализе можно пренебречь — на качественные выводы анализа такое упрощение влияния не окажет. Так что преобладающая в традиционной экономике точка зрения на малые флуктуации верна лишь при заведомой устойчивости системы. Однако если система неустойчива, анализ влияния шума становится очень сложным. Малые флуктуации могут стать причиной существенных перемен в поведении системы» (Там же, с. 293–295). В (Волов, 2001, с. 58–59) уточняется: «В синергетической экономике рассматриваются проблемы, относящиеся к эволюции и переменам в нелинейных неустойчивых экономических системах».

Конечно, и это отмечается в (Прангишвили, 2000, с. 91), «на практике не бывает ни абсолютного хаоса, ни абсолютного порядка. Эти ситуации являются предельными и теоретическими, а любая реальная система пребывает в некотором промежуточном состоянии. Хаос и порядок могут непрерывно трансформироваться друг в друга при изменении параметров системы. Возникновение порядка из хаоса — одно из основных положений синергетики, которая занимается проблемой самоорганизации сложных нелинейных и открытых систем. Вместе с тем не следует фетишизировать возможности синергетики, которые, как и у любого другого конкретного подхода, имеют свои пределы. В этом смысле не все положения, вербально сформулированные в указанной интересной монографии (Занг, 1999), могут быть безоговорочно приняты. Это, в частности, относится и к следующему ее утверждению: «Синергетическая экономика делает упор на взаимодействие различных переменных и различных уровней системы. Хотя значение таких взаимодействий при-

знается и «системным анализом», там этот подход мало что дал для понимания социальной эволюции. Системный анализ заведомо предполагает устойчивость. В этом отношении он находится все еще в рамках традиционной экономики» (Там же, с 294).

Представляется, что автор данной монографии по-видимому, имеет в виду какой-то конкретный вариант методологии системного анализа, обязательно предусматривающий априорную устойчивость и другие традиционные предпосылки³⁸. В общем же случае философия и методология современного системного анализа, в том числе и опирающегося на изложенное выше широкое понятие «общей теории систем», этого априорного условия не требуют и приводимое в данном разделе их описание включает методы синергетики как один из элементов системного анализа. Поэтому указанного недостатка, которого синергетика не имеет, методы системного анализа, по определению, тоже иметь не могут.

Другими словами, более корректно, следуя (Прангишвили, 2000, с.13,17), можно принять, что: «На пороге XXI века наука из-за недостаточности традиционных подходов формирует новую методологию научных исследований. Важное место в этой методологии займут, скорее всего, три фундаментальных и взаимно дополняющих друг друга подхода к научному познанию: системный, синергетический и информационный». Нередко к ним добавляют и другие подходы, например гомеостатический подход, причем, «гомеостатика изучает такие механизмы управления системами, которые обеспечивают поддержание в необходимых пределах жизненно важных для систем параметров... Синергетический и информационный подходы можно рассматривать как дальнейшее развитие системного подхода, которое дает ученому новые возможности для исследования сложных объектов,

38. По-видимому, такое же или другое аналогичное предположение явно или неявно было принято и в уже ранее упомянутой монографии (Пригожин А., 2003), которое и имело своим следствием неправомерную, по нашему мнению, по признаку устойчивости критику системного подхода.

процессов и явлений в природе и обществе... Гомеостатический подход к системам различной природы по сути представляет системный подход к гармонии и дисгармонии сложных систем». А можно, и это более естественно в свете вышеизложенного, принять и то, что системный подход и анализ включают в свою методологию использование всех этих трех и других возможных неупомянутых полезных подходов, например достаточно интенсивно развивающийся в рамках экономифизики и независимо от нее энтропийный подход изучения сложных технических, социальных и макроэкономических систем (Вильсон, 1978; Попков, 1999, 2008, 2012; Прангишвили, 2003; Ильин, 2010), упомянутый ранее и изложенный в (Скиба, 2011, с.65–75) системно-синергетический подход с его резонансными эффектами и др. При этом в (Скиба, 2011, с.71) «резонансный эффект понимается двояко – как системный «эффект бабочки», т.е. «ситуации, при которых определенные изменения в одном сегменте экономического пространства через кооперационные связи вызывают лавинообразные последствия в другом месте», так и как «мультипликативный рост выходных показателей сложноорганизованной, «например производственной», системы за счет: 1) усиления связности и организационно-функционального взаимодействия составных элементов системы; 2) синхронности циклов, характеризующих функционирование этих элементов; 3) согласованности параметров внешних управляющих импульсов с параметрами внутренних циклов системы». В итоге «управление реагированием на изменение внутренних и внешних условий в идеале сводится к поиску «резонансных зон», где величина результата определяется не силой воздействия, а их согласованностью с внутренними свойствами» (Там же).

Впрочем, теория сложных систем, в свою очередь, тоже развивается в разных направлениях, включающих не только прагматические цели выработки правил их конкретного эффективного анализа и синтеза, но и решение когнитивных проблем методологического и философского осмысления

содержания относящихся к ним элементов и объектов, используемого инструментария. В связи с этим в (Неклесса, 2013) отмечается: «В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько *состояние* настоящего или будущего (отложенное целеполагание), сколько сам *процесс* как практика перемен и возможный статус бытия. Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск инструментария, соответствующего конституции сложных и сверхсложных организованностей... Очередным рубежом стало понимание и освоение методов синергийного управления в присутствии неклассического оператора».

Вместе с тем любая теория, особенно формирующаяся и интенсивно развивающаяся, допускает сначала часто различные интерпретации своего содержания, нередко существенно расширяющее ее границы. В полной мере это относится и к синергетике, относительно которой в монографии (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010) в ее первой главе «Синергетика — новая научная парадигма», в частности, пишется: «Возникшая в русле естественных наук синергетика в силу своего универсального характера (более универсального, чем, скажем, кибернетика или общая теория систем) может, по мнению известного философа В.С. Степина, в XXI веке оказаться в центре научной картины мира. Потому что универсальность синергетики особого рода. Она гораздо глубже, структурнее, нежели усреднение или похождение, ибо отражает законы эволюции сложных открытых систем» (Там же, с. 7). Что ж, такая философская точка зрения тоже имеет право на существование и научное уважение, хотя нам кажется и более убедительной позиция, когда синергетика наряду с кибернетикой и другими интересными и полезными подходами рассматривается как важный, но все же компонент общей теории систем и системного анализа. И этому, по нашему мнению, не препятствует нередко встре-

чающиеся сильные расширения содержания термина «синергетика», которая, например, Д.Н. Земляковым определяется в предисловии к книге (Гатауллин, Малыхин, 2007, с. 5) «как междисциплинарное направление научного исследования, в рамках которого изучаются процессы перехода от хаоса к порядку и обратно (процессы самоорганизации и самодезорганизации) в открытых нелинейных средах различной природы. В синергетику включают теорию диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен), теорию автоколебаний и автоволновых процессов (Л.И. Мандельштам, А.А. Андронов, Р.В. Хохлов, А.М. Жаботинский), теорию «странных аттракторов» (Е.Н. Лоренц, Мандельброт), теорию катастроф (Р. Том, В.И. Арнольд, П. Гилмор), теорию бифуркаций динамических систем (А. Пуанкаре, Арнольд) и некоторые другие теории. Можно сказать также кратко, что синергетика есть теория нестационарных быстроразвивающихся систем. Выделяют три ключевые идеи синергетики: самоорганизация, открытость систем, нелинейность».

Впрочем, приведенная нами выше точка зрения, в рамках которой системному мышлению, подходу и анализу придается обобщающее значение, а остальным подходам, как уже выявленным и используемым, так и потенциально возможным, но еще не сформированным, отводится роль компонентов, представляется достаточно конструктивной, непротиворечивой и т.д., но, естественно, не строго доказанной, и тем более, не единственно возможной. Несколько иные интересные соображения об отношениях между общей теорией систем, кибернетикой, синергетикой и т.д., принципах системного, синергетического подходов и резонансного эффекта приведены в последнее время в ряде работ, в частности, в уже упоминавшейся статье (Скиба, 2011, с. 70–75), монографии (Прангишвили, 2003) и др.

В заключение отметим, что системное мышление, несмотря на непрерывное развитие ее основных положений, служивших нередко как объектом горячей поддержки, так и критики, далеко не всегда обоснованной, вместе с тем много-

кратно в течение минувшего века успешно использовалось при решении различных сложных научных, технических, социальных и т.д. проблем. Нет сомнения и в том, что успешное решение еще более сложных социально-экономических, технических, экологических и т.д. современных проблем XXI века тоже потребует при разработке и реализации решений системного мышления и его инструментария.

Блестящими примерами основанных на системном мышлении научных исследований, нашедших потом многочисленные применения, в том числе и в реальной практике, являются пионерские работы лауреата многих престижных премий (Сталинской – 1949 г. за математические достижения, Ленинской – 1967 г. и памяти Альфреда Нобеля – 1975 г. за достижения в области экономических наук) Леонида Витальевича Канторовича – сотрудника с 1976 по 1986 г. Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований Академии наук (ВНИИСИ АН СССР, с 1993 года – Институт системного анализа – ИСА РАН).

Литература к введению

- Акофф Р.* Общая теория систем и исследование систем как противоположные концепции науки о системах // *Общая теория систем.* М.: Мир, 1966. С. 66–80.
- Акофф Рассел Л.* О менеджменте. Теория систем. Бюрократия. Коррупция. Образование. СПб.: Питер, 2002.
- Александров Ю.И.* Закономерности актуализации индивидуального опыта и реорганизация его системной структуры: комплексное исследование // *Труды Института системного анализа РАН.* Том 61. Вып.3. М.: Эдиториал УРСС. 2011. С. 3–24.
- Алле Морис.* Экономика как наука. С предисловием составителя проф. И.А. Егорова. М.: РГУ, 1995.
- Анфилатов В.С., Емельянов А.А., Кукушкин А.А.* Системный анализ в управлении. М.: Финансы и статистика, 1980.
- Арнольд В.И.* «Жесткие» и «мягкие» математические модели. Доклад на Семинаре в Администрации Президента РФ. М., 1997. С. 24.
- Астахов А.С.* Геоэкономика (системная экономика) промышленного недропользования. М.:ООО «МИГЭК», 2004.
- Багриновский К.А., Бендиков М.А., Хрусталева Е.Ю.* Экономическая безопасность и наукоемкие производства // *Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия (глава 11)* / Под ред. В.Л. Макарова и А.Е. Варшавского. М.: Наука, 2001. С. 344–360.
- Багриновский К.А.* Модели и методы экономической кибернетики. М.: Экономика, 1973.
- Безручко Б.П., Короновский А.А., Трубецков Д.И., Храмов А.Е.* Путь в синергетику. Экскурс в десяти лекциях. М.: Ком-Книга, 2005.
- Беляев Л.С., Подковальников С.В.* Рынок в электроэнергетике: проблемы развития генерирующих мощностей. Новосибирск: Наука, 2004.

- Беляев А.С. Проблемы электроэнергетического рынка. Новосибирск: Наука, 2009.
- Белоусова Н.И., Васильева Е.М. Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных монополий. М.: КомКнига, 2006.
- Бендиков М.А. Стратегическое планирование развития наукоемких производств и технологий. М.: Academia, 2000.
- Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
- Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 20–37.
- Бир С. Кибернетика и управление производством / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Наука, 1965.
- Бирман Игорь. Капиталистический манифест. М.: Когито-Центр, 2010.
- Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 7–29.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
- Блауберг И.В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1977. С. 5–28.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
- Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. Спб.: Изд-во М.И. Семенова, 1913. Т.2. М.: Книжное изд-во писателей в Москве, 1917. Ч.3. М.; Л., 1929.
- Брусиловский Б.Я. Теория систем и система теорий. Киев: Вища школа, 1977.
- Буданов В.Г. О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. № 5, С. 80
- Бурков В.Н. Основы математической теории активных систем. М.: Наука, 1977.

- Бухгольц Н.Н.* Основной курс теоретической механики. Часть 1. М.: Наука, Физматгиз, 1965.
- Вайдлих В.* Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках. М.: УРСС, 2004.
- Васильева Е.М., Левит Б.Ю., Лившиц В.Н.* Нелинейные транспортные задачи на сетях. М.: Финансы и статистика, 1981.
- Васильева Е.М., Лившиц В.Н.* Работы Л.В. Канторовича в области решения сетевых транспортных задач и развитие его идей в СССР. В сб.: «Экономико-математические модели и методы». Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. С. 39–57.
- Винер Норберт.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958.
- Винер Норберт.* Творец и робот. М.: Прогресс, 1966.
- Вильсон А. Дж.* Энтропийные методы моделирования сложных систем. М.: Наука, 1978.
- Волкова В.Н., Денисов А.А.* Теория систем. М.: Высшая школа, 2006.
- Волконский В.А.* Модель оптимального планирования и взаимосвязи экономических показателей. М.: Наука, 1967.
- Волконский В.А.* Принципы оптимального планирования. М.: Экономика, 1973.
- Волконский В.А.* Драма духовной жизни – внеэкономическое основание экономического кризиса. М.: Изд-во «Мастер Лайн», 2005.
- Волконский В.А.* Смысл жизни и история. М.: Изд-во «Мастер Лайн», 2008.
- Волконский В.А.* Возникновение многополярного мира. Поворот идеологической оси. М.: Серия «Доклады МАОН».
- Гаврилец Ю.Н.* Социально-экономическое планирование (системы и модели). М.: Экономика, 1974.
- Гаврилец Ю.Н.* К синтезу теории систем и кибернетики в экономике. М.: Серия «Доклады МАОН», 2009.

- Гатауллин Т.М., Малыхин В.И. Синергия и ее проявления. М.: Центр «Транспорт», 2007.
- Гвишиани Д.М. Организация и управление. 2-е изд. М.: Наука, 1972.
- Гвишиани Д.М. Методологические аспекты системных исследований // Философско-методологические основания системных исследований. М.: 1983. С. 3–16.
- Гвишиани Д.М. Вступительная статья к книге Аурелио Печчеи «Человеческие качества». М.: Прогресс, 1985. С. 5–33.
- Гвишиани Д.М. Избранные труды по философии, социологии и системному анализу М.: Канон, 2007.
- Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века. Т.1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Горстко А.Б., Угольницкий Г.А. Введение в прикладной системный анализ. М.: АО Книга, 1996.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭ ПРЕСС, 2000.
- Гринберг Руслан. Об итогах и уроках десятилетнего опыта проведения радикальных рыночных преобразований в России. Тезисы выступления на Круглом столе в «Горбачев-Фонде» 1 марта 2002 года.
- Гринберг Р.С. Рациональное поведение государства. М.: ИСЭ ПРЕСС, 2003.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. М.: Институт экономики, 2008.
- Гринберг Р.С. Основная причина кризиса — крах либерального радикализма // Журнал новой экономической ассоциации. 2009а. № 1–2. С. 233–235.
- Гринберг Р.С. Мы понадеялись на рынок, а он погубил все, что не приносит быстрых денег // Комсомольская правда, 02.12.2009b (интервью).
- Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: «Магистр. ИНФРА-М». 2012.
- Данилов-Данильян В.И. (ред.) Экономико-математический энциклопедический словарь. М.: «ИНФРА-М», 2003.

- Дрогобыцкий И.Н.* Системный анализ в экономике. М.: «Финансы и статистика. ИНФРА-М», 2009.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономический рост. Либеральная альтернатива. М.: Наука, 2005.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономика как синергетическая система. М.: ЛЕНАНД, 2010.
- Ершов Э.Б.* Индексы цен и количеств Фишера и Монтгомери как индексы Дивизиа // Экономика и математические методы. 2003. Том 39. Вып. 2. С.136–154.
- Ершов Э.Б.* Ситуационная теория индексов цен и количеств. М.: РИОР, 2011. – (Научная мысль).
- Заде Л.* Понятие состояния в теории систем // Общая теория систем. М.: Мир, 1966. С. 49–65.
- Заде Л., Дезоер Ч.* Теория линейных систем. М.: Наука, 1970.
- Занг В.Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории / Под редакцией В.В. Лебедева и В.Н. Разжевайкина. М.: Мир, 1999.
- Зарнадзе А.А.* Целостность управления современной экономикой. М., 2011.
- Зарнадзе А.А.* Целостность управления современной экономикой. Доклад на Сессии МАОН. М., 2012.
- Зинковский С.А., Первозванский А.А., Первозванская Т.Н.* Задача об оптимальном портфеле ценных бумаг при наличии малорисковых инвестиций // Вестник СПбУ, 1993. Сер. 5. Вып. 4.
- Ильин В.Н.* Термодинамика и социология. Физические основы социальных процессов и явлений. М.: КомКнига, 2010.
- Канторович Л.В.* О перемещении масс // Докл. АН СССР. Новая серия. 1942. Т. 37. № 7–8. С. 227–229.
- Канторович Л.В., Гавурин М.К.* Применение математических методов в вопросах анализа грузопотоков. В сб.: «Проблемы повышения эффективности работы транспорта». М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 110–138.
- Канторович Л.В.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

- Канторович Л.В., Макаров В.Л.* Оптимальные модели перспективного планирования / Применение математики в экономических исследованиях. М.: Мысль, 1965. Т. 3.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС, 2003.
- Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция // Доклад Римского клуба / Под ред. Д.М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1991.
- Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
- Кобринский Н.Е.* Информационные фильтры в экономике. М.: Статистика, 1978.
- Кобринский Н.Е., Майминас Е.З., Смирнов А.Д.* Экономическая кибернетика. М.: Экономика, 1982.
- Костюк В.Н.* Теория систем как теория отношений // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 97–103.
- Костюк В.Н.* Парадоксы: логико-системный анализ // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1979. С. 344–357.
- Костюк В.Н.* Теория эволюции и социоэкономические процессы. М.: УРСС, 2001.
- Костюк В.Н.* Нестационарные экономические процессы. М.: ИСА РАН, УРСС, 2004.
- Кэмпбелл Эндрю, Лачс Кэтлин Саммерс.* Стратегический синергизм. СПб.: Питер, 2004.
- Ланге О.* Введение в экономическую кибернетику. М.: Прогресс, 1968. Варшава, 1965.
- Лебедев В.В., Лебедев К.В.* Математическое моделирование нестационарных социально-экономических процессов // М.: Тест, 2011.
- Левитин Е.С.* Энциклопедия. «Математическое образование и математика в современной цивилизации», т.1. М.: УРСС, 2012.
- Левит Б.Ю.* Алгоритмы поиска кратчайших путей на графе. Труды института гидродинамики СО АН СССР, сб:

- «Моделирование процессов управления». Вып. 4, Новосибирск, 1971 С. 117–148.
- Левит Б.Ю., Лившиц В.Н.* Нелинейные сетевые транспортные задачи. М.: Транспорт, 1972 .
- Левич Е.М.* Исторический очерк развития методологии математики. Иерусалим. 2008.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Реформационные процессы в жизни общества: условия успешной организации и причины неудач. Системные исследования. Методологические проблемы // Ежегодник 1995–1996. М.: УРСС, 1996. С. 7–40.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2002.
- Лексин В.* Россия до, во время и после глобального кризиса // Российский экономический журнал. 2009. № 7–8. С. 3–34.
- Лефевр В.А.* О способах представления объектов как систем. Тезисы докладов симпозиума «Логика научного исследования» и семинара логиков. Киев, 1962. Опубликовано также в (Лефевр, 2003).
- Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. Гл.7. Объекты как системы. В книге «Рефлексия», гл. 7. С. 95–107. М.: Когито-центр, 2003.
- Лившиц В.Н.* Оптимальное распределение неоднородных потоков по нелинейной транспортной сети // Известия АН СССР. Серия «Энергетика и транспорт». 1969. № 1. С. 127–134.
- Лившиц В.Н.* Выбор оптимальных решений в технико-экономических расчетах. М.: Экономика, 1971.
- Лившиц В.Н.* Оптимизация при перспективном планировании и проектировании. М.: Экономика, 1984.
- Лившиц В.Н.* Системный анализ экономических процессов на транспорте. М.: Транспорт, 1986.
- Лившиц В.Н.* Проектный анализ: методология, принятая во Всемирном Банке // Экономика и математические методы. 1994. Том 28. Вып. 3. С. 33–50.

- Лившиц В.Н.* О необходимости изменения действующей парадигмы государственного управления экономикой России // Экономическая наука современной России, 2015. №1 (68). С. 18–28.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Оценка эффективности инвестиционных проектов в стационарных и нестационарных макроэкономических условиях // Экономика строительства. 2003. № 5. С. 2–22.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS, 2008.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис, 2010.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2010): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Маросейка, 2011.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. Часть I // ЭНСР, 2017. № 3. С. 70–86. Часть II. ЭНСР, 2018 (в печати).
- Лурье А.А.* Методы сопоставления ежегодных расходов и капиталовложений при оценке технических мероприятий // Вопросы экономики железнодорожного транспорта. М.: Трансжелдориздат, 1948.
- Лурье А.А.* О математических методах решения задач на оптимум при планировании социалистического хозяйства. М.: Наука, 1964.
- Львов Д.С.* Эффективное управление техническим прогрессом. М.: Экономика, 1990.
- Львов Д.С.* Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000.
- Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
- Львов Д.С., Гребенников В.Г., Ерзнкян Б.А.* Институциональные аспекты формирования благоприятного

- инвестиционного климата. М.: ЦЭМИ. Препринт № WP/98/062.
- Майнцер Клаус.* Сложносистемное мышление. Материя. Разум. Человечество. Новый синтез. М.: URSS, 2008. С. 464.
- Макаров А.А., Мелентьев Л.А.* Методы исследования и оптимизации энергетического хозяйства. Новосибирск: Наука, 1973.
- Макаров А.А.* Электроэнергетика России в период до 2030 года: Контуры желаемого будущего. М.: ИНЭИ РАН, 2007.
- Макаров В.Л.* О реформировании государства в процессе преобразования экономики // Экономика России на перепутье веков. М., 2000. С. 38–57.
- Малинецкий Г.Г.* Математические основы синергетики. Хаос, структуры, вычислительный эксперимент. М.: Изд-во URSS, 2005.
- Малинецкий Г.Г.* Синергетика и оборона. Четвертые Курдюмовские Юбилейные чтения. Материалы конференции 10–13 апреля 2008 года, Тверь, 2008.
- Малинецкий Г.Г.* Синергетика. Кризис или развитие? Введение к книге *Майнцер Клаус.* Сложносистемное мышление. Материя. Разум. Человечество. Новый синтез. М.: URSS. 2008. С. 5–19.
- Малиновский А.А.* Некоторые вопросы организации биологических систем. М.: Организация и управление, 1968.
- Малиновский А.А.* Основные понятия и определения теории систем (в связи с приложением теории систем к биологии) // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1979. С. 78–90.
- Малиновский А.А.* Значение общей теории систем в биологических науках // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1984. С. 83–115.
- Мандельброт Бенуа, Хадсон Ричард.* (Не) послушные рынки. Фрактальная революция в финансах. М. – СПб.: Вильямс, 2006.

- Мартынов А.В.* Системная трансформация экономики и общества. Российский выбор // М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Мелентьев Л.А.* Системные исследования в энергетике. М.: Наука, 1979.
- Месарович М.* Основания общей теории систем // Общая теория систем. М.: Мир, 1966. С. 15–48.
- Месарович М., Мако Д., Такахара И.* Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973. 344 с.
- Месарович М., Мако Д., Такахара Я.* Общая теория систем. Математические основы. М.: Мир, 1978.
- Моисеев Н.Н.* Математические задачи системного анализа. М.: Наука, 1981.
- Николис Г.И., Пригожин И.* Познание сложного. М.: УРСС, 2003.
- Новая философская энциклопедия. Т.3. М., 2010. С. 552.
- Новик И.Б.* Моделирование сложных систем. М.: Наука, 1965.
- Новожилов В.В.* Проблемы соизмерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1968.
- Определение эффективности капитальных вложений на транспорте. (Методические разработки) / Под ред. Л.В. Канторовича и В.Н. Лившица. М.: ВНИИСИ, 1982.
- Первозванский А.А., Первозванская Т.Н.* Финансовый рынок: расчет и риск. М.: ИНФРА-М, 1994.
- Петраков Н.Я.* Кибернетические проблемы управления экономикой. М.: Наука, 1974.
- Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.
- Петраков Н.Я., Перламутров В.А.* Россия – зона экономической катастрофы // Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика, 1996. С. 136–149.
- Петров А.А.* Эволюция российской экономики по пути реформ (обзор результатов исследований математических моделей / Управление экономикой переходного периода. Научный анализ для правящей элиты и кон-

- структивной оппозиции / Под редакцией В.В. Макарова. М.: Наука, Физматлит, 1998. Вып. 3. С. 13–54.
- Петров А.А., Бузин А.Ю., Крутов А.П., Поспелов И.Г.* Оценки последствий экономической реформы и крупных технических проектов для экономики СССР. М.: Изд. ВЦ АН СССР, 1990.
- Петров А.А., Поспелов И.Г., Шананин А.А.* Опыт математического моделирования экономики. М.: Энергоатомиздат, 1996.
- Печчеи А.* Человеческие качества / Под ред. Д.М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1985.
- Пономарева Александра.* Приличная компания. 28 российских компаний попали в рейтинг «Форбс». // Известия. 23–25.04.2010. № 72(28087). С. 1–2
- Попков Ю.С.* Теория макросистем. Равновесные модели. 1999.
- Попков Ю.С., Посохин М.В., Гутнов А.Э., Шмульян Б.Л.* Системный анализ и проблемы развития городов. М.: Наука, 1983.
- Попков Ю.С.* Макросистемные модели пространственной экономики. М.: УРСС, 2008.
- Прангшивили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. М.: Синтег, 2000.
- Прангшивили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности. Вопросы управления сложными системами. М.: Наука, 2003.
- Пригожин Илья, Стенгерс Изабелла.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2003; 6-е изд. М.: Изд-во АКИ/URSS, 2008.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. 1994. 6-е изд. М.: КомКнига, 2005.
- Райзберг Б.А.* Курс управления экономикой. М.: Питер, 2003.
- Рапопорт А.* Замечание по поводу общей теории систем // Общая теория систем. М.: Мир, 1966. С. 179–182.
- Рапопорт А.* Различные подходы к общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 55–79.

- Рапопорт А.* Различные подходы к построению общей теории систем: элементаристский и организмический // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1983. С. 42–60.
- Рапопорт Анатолий.* Уверенность и сомнения. М.: МП «Информационный центр», 1999.
- Ресин В.И., Попков Ю.С.* Развитие больших городов в условиях переходной экономики. Системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Рубини Нуриэль, Стивен Мим.* Как я предсказал кризис: экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М.: ЭКСМО, 2011.
- Рубинштейн А.Я.* Структура и эволюция социального интереса. 2003.
- Рубинштейн А.* «Группы и их интересы»: приглашение к дискуссии // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 81–94.
- Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. СПб.: Алетейя, 2008.
- Рубинштейн А.Я.* Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010.
- Рутгайзер В.М.* Оценка стоимости бизнеса. М.: Изд-во «Марсейка», 2008.
- Садовский В.Н.* Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974.
- Садовский В.Н.* Принцип системности, системный подход и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник 1978. М.: Наука, 1979. С. 29–54.
- Садовский В.Н.* Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. Ежегодник 1979. М.: Наука, 1980. С. 29–54.
- Садовский В.Н.* Становление и развитие системной парадигмы в Советском Союзе и в России во второй половине XX века // Системные исследования. Ежегодник 1999. М.: URSS, 2001. С. 7–36.

- Сатир Жак.* К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики / Пер. с франц. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2001.
- Скиба А.Н.* Резонанс-эффекты в экономике: формирование системно-синергетического подхода // Труды Института системного анализа РАН. Том 61. Вып. 3. М.: Эдиториал УРСС. 2011. С. 65–75.
- Стиглиц Джозеф.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок. М.: ЭКСМО, 2011.
- Тарасенко Ф.П.* Прикладной системный анализ. М.: КНОРУС, 2010.
- Уемов А.И.* Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследований // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 80–96.
- Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.
- Уорнер Малькольм.* Редактор энциклопедии «Классики менеджмента». М.: Питер, 2001. Статья Бергаланфи, Людвиг Фон. С. 134–141.
- Урманцев Ю.А.* Эволюционика, или Общая теория развития систем природы, общества и мышления. Пущино: ОНТИНБТЦ АН СССР, 1988а.
- Урманцев Ю.А.* Общая теория систем: состояние, приложение и перспективы развития. Система, симметрия, гармония. М.: Мысль, 1988б.
- Философы России. 1995.
- Хакен Г.* Синергетика. М.: Мир, 1980.
- Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М.: Комкнига/URSS, 2005.
- Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: наука о взаимодействии. М.: Ижевск, Институт компьютерных исследований, 2003.
- Хомяков П.М.* Системный анализ в 10 лекциях. М.: УРСС, 2006.

- Хрусталеv Е.Ю. Экономические проблемы военной безопасности. М.: Наука, 2000.
- Черняк Ю.И. Системный анализ и управление экономикой. М.: Экономика, 1976.
- Шрейдер Ю.А. Теория множеств и теория систем // Системные исследования. Ежегодник. 1978. М.: Наука, 1979. С. 70–85.
- Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Экономические парадоксы или парадоксальная экономика. М.: Экономика, 2005.
- Энциклопедия кибернетики. Т.1. Киев Гл. редакция украинской советской энциклопедии. 1974.
- Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
- Эшби У.Р. Несколько замечаний // Общая теория систем. М.: Мир, 1966. С. 171–178.
- Юдин Э.Г. Методологическая природа системного подхода // Системные исследования. Ежегодник. 1973. М.: Наука, 1974. С. 38–51.
- Babusiaux Denis.* Decision d'investissement et calcul economique dans l'enterprise, Guy, Paris Edition Technip. Economica, 1990.
- Bahm A.J.* Five types of systems philosophy // Intern. J. Gen.Syst. 1981. Vol. 6.
- Bertalanffy L.von.* Biologische Gesetzlichkeit im Lichte der organismischen Auffassung. «Travaux de IX Congres International de Philosophie». Paris, 1937. Vol. VII. P. 158–164.
- Bertalanffy L.von.* An Outline of General Systems Theory // British Journal for Philosophy of Science. 1950. No2/ Vol. I. P. 139–164.
- Bertalanffy L.von.* General Systems Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: George, Braziller, 1968. XV.
- Bunge M.* General systems and holism // Gen.Syst., 1977. Vol.22.

- Bruno Husson, Hugues Jordan.* Les Choix des Investissements, J.Delmas et cie, 75006, Paris, 1988.
- D`AGOSTINI.(2015). Наука. Величайшие теории: выпуск 17. У интуиции есть своя логика. Гедель. Теоремы о неполноте.
- General Systems. Yearbook of the Society for General Systems Research. L. von Bertalanffy and A,Rapoport (Eds.) V. I–XIII, 1956–1968, Ann Arbor.
- Kohler W.* Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationaren Zustand. Erlangen, 1924.
- Kohler W.* Zum Problem der Regulation – «Roux Archiv», Bd.112. 1927.
- Laszlo E.* Introduction to Systems Philosophy. Toward a New Paradigm of Contemporary Thought. N.Y.: Gordon and Breach, 1972. XXI.
- National Journal*, Vol. 2. No.19. 1970.
- Quinet Emile.* Principes d, Economie des Transports. Economica, Paris, 1998.
- Rapoport A.* Mathematical Aspects of General Systems Theory. «General Systems», v.XI, 1966. P. 3–11.
- Rapoport A.* General System Theory; Essential Concepts & Applications, Cambridge, Mass.: Abacus Press, 1986.
- Wiener Norbert.* Cybernetics or control and communication in the animal and the machine // The technology Press, John Wiley @ Sons Inc. New Yorc. 1948.
- Zadeh L.* From Circuit Theory to Systems Theory, Proc. IRE, May 1962.

Раздел 1

Системный анализ процесса и последствий российских экономических реформ (1992–2012 гг.)

Я непримиримый противник экстремистских стратегий проведения реформ, таких как «шоковая терапия», столь позорно провалившаяся в России и некоторых других странах на постсоветском пространстве.

*Джозеф Стиглиц, экономист*³⁹

1.1. Стационарные и нестационарные макроэкономические системы

Коммунизм в России — это советская власть плюс электрификация всей страны.

*Присказка российских коммунистов
20-х годов XX века*

Капитализм в России — это антисоветская власть плюс ЕГЭизация и болонизация всей страны.

*Присказка российских неолибералов
10-х годов XXI века*

Какой вы социализм строили, такой вы и капитализм построили.

*Последнее выступление в ЦЭМИ РАН
д.э.н. Юрия Валентиновича Овсиенко*

Статистические данные Госкомстата (с 2006 года — Росстата) РФ (см. ниже табл. 1.5–1.9 в п. 1.2), характеризующие функционирование переходной российской экономики в

39. Цитируется по (Стиглиц, «Глобализация: тревожные тенденции», 2002, с. 8).

последнем десятилетии минувшего и первом десятилетии нынешнего века, свидетельствуют о существенном отличии динамики основных ее экономических (ВВП, объем промышленного производства и др.), финансовых (темп инфляции, ставка рефинансирования ЦБ и др.) и социальных (уровень безработицы, реальных доходов, продолжительности жизни населения и др.) макропоказателей от соответствующих их изменений, которые присущи благополучным промышленно развитым странам с рыночной экономикой.

В этих странах обычно, т.е. в некризисные периоды, имеет место нормальный рыночный цикл с растущим трендом занятости, объемов производства, уровня жизни населения и др., согласованной с ними рациональной государственной экономической (бюджетной, инвестиционной, денежной, финансовой и т. д.) политикой при относительно стабильном законодательстве (в том числе налоговом), стимулирующем интенсивный научно-технический прогресс, при развитой и эффективно действующей инфраструктуре и сети финансовых институтов (банки, биржи, фонды и др.). В России же все 90-е годы ситуация была совершенно иная – интенсивно в социально-экономической сфере развивались негативные процессы кризисного типа. Особенно остро они затронули воспроизводственные отношения в сфере реального производства, где в итоге износ основных фондов практически во всех отраслях намного превысил допустимые значения, что явилось генератором различного рода техногенных неприятностей. Ситуация эта и сегодня резко осложняется тремя объективными обстоятельствами: во-первых, инвестиционные ресурсы (включая реальные возможности и желания как отечественных, так и иностранных инвесторов) весьма ограничены, во-вторых, инвестиционный климат в России оставляет желать лучшего – слабо развита рыночная институциональная инфраструктура, велики хозяйственные и нехозяйственные риски, неустойчиво законодательство, в том числе налоговое, высок уровень коррумпированности во всех секторах и т.д., в-третьих, все еще сильно негативное

влияние в стране финансового кризиса, выход из которого фактически далеко не закончился.

В итоге, хотя нам, в том числе и во всех СМИ, порою говорят, что мы уже два десятилетия идем к «их» нормальному рынку, но очень многое с рынком связанное, даже финансовый кризис, у нас выглядит совершенно иначе, чем у «них». Нередко у нас аналогичные по содержанию явления и показатели (например, как было в 90-е годы) выглядят или ведут себя даже наоборот с качественной точки зрения – у «них» некоторый важный макропоказатель (например, реальные доходы населения) растет, у нас падает, у «них» уровень ряда показателей низкий (например, базового индекса инфляции), а у нас высокий, у «них» корреляция между некоторыми показателями сильная (например, риск – доходность), у нас слабая, да еще порой с другим знаком, у «них» стоимость собственного капитала выше, чем заемного, у нас нередко наоборот.

Да и в целом у нас все основные характеристики денежной системы и ее динамика – другие. Так, относительное количество наличных денег (M_0 /ВВП) у нас значительно завышено по отношению к нормальному «у них», где оно обычно порядка нескольких процентов, а не их нескольких десятков, как у нас, и наоборот, общее количество денег в экономике у нас во все годы реформ было резко занижено (нормально «у них» коэффициент монетизации экономики – величина «отношения среднегодового объема широкой денежной массы к номинальному ВВП, т.е. M_2 или M_3 / ВВП, не менее 45% или даже значительно больше (табл. 1.1, приведенная в (Андреанов, 2013), а в России намного, часто в разы, меньше (см. табл. 1.7).

Принципиально это означает то, что «у них» процессы в докризисной экономике, как правило, имеют достаточно стабильный, точнее, стационарный характер, а у нас, по крайней мере, пока⁴⁰, нестационарный, и это так даже с учетом

40. По-видимому, и в обозримом будущем кардинальные изменения в этом отношении не просматриваются.

относительно высоких результатов развития экономики России в 2000–2007 гг. при относительно очень благоприятной для нас внешнеэкономической обстановке, в том числе и при весьма высоких мировых ценах на нашу экспортную нефтегазовую продукцию.

Таблица 1.1. Коэффициент монетизации экономики различных стран мира (в конце года)

Страна	M ₂ , M ₃ в % к ВВП	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Китай	M ₂	82	100	136	162	160	152	161	178	181	181
Япония	M ₂	105	106	123	139	140	140	147	160	161	170
Страны с евро	M ₃		71	72	88	91	96	102	105	102	101
Индия	M ₃	45	48	60	71	73	77	61	86	84	84
Великобритания	M ₂	54	59	61	73	75	76	78	85	84	84
США	M ₂	56	48	48	52	51	52	54	60	59	61
ЮАР	M ₂	46	45	51	61	65	69	69	66	63	61

Понятно, что разные типы экономик определяют существенно различные макро- и микроэкономические условия проведения конкретных инвестиционных мероприятий и тем самым оказывают влияние не только на их реальную эффективность, но должны непосредственно отразиться и на способах ее оценки. Ввиду сложности протекания инвестиционных процессов не только в экономике в целом, но и в рамках многих программ, и даже отдельных инвестиционных мероприятий, в настоящее время, как нам кажется, уже установилось достаточно единодушное мнение о целесообразности использовать в обоснованных процессах принятия решений для оценки эффективности реальных инвестиций в качестве ее методологического фундамента логику системного мышления и соответствующий инструментарий прикладного системного экономического анализа. Гораздо меньшее единодушие имеется по поводу того, что конкретно при этом имеется в виду под системным мышлением, его элементами, и поэтому выше в п. 0.4 этому важному вопросу было уделено большое внимание. Тем не менее, не все необходимое было сказано, и поэтому введем дополнительно требуемые

для системного экономического анализа основные понятия, следуя (Розенберг, 1997; Словарь, 1997; Шарп и др., 1998; Лившиц С.В., 2001а; Виленский и др., 2008), причем прежде всего отметим, в каком смысле будут употребляться ключевые термины – «стационарная экономика» и «нестационарная экономика».

Под *стационарной экономикой* будет пониматься далее хозяйственная система, имманентная функционирующим в некризисном периоде благополучным промышленно развитым странам, макроэкономические параметры и показатели деятельности которой относительно плавно меняются либо монотонно, либо в рамках нормальных рыночных циклов и динамика значений которых, находясь в определенных устойчивых границах, достаточно хорошо предсказуема, по крайней мере, в краткосрочной, а нередко и среднесрочной перспективе.

Такое определение стационарной экономики не совпадает с часто используемым более жестким классическим, когда стационарная экономика или стационарная рыночная система понимаются либо как равновесная рыночная система, обладающая идеальными свойствами, такими как, например, безарбитражность, либо в смысле стационарности поведения соответствующих случайных величин (доходности ценных бумаг на фондовом рынке и др.) при некоррелированности последовательных значений случайных величин при сколь угодно малом значении шага дискретности (Зинковский и др., 1993; Первозванский и Первозванская, 1994; и др.)⁴¹. Есть, конечно, и несколько иные интерпретации этого

41. В работах по теории вероятностей и случайным процессам, например в (Прохоров, Розанов, 1973), нередко определяют и отдельные виды стационарности, в частности в широком и узком смыслах, следующим образом (с. 163): «Случайный процесс $\xi(t)$ на действительной прямой $-\infty < t < \infty$, $M|\xi(t)|^2 < \infty$ называется *стационарным в широком смысле*, если его математическое ожидание $A(t)$ и ковариационная функция $B(s, t)$ не меняются при перемене начала отсчета параметра t , т.е. функция $A(t)$ есть постоянная, а функция $B(s, t)$ зависит лишь от разности $t - s$:

$$B(s, t) = B(t - s).$$

Иногда процесс называют также стационарным, если инвариантна относительно сдвига параметра t лишь ковариационная функция». И соответственно (Там же, с. 191): «Пусть для

важного понятия. Так, П. Самуэльсон в монографии «Основания экономического анализа», завершённой в январе 1945 года (русский перевод, СПб.: Экономическая школа, 2002, с. 316), пишет, что «термин *стационарный* является описательным и характеризует поведение экономической переменной во времени; обычно он подразумевает ее постоянство, но иногда его обобщают, чтобы включить периодически повторяющееся поведение». Встречается в этой монографии (с. 265) и несколько иной взгляд на стационарность как на статическое или динамическое устойчивое равновесие.

Соответственно, далее в настоящей монографии под *нестационарной экономикой* будет пониматься хозяйственная система, которой присущи достаточно резкие и плохо предсказуемые изменения многих макроэкономических показателей и параметров, уровни состояния и динамика которых не отвечают стационарному режиму экономики и нормальному рыночному циклу, а скорее присущи переходным кризисным или посткризисным экономическим процессам.

Пожалуй, ближе всего к такому пониманию стационарных и нестационарных систем приближается принятое в ряде естественных и технических дисциплин, например в электротехнике (Калантаров и Нейман, 1951), представление о стационарных и нестационарных процессах как об установившихся (хотя в некоторых случаях и изменяющихся, но периодически, особенно в цепях переменного тока) и неустановившихся – переходных процессах. Не случайно и наша российская нестационарная экономика называется переходной, а «их» экономику, несмотря на сложный характер рыночного делового цикла (наличия в нем краткосрочных и среднесрочных циклических составляющих типа волн Джозефа Китчина, Клемента Жугляра, Саймона Кузнеца и

определенности T – множество всех действительных или целых чисел t . Случайный процесс $\xi = \xi(t)$ на множестве T в фазовом пространстве (E, B) называется *стационарным* (в узком смысле), если его конечномерные распределения для любых $u, t_1, \dots, t_n \in T$ и $B_1, \dots, B_n \in B$ удовлетворяют условию стационарности:

$$P_{t_1+u, \dots, t_n+u}(B_1, \dots, B_n) = P_{t_1, \dots, t_n}(B_1, \dots, B_n) \text{ »}.$$

др., длинных волн Николая Кондратьева и т.д. (Курс экономической теории, 2006, с. 414–422), к переходным экономикам не относят. Конечно, понятие стационарности и нестационарности применяют не только при анализе систем, но и многих других элементов – так, например, в теоретической механике часто принимается, что «связь, не зависящая явно от времени, называется склерономной или стационарной, если же связь явно зависит от времени, то она называется реономной...» (Николаи, 1949, ч. 2, с. 323; Бухгольц, 1965, ч. 1, с. 176).

Разумеется, выше рассмотрены далеко не все встречающиеся в литературе определения стационарности и нестационарности. Так, в уже упоминавшемся учебнике по устойчивому развитию под ред. Л. Мельника и А. Хенса дается следующая (с. 38) несколько иная трактовка содержания этого важного понятия: «*Стационарность системы означает, что она способна поддерживать устойчивое динамическое равновесие — гомеостаз, который представляет собой динамическое относительно постоянное состояние состава и свойств*». По вытекающему отсюда, небесспорному, на наш взгляд, мнению авторов указанного учебника, «развиваться способны только открытые стационарные системы. Открытость системы означает, что она осуществляет метаболизм, т.е. вещественно-энергетически — информационный обмен с внешней (окружающей) средой. Метаболизм служит источником поступления в систему свободной энергии и удаления из системы отходов жизнедеятельности».

Конечно, и для стационарных экономик бывают отдельные периоды нестационарного характера (например, Великая депрессия начала 30-х годов или финансовый кризис 2007–2009 гг. в США и ряде других развитых стран). Необходимыми признаками нестационарности процесса, в том числе и экономического, являются, согласно (Костюк, 2004, с. 12), «изменение структуры во времени, конечный горизонт видимости...». Кроме того, несколько ранее в (Костюк, 2001, с. 9–12) на основе рассмотрения ряда примеров отмечено,

что «...отрицательная обратная связь характерна для стационарных, а положительная обратная связь — для нестационарных экономических процессов. Наличие устойчивой тенденции к изменению существующего положения служит необходимым признаком неравновесия, порождающего нестационарный процесс. Эти моменты изменений заранее неизвестны, поэтому доступные экономическим субъектам характеристики неравновесия обычно являются неполными, отражая неопределенность будущего в неравновесных процессах. Наличие неопределенного будущего и критических значений параметров, управляющих процессом, — еще одна характеристическая черта нестационарных процессов».

В последнее время иногда понятие стационарности интерпретируется в термодинамическом или информационном аспекте. Так, в работе, посвященной равновесным моделям в теории макросистем (Попков, 1999, с. 49), утверждается, что «общие предпосылки для построения конструктивного метода определения стационарного состояния даются вторым законом термодинамики, сформулированным Клаузиусом. Второй закон термодинамики характеризует эволюцию во времени макросостояний системы. Если в некоторый момент времени система находилась в нестационарном состоянии, то наиболее вероятно, что в последующие моменты времени ее движение будет происходить с монотонно возрастающей энтропией. Отсюда следует, что если достигнуто макросостояние, в котором энтропия максимальна, то смещения из этого состояния не будет, т.е. макросостояние с максимальной энтропией есть реализуемое в макросистеме стационарное состояние».

Далее в (Попков, 1999, с. 50) предполагается, «что второй закон термодинамики верен не только для открытого множества возможных макросостояний, но и для его подмножеств, для которых поведение элементов остается случайным и независимым. Это предположение означает, что если система находилась в некотором макросостоянии из множества допустимых макросостояний, то наиболее

вероятно, что в последующие моменты времени ее движение будет сопровождаться ростом энтропии. Стационарное состояние будет достигаться тогда, когда на допустимом макросостоянии энтропия станет максимальной». Несколько иначе определяется это состояние в (Костюк, 2006, с. 19), где со ссылкой на работу 1994 года Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс отмечается: «В открытых системах можно ввести понятие *стационарного состояния*, обобщающее понятие равновесия. Изменение энтропии в открытой системе можно разделить на «поток энтропии», зависящий от обмена системы с окружающей средой, и «производство энтропии», обусловленное необратимыми процессами внутри системы. Второе начало термодинамики требует, чтобы производство энтропии было положительным или обращалось в нуль при достижении системой равновесия. Однако на поток энтропии второе начало не налагает никаких условий. Это дает возможность ввести следующее определение. *Состояние системы стационарно, если положительное производство энтропии внутри системы компенсируется притоком отрицательной энтропии (информации) извне*⁴². При выполнении этого условия состояние системы не изменяется во времени. Равновесие соответствует частному случаю, когда и поток энтропии, и производство энтропии обращаются в нуль». Однако, как пишется в (Костюк, 2001, с. 17): «В открытых системах, обменивающихся со средой энергией и веществом... возможны альтернативно протекаю-

42. Естественно, это вполне совпадает с несколько иначе выраженной той же мыслью И. Пригожина. Суть ее в том, что «в стационарных экономических системах энтропия сохраняет свое значение – ее полная производная, т.е. производная от суммы произведенной системой энтропии и потоковой энтропии обмена с внешней средой, во времени равна нулю». Отметим также, что энтропийный подход многолик и применяется не только как мера хаоса или для характеристики стационарных состояний. Да и разных взглядов на понятие энтропии, ее определений, обобщений и интерпретаций немало – например, в недавно вышедшей монографии (Королев, Кусый, Сигал, 2013) кратко рассматриваются энтропия по Клаузиусу, по Больцману, по Гиббсу, по Шеннону, по Колмогорову, по Реньи, по Теаллису, по Джону фон Нейману и др., а также возможности использования энтропии не только в термодинамике, но и вообще в статистической и квантовой физике и астрофизике, теории информации, для моделирования процессов на товарных и финансовых рынках, для рекуррентного анализа временных рядов и т.д.

щие эволюционные неравновесные процессы», для которых энтропия системы во времени уменьшается (ее производная по времени отрицательна), и «в таких процессах возникают явления критичности и бифуркации. Тем самым (Николис и Пригожин, 1989, с. 74, 2003.) «неравновесие выявляет потенциальные возможности, содержащиеся в нелинейностях и как бы «дремлющие» в равновесии и вблизи него».

Второй закон термодинамики привлек внимание и основоположников общей теории систем. В (Рапопорт, 1969, с. 63–64) отмечается, что для некоторого класса простых открытых систем, стремящихся к динамическому равновесию, которым уделял особое внимание Л. Берталанфи, было показано, что «второй закон термодинамики принимает модифицированный вид, а именно: скорость возрастания энтропии внутри системы стремится в таких системах к минимальному значению, соответствующему динамическому равновесию. В этот закон включается как частный случай классический второй закон термодинамики, поскольку он гласит, что скорость роста энтропии внутри системы стремится к нулю по мере приближения системы к состоянию равновесия, когда общая ее энтропия как раз принимает максимальное значение. Таким образом, был сформулирован обобщенный вид второго закона термодинамики; в этом виде он относится к системам более общего вида, чем те, к которым относится второй закон термодинамики в его обычной формулировке. Эти системы, будучи открытыми, более близки к живым системам. И поскольку второе начало играет такую принципиальную роль в классической термодинамике, понятно, что был сделан первый шаг на пути выведения общих и точных законов, управляющих жизненными процессами».

В работах инженерного направления часто принимают (Заде, Дезоер, 1970, с. 153), что система «стационарна (инвариантна во времени), если ее характеристики не изменяются во времени». Близка к этому и приведенная выше точка зрения, высказанная в (Самуэльсон, 2002, с. 316): «Термин

«стационарный» является описательным...», а также позиция, занятая автором монографии по теории эволюции (Костюк, 2001, с. 57), в которой применительно к «изучению социальной эволюции развития общества его стационарное состояние определяется условием постоянства во времени информации (негэнтропии), малым (в пределе нулевым) темпом происходящих в нем изменений». Там же указывается (с. 59), что для Ф. Найта основополагающим при исследовании понятия стационарности «является противопоставление определенности и неопределенности... Будущее в стационарном обществе является полностью определенным, а потому управляемым». Поэтому в (Шумпетер, 1942) обращается внимание на связь между стационарным состоянием, которое желательно в силу предсказуемости его развития, и социалистической организацией общества. Таким образом, понятия стационарности и нестационарности макроэкономических, социальных и т.д. систем обычно связывают с поведением их в обычном (ньютоновском) времени, возможностями прогнозирования их состояния и управления ими. В рамках же концепции синергетической экономики исходят (Евстигнеева, Евстигнеев, 2010, с. 9–10) из того, что «наряду с привычным временем, которое связано с движением, обращенным в будущее и прошлое, т.е. *обратимым*, существует внутреннее, или *необратимое*, время эволюции (так называемой стрелы времени). Отцы синергетики Илья Романович Пригожин и Герман Хакен показали⁴³, что необратимость приводит к глубоким изменениям понятия пространства, времени и динамики. Происходящие вокруг нас явления асимметричны во времени. Здесь действует закон либо возрастающей (второй закон

43. Там же (с. 10) отмечается, что «в формировании необратимости участвуют два ранее неизвестных или, скажем так, недостаточно привлекавших внимание фактора. Один из них – глубоко разработанная Хакеном система параметров порядка – макроскопический уровень исследования. В точках бифуркации (критических пороговых точках ветвления путей эволюции) происходит разрушение действующей системы параметров порядка и замещение ее новой системой. Другой фактор – обнаруженная Пригожиным особая роль микроскопических элементов системы. Это область хаоса и множественных каузальных и случайных линейных взаимодействий, порождающих устойчивые корреляции. Именно они дают жизнь траекториям макроскопических факторов».

термодинамики), либо убывающей (в сложных открытых системах) *энтропии*». Во втором случае более старым является то состояние, которому соответствует большее значение энтропии (рассеяния энергии). Важный вывод из закона убывающей энтропии для экономической и любой другой общественной трансформации: *прогресс идет в результате нелинейного взаимодействия структурных компонентов системы по сложной траектории (порядок—хаос—диссипация, т.е. самоорганизация, упорядочение хаоса, порядок)*».

Определим, исходя из охарактеризованных выше системных позиций, прежде всего важнейшие особенности, которые, по нашему мнению, присущи рассматриваемым типам экономических систем, и которые существенно влияют на методологию проведения корректной оценки эффективности инвестиционных проектов. Их удобно представить в виде нижеследующей табл. 1.2 – в ней, естественно, указаны далеко не все, а лишь некоторые из основных для рыночных условий особенностей стационарной и нестационарной экономик, которые обязательно следует учитывать именно при оценке эффективности развития различных систем, и в частности, при оценке эффективности реальных инвестиционных проектов, – системной методологии проведения которой в значительной степени посвящена данная монография. Реально, конечно, придется и другие особенности, неотраженные или неполно отраженные в табл. 1.2, тоже учесть при реализации алгоритмов и процедур системного анализа эффективности по конкретным инвестиционным, и особенно инновационным, проектам. В частности, применительно к нестационарным системам приходится иначе определять ключевое для рыночной экономики понятие риска, использовать иные его классификации, другие факторные зависимости, существенно иным, иногда отличающимся в разы или даже на один или несколько порядков, является уровень значений ключевых рыночных параметров (инфляция, банковские процентные ставки, соотношение денежных агрегатов и т.д.). Следует, правда, отметить, что в табл. 1.2

в скрытой форме дополнительно частично отражены и присутствуют различного рода системные признаки и связи между одноименными проявлениями их в стационарном и нестационарном случаях. Так, например, предполагается, что в стационарных системах (и соответствующих макроэкономических и микроэкономических условиях) при анализе основного для бизнеса *вариационного риска* — *риска не получить те доходы, на которые бизнесмен рассчитывает*, можно ограничиться учетом только внешнего — системного или систематического риска. Можно (и нужно) это предполагать потому, что имеющее место в стационарных системах наличие эффективного и безарбитражного фондового рынка позволяет путем диверсификации активов (с использованием, например, моделей оптимизации портфелей Г. Марковица — Дж. Тобина — А. Шарпа) нуллифицировать несистематический (внутренний, внутрипроектный) компонент риска.

Таблица 1.2. Специфика стационарных и нестационарных экономических систем

Фактор	Тип системы	
	Стационарная	Нестационарная
1. Динамика макропоказателей	1.1. Динамика спокойная, отвечающая нормальному рыночному циклу 1.2. Обычно растущий тренд и соответственно согласованные с ним объемы инвестиций 1.3. Близкие к рациональным соотношения значений макропоказателей	1.1. Носит беспокойный и часто нерегулярный, иногда хаотический характер 1.2. Имеет место значительный спад производства, резкое сокращение производственных инвестиций 1.3. Заметно отличающиеся от стационарной экономики соотношения значений макропоказателей
2. Фискальная система	2.1. Сбалансированная в соответствии с фазами рыночного цикла бюджетная политика и политика заимствований, рациональная структура государственных расходов 2.2. Рациональная сложившаяся и относительно редко меняющаяся система налогообложения 2.3. Нормально низкий уровень неденежных расчетов	2.1. Нерациональная структура государственных расходов, значительный размер затрат по обслуживанию долга 2.2. Сложная нерациональная и нестабильная налоговая система 2.3. Высокий уровень неплатежей и суррогатов используемых «денег»

Окончание табл. 1.2

Фактор	Тип системы	
	Стационарная	Нестационарная
3. Риски	3.1. Стабильная структура рисков, отсутствие или весьма низкий уровень вариационных несистематических рисков 3.2. Отсутствие (или малая величина) рисков криминальных, политических и др. 3.3. Достаточно хорошая прогнозируемость рисков	3.1. Сложная структура рисков, включающая и систематические и несистематические риски, причем последние особенно значительные 3.2. Высокие и переменные риски всех видов: политические, криминальные и др. 3.3. Плохая прогнозируемость рисков
4. Рынки	4.1. Сформировавшиеся, эффективный, близкий к безарбитражному фондовый рынок, путем диверсификации элиминирующий значительную часть несистематического риска 4.2. Высокий уровень объективности рыночной стоимости активов, близость ее к «справедливой стоимости»	4.1. Неустановившиеся, в особенности фондовый рынок, возможность операций с большим эффектом арбитража 4.2. Существенные различия между «справедливой стоимостью» ценных бумаг, недвижимости и т. д. и их рыночной стоимостью
5. Инфляция	5.1. Относительно низкая, достаточно однородная (в том числе по различным ресурсам, продуктам и видам используемых валют) 5.2. Стабильная с низким трендом и малыми циклическими отклонениями от него	5.1. Достаточно высокая, временами вплоть до гиперинфляции, неоднородная 5.2. Переменная во времени со значительными изменениями по шагам
6. Кредитно-денежная система	6.1. Фактически одновалютная 6.2. Устойчивая 6.3. Стабильное финансовое, в том числе налоговое законодательство 6.4. Нормальные, определяемые рисковыми характеристиками, соотношения между стоимостями разных видов капитала 6.5. Стабильные и относительно низкие процентные ставки, нормы дисконта, и т. д.	6.1. Фактически многовалютная (рубль, доллар, суррогаты) 6.2. Неустойчивая 6.3. Нестабильное финансовое положение (процентные ставки банков и др.) и соответствующее законодательство, в том числе налоговое 6.4. Высокий уровень стоимости капитала, порою инверсные соотношения стоимостей собственного, заемного и др. видов капитала 6.5. Относительно высокий уровень кредитных процентных ставок*, изменяющийся темп падения ценности денег (норм дисконта)

* Так, условия по рублевым кредитам в конце 2012 года при учетной ставке ЦБ порядка 8% годовых были значительно выше (табл. 1.3).

А вообще-то в 2017 году Банк России снижал ключевую ставку шесть раз (с 10% в начале марта до 9,75% в конце его и далее до 9,25% в конце апреля, до 9% в середине июня и до 8,5% годовых в сентябре, до 8,25% в конце октября и, наконец, до 7,75% 15 декабря). При этом пресс-служба регулятора

после решения Совета директоров Банка России о декабрьском понижении ключевой ставки сделала сообщение о том, что «Банк России допускает возможность некоторого снижения ключевой ставки и в первом полугодии 2018 года», аргументируя это тем, что «инфляция находится на уровне 2,5% и будет постепенно приближаться к 4% к концу 2018 года, а продление соглашения об ограничении добычи нефти снижает проинфляционные риски на горизонте до года. Поэтому Банк России продолжит переходить от умеренно жесткой к нейтральной политике постепенно». Тем более, что «среднесрочные проинфляционные риски преобладают над рисками устойчивого отклонения инфляции вниз от цели».

Таблица 1.3. Условия по рублевым кредитам на любые цели

БАНК	СТАВКА, % годовых	МАКС. СУММА, млн руб.	МАКС. СРОК, лет
Сбербанк	17–25,5	1,5	5
ВТБ-24	14–19	3,0	7
Росбанк	18,4–21,4	2,0	5
Номосбанк	18,9–27,5	2,0	5
Совкомбанк	12,0	0,05	0,5

Да и само измерение уровня риска в стационарном случае осуществляется поэтому по волатильности доходности, т.е. по измеряемой показателем дисперсии (или корнем из нее – среднеквадратическим отклонением) степени колеблемости реальной доходности актива относительно ее среднеожидаемого значения. А в нестационарных условиях, когда, ввиду отсутствия безарбитражного рынка, операция диверсификации активов эффективно не может быть проведена, надо учитывать вариационный и другие риски полностью – и систематический, и несистематический – компоненты. При этом естественнее риск измерять уже не волатильностью доходности, а ее односторонним отклонением в плохую сторону, в сторону уменьшения или применяя специальные технологии учета риска (например, Value at Risk – VAR). Или когда говорится о процентных ставках, то

речь идет обо всей их системе — кредитных и депозитных ставках коммерческих банков, ставке рефинансирования ЦБ и др., их связей с другими макроэкономическими показателями⁴⁴.

Вообще же согласно статье «Бум бесцельных кредитов» в (МК, Экономический вторник, 23.10.2012, с. 5) нецелевые кредиты, согласно информации начальника управления розничных продуктов и развития клиентских отношений Алексея Капустина из Райффайзенбанка, можно разделить на два типа: «быстрые» и «классические». При этом: «Все более распространенным становится экспресс-кредитование, которое предусматривает максимально быстрое принятие решения и выдачу денег клиентам. Но разница заключается не только в скорости обслуживания, но и в стоимости. Средняя ставка по экспресс-кредитам находится в диапазоне 35–45%, предельные значения доходят до 70% годовых» (Там же).

Конечно, проблема связи стационарности и нестационарности в экономике далеко не исчерпывается показанной в табл. 1.2 информацией, да и сама эта таблица и даже понятие нестационарности могут быть успешно расширены, например, как это весьма интересно, хотя и дискуссионно по ряду позиций, сделано в недавно (в декабре 2013 года) вышедшей монографии (Костюк, 2013), в которой ее автором (докт. философских и докт. экономических наук), в частности, различаются (Там же, с. 53) *нестационарная экономика 1* и *нестационарная экономика 2*. Предполагается, что источником нестационарности служат в первом случае *«быстро растущий объем инвестиций и инноваций, низкие процентные ставки и рост удельного веса монополистической конкуренции, повышение уровня жизни, увеличивающее потребительский спрос...»*, а во втором случае — *«недостаточное инвестирование и низкий уровень потребления, высокие процентные ставки и недоступность кредитов для*

44. Имеется в виду учет и динамики значений процентных ставок, и их плохую прогнозируемость вследствие наличия рисков и неопределенности, и системной связи в этих условиях с инфляцией, и т.д.

большинства субъектов экономики, плохо функционирующая антимонопольная политика и низкий уровень конкурентоспособности». Соответственно следующим образом (в виде нижеследующей табл. 1.4) предлагается в (Костюк, 2013, с. 54) дополнить табл. 1.2.

Таблица 1.4

№ п/п	Параметры	Нестационарная экономика 1	Нестационарная экономика 2
1.	Инвестиции	Рост инвестиций превышает рост сбережений, эффективность инвестиций высокая	Рост инвестиций отстает от роста сбережений, эффективность инвестиций средняя или низкая
2.	Чувствительность к инновациям	Высокая	Низкая
3.	Уровень конкурентоспособности	Высокий	Средний или низкий
4.	Рынок труда	Постоянно создаются новые рабочие места, в основном высокотехнологичные	Уровень безработицы выше естественного
5.	Норма доходности гособлигаций	В основном минимальная	Может значительно вырасти
6.	Госфинансирование социальных нужд	Удовлетворительное	Неудовлетворительное
7.	Социальное неравенство	Стабильно или растет, но остается меньше, чем в экономике ¹	Растет
8.	Риски	Растут, но остаются управляемыми	Растут и постепенно становятся неуправляемыми
9.	Денежный рынок	Низкие процентные ставки	Высокие процентные ставки
10.	Валютный рынок	Имеет место чистый положительный приток капитала	Имеет место чистый отрицательный приток капитала
11.	Инфляция	Управляема	Неуправляема
12.	Качество инфраструктуры	Высокое	Низкое
13.	Уровень коррупции и преступности	Низкий	Высокий
14.	Уровень жизни большинства населения	Высокий	Низкий

Анализ данных Госкомстата РФ (Россия 2003) и Росстата (Россия, 2013) показывает, что в основном весь период радикального реформирования нашей экономики (1992–2013 гг.) она, если использовать классификацию проф. В.Н. Костюка, соответствует приведенным в табл. 1.4 условиям нестационарной экономики 2. Исключение составляют лишь позиции

4, 10 и 11, по которым характеристика экономики, по нашему мнению, сформулирована недостаточно однозначно. Так, чистый приток капитала вполне может, и практика это показала, иметь разный знак по разным годам в реформируемой нестационарной экономике. Это же, хотя и в меньшей степени, может относиться и к уровню безработицы (позиция 4).

1.2. Макроэкономическая ситуация в России в период радикальных экономических реформ

Богатые вредны не тем, что они богаты, а тем, что они заставляют бедных чувствовать свою бедность. От уничтожения богатых бедные не сделаются богаче, но станут чувствовать себя менее бедными.

Василий Ключевский, историк⁴⁵

Идет уже третье десятилетие проведения в нашей экономике радикальной Великой реформы — перехода от существовавшей в Советском Союзе системы глобального централизованного планирования всего и вся к не менее глобальной рыночной децентрализации с механизмами ориентации каждого из участников хозяйственных процессов на получение максимально возможного интегрального эффекта, адекватного его интересам. Процессы этой трансформации оказались очень непростыми, со многими неожиданностями, и поэтому интересно хотя бы бегло посмотреть, как реально выглядят пройденный путь, его характеристики и современная ситуация в стране сейчас с высоты не золотокосмического олигархического полета, а вполне приземленного среднебывательского российского взгляда на жизнь. Понятно, что в первую очередь интересует достаточно обобщенная картина наших «великих достижений», достигнутых в течение и в результате осуществления Великой реформы. О них удобно судить, проведя хотя бы краткий статистиче-

45. Записные книжки. 2003, с. 58.

ский количественный и содержательный анализ процессов в российской экономике в прошедший период ее радикального реформирования (1991–2012 гг.). Информация такого рода содержится в нижеследующих таблицах значений макропоказателей развития процессов в экономической, социальной и финансовой сферах, составленных согласно официальным данным Госкомстата, Росстата и Минэкономики РФ⁴⁶. Понятно, что в таблицах приведены итоговые величины за соответствующий год, а в пределах года имела место интенсивная и не всегда монотонная динамика значений этих показателей, скажем, сезонная или помесечная, оказывавшие нередко немалое влияние на рассматриваемые социально-экономические и финансовые процессы. Их внутригодовая динамика и ее последствия – тема отдельного исследования и в настоящей работе почти не будет рассматриваться, кроме заключительного третьего раздела, где она иногда будет учитываться при изложении методологии и алгоритмов оценки эффективности реальных инвестиционных проектов.

Естественно, что радикальные экономические реформы, особенно интенсивно осуществленные в России в 90-е годы при переходе от централизованно-плановой к рыночной экономике⁴⁷, привели к ряду существенных позитивных и негативных последствий социально-экономического характера, заметно изменивших ситуацию в стране и ее международный имидж.

К позитивным последствиям, в первую очередь, следует отнести определенную демократизацию различных сторон общественной и экономической жизни, создание элементов рыночной инфраструктуры и развитие сферы услуг, ликвидацию товарного дефицита, расширение экономической свободы деятельности бизнеса и возможностей населения к самостоятельной и добровольной перемене мест житель-

46. Россия в цифрах. Официальное издание. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2013.

47. Здесь и далее в работе будет использоваться общепринятый в российской науке и практике термин «рыночная экономика», хотя авторы согласны с (Алле, 1995), что более корректно было бы употреблять понятие «экономика рынков».

ства, работы и отдыха. Резко расширился доступ населения к источникам информации, в том числе к зарубежным СМИ — об этом наглядно свидетельствует, например, появившийся достаточно широкий ассортимент газет и журналов в киосках по их продаже, мало отличающийся по полноте от своих аналогов в западноевропейских и североамериканских странах. Да и развитие и использование Интернета тоже немало расширяет возможности информационного, хотя нередко и дезинформационного, «просвещения» населения. Как образно представлено в (Гринберг, 2012, с. 267–268): «...люди, которые пришли к власти, хотели, чтобы Россия в одночасье превратилась в страну изобилия... Они хотели наконец снова насладиться колбасой. Да, на самом деле, дело всегда в колбасе. Колбаса стала символом благосостояния. В последние годы советской власти она исчезла с полок магазинов, потому что шла борьба двух политических сил: команда Горбачева против команды Ельцина... Ельцин, будучи популистом, пообещал народу, что колбасы будут в стране в изобилии...». И, кажется, это то небольшое из его многих обещаний, что исполнилось, — колбаса на прилавках магазинов, действительно, появилась и с вполне сопоставимым с Западом ассортиментом, но... по заоблачным и практически недоступным для основной массы россиян ценам, так что потребление ее в стране на душу населения (среднюю, неолигархическую) не увеличилось, а существенно уменьшилось. Тем не менее факт ее наличия в свободной продаже, несомненно, положительный и в какой-то степени подтвердил упоминаемые в (Арсюхин, 2013) романтические надежды либералов, которые «думали, что колбаса вырастает из свободы». Тем не менее нужно отметить и то, что существуют и высказываются квалифицированными экономистами аргументы в пользу того, что дефицит в госторговле качественных потребительских товаров в советский период и их «изобилие» на рынке в период российских рыночных реформ имело и имеет не абсолютный, а относительный характер и носит не реальный объективный, а искусственный характер, спровоцированный искусственно и тогда, и сейчас

неестественной и неэффективной ценовой политикой государства. Так, в подтверждение такого взгляда в монографии (Амосов, 2011, с. 57–60) этот, как указано в монографии, «один из ведущих специалистов ИЭ РАН по вопросам планирования социально-экономического развития, структурной и промышленной политики» пишет: «На потребительском рынке СССР дефицит качественных продуктов питания имел относительный характер. Из Рязани ехали в Москву за замороженным мясом по прейскурантной цене – 2 руб/кг. В то же время в Рязани на колхозном рынке можно было свободно купить парное мясо по рыночной цене 4 руб/кг. Высококачественные продукты питания по рыночным ценам можно было купить практически во всех регионах СССР. И это были не такие уж высокие цены. Многие пенсионеры, имея пенсию 120–130 рублей в месяц, питались «с рынка».

Иная ситуация возникла при отказе от прейскурантного ценообразования в 1990-х годах. При сокращении платежеспособности населения снова возник абсолютный дефицит качественных товаров, но он приобрел иные формы. Во-первых появился дефицит доступных по цене продуктов питания. Малообеспеченные покупатели сейчас образуют очереди при проведении «акций», то есть при реализации залежалых продуктов питания по низким ценам. Во-вторых возник абсолютный дефицит качественных товаров независимо от величины цены. Сетевые магазины завалены фальсифицированными и опасными для здоровья импортными продуктами питания и напитками. Отечественные производители сельскохозяйственной продукции, освобожденные от советских стандартов качества и требований к безопасности продуктов питания, тоже освоили технологии фальсификации мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, хлеба и хлебобулочных изделий и так далее. В целом ситуация такова, что качественное мясо, молоко и другие продукты на продажу перестали производить. Их очень трудно купить даже по высоким ценам, то есть они стали в России абсолютно дефицитными». Все это, конечно, для основной массы

россиян, а не для избранных представителей «класса господ», которым, как мечтал когда-то известный гоголевский герой, «суп в кастрюльке привозят прямо из Парижа», не так важно лично им или в рестораны, где они и их дети, бизнес-компании и т. д. изволят достаточно регулярно принимать пищу». Отметим также, что, согласно (Ростовский, 2013), в интервью бывшего тогда (в апреле 2013-го) министром экономического развития РФ А. Белоусова отмечена и такая современная особенность нашей столицы: «В СССР в эпоху «колбасных электричек» доля Москвы составляла 10–12% товарооборота. Сейчас эта доля порядка 20%. Москва превратилась в огромный логистический центр, поэтому сюда и народ собирается».

К негативным последствиям относится, прежде всего, резкий, особенно в 90-е годы, спад производства, недопустимые устаревание и износ оборудования в экономике в целом и практически во всех отраслях и регионах, интенсивный рост безработицы, снижение реального уровня жизни основной массы россиян, чрезмерная дифференциация доходов населения и рост бедности значительных его слоев, возникшие серьезные демографические проблемы, особенно россиян мужского пола, и общего старения россиян⁴⁸, из-за заметного сокращения в последние два десятилетия, особенно в 90-е годы, рождаемости и продолжительности жизни, криминализация политической и хозяйственной жизни⁴⁹.

48. Согласно данным (Полюхович, 2012, с.1) по относительной доле пожилых людей Россия в 2010 г. с показателем 13% (5,46% мужчин и 12,61% женщин) занимает 55 место в мире, в 1989 году этот показатель составлял 9,6%, а в 1959 году – чуть больше 6%. Т.е. практически все годы перестройки и радикальных реформ наша страна старела – «по меркам ООН, страна начинает «стареть», когда доля пожилых людей превышает 8% населения». При этом, «по данным ВОЗ, в развитых странах пожилыми считаются граждане старше 65». Падает заметно почти два десятилетия, кроме последних пару лет, и общая численность населения – согласно данным Росстата и ОЭСР вопреки известным сказкам И. Чубайса (Лившиц, 2013, с. 9) о 500 миллионах россиян, в 2030 году численность россиян в упомянутом году прогнозируется на уровне 136,4 млн человек, а в 2060 году на уровне 120,8 млн».

49. Естественно, перечень и позитивных, и негативных итогов реформ можно существенно продолжить, и это делается в ряде работ. Так, в (Гринберг, 2002) дополнительно указывается, что «...раскрепощена ранее скованная личная инициатива людей. Происходит становление предпринимательского класса, призванного формировать основу благополучия страны...» и одновременно с этим «результаты рыночных преобразований с отри-

В значительной мере все это было, по нашему мнению, прямым следствием избранной реформаторами неэффективной для страны линии проведения рыночных преобразований — посредством шоковой терапии, ваучерной приватизации и других мероприятий из уже упоминавшегося «джентльменского набора Вашингтонского консенсуса», рекомендованного международными финансовыми организациями развивающимся странам и, вообще говоря, в некоторых из этих стран оказавшимися иногда экономически достаточно эффективными. Однако в России, по мнению большинства, как мне думается, объективных аналитиков⁵⁰, итог этих усилий явно отрицательный — заметное усиление социально-экономической напряженности в стране, нарушение нормальных воспроизводственных процессов, резкое сокращение производственных инвестиций, резкое замедление темпов обновления основных фондов и особенно оборудования, недопустимый уровень их износа и старе-

цательным знаком более зримы и очевидны. Пока они преобладают над успехами... Дело не только и даже не столько в том, что страна за годы реформ утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что она никак не может приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы». К сожалению, эти сказанные десять лет назад слова можно повторить и сегодня с той лишь коррекцией, что уровень экономической активности, если его измерять величиной ВВП, затем спустя еще пять лет в «тучные» годы восстановился, а в период мирового кризиса снова значительно опустился.

50. Есть, конечно и противоположные взгляды на результаты проведенных преобразований, особенно у представителей нелиберального направления — у тех, кто инициировал и осуществлял от имени властных структур эти преобразования путем «шоковой терапии». Так, в статье группы авторов (Ясин и др., 2011), написанной на основе доклада «Уровень и образ жизни населения России в 1989–2000 годах», авторами сделаны выводы: «Объем ВВП в 2009 году по сравнению с 1991 г. составил 109%» и что «...в среднем уровень жизни за этот период не только не снизился по сравнению с советским временем, как считают многие, но и вырос почти в 1,5 раза». Альтернативная позиция обоснована в статье «Системный выбор России и уровень жизни» (Губанов, 2011, с. 3), в которой сделаны выводы о том, что «дореформенного уровня не достигают ни ВВП (87,1% в 2010 году), ни расходы населения на личное потребление (81,5%)»; что «объем товарной массы, обеспечиваемый внутренним производством, до сих пор еще в 2 раза меньше... а качество несопоставимо хуже»; что в качестве обобщенного критерия совокупного благосостояния человеческого общества выступает продолжительность жизни населения... установление же частнособственнической системы в российском варианте повлекло за собой ярко выраженное сокращение продолжительности жизни...».

ния⁵¹. Положение усугублялось еще тем, что в пожарном порядке была проведена интенсивная массовая неэффективная с точки зрения общественных интересов приватизация госсобственности⁵². Все эти упомянутые выше (а также приведенные во многих других отечественных и зарубежных известных работах по анализу российской реформы) достаточно убедительные соображения невольно наводят на мысль, что *при разумном использовании минувшего советского (в том числе рязанского, тамбовского и др.) и современного зарубежного (китайского, вьетнамского и др.) опыта можно было и нужно было переходить и перейти в России к эффективному смешанному рынку с отсутствием дефицита товаров и многих неприятных недемократических социально-экономических явлений иначе — не путем шоковой терапии «по Чубайсу», т.е. согласно «Вашингтонскому консенсусу», с гиперинфляцией, обнищанием основной массы россиян, глобальным разворыванием немногими всего, что было создано всеми предыдущими поколениями, и*

51. Так, например, согласно (Полюхович, август 2013): «Изношенность речного транспорта в России превышает 83%, а доля пригодных к эксплуатации судоходных гидротехнических сооружений за 2 года уменьшилась на 3% — до 24%... По данным Минтранса, средний возраст судов грузового флота сегодня составляет 32 года, пассажирского — 33, а круизного 41 год...». Не намного лучше (табл. 1.8–1.10) ситуация в других отраслях материального производства, особенно в инфраструктурных (энергетика, железнодорожный транспорт и др.) Возможные последствия очевидны — «крушение теплохода «Булгария, унесшее жизни 122 человек (Там же), крупнейшая в гидроэнергетике нашей страны Саяно-Шушенская катастрофа, также с многочисленными человеческими жертвами и многомиллиардным экономическим ущербом...

52. Как вынужден был признаться в интервью газете «Известия» бывший в то время вице-премьером, а ныне Президент РСПП Александр Шохин: «Бытует мнение: шоковая терапия это принесение народа в жертву. Мол, ничего, потерпит. Но мы рассчитывали, что быстро проскочим. Как в Польше. А вышло, что не получилось преодолеть пропасть в один прыжок. В сущности уже в 1992-м стало ясно, что шоковая терапия не удалась» (Шохин, 2006). Тем не менее, шоковая терапия была доведена до «победного» финала — в том числе были установлены рекорды по темпам ваучерной приватизации «по Чубайсу». Кстати, в том же интервью А. Шохин проливает свет и на эту весьма грустную для России страницу: «Реально Чубайс стал лидером, пробив ваучерную приватизацию. К годовщине путча Ельцин хотел показать какие-то успехи. Вспоминаю недовольство Ельцина: «Вы же мне обещали результаты к осени 92-го! Где они?» В тот момент и зародилась идея запустить проект с безымянными ваучерами».

т.д., а вполне нормально, без существенных социальных потрясений, без создания олигархата, разрушения производственного потенциала страны и др.

К таким выводам нетрудно придти при внимательном рассмотрении приведенных ниже согласно Госкомстату и Росстату России в таблицах 1.5 – 1.7 данных фактической динамики макропоказателей (экономических, социальных и финансовых) в течение периода 1991–2016 гг.⁵³. Впрочем, эти выводы правомерно экстраполировать и на последующий период по крайней мере до 2020 года – соответствующие данные (фактические до 2017-го и прогнозные на 2018–2020 гг.) нами не помещены в вышеприведенные таблицы по соображениям удобства их читаемости.

53. Показатели последних пяти лет в различных справочниках Росстата количественно несколько отличаются. Однако эти различия не носят качественного характера.

Таблица 1.5. Динамика макроэкономических показателей РФ

Наименование показателя	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Валовой внутренний продукт:														
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	1,4	19	171,5	610,7	1429	2008	2343	2630	4823	7306	8944	10831	13208	17027
- в % к предыдущему году	95	85,5	91,3	87,3	95,9	96,4	101,4	94,7	106,4	110,0	105,1	104,7	107,3	107,2
- в % к 1990 г.	95	81,2	74,2	64,7	62,0	59,8	60,6	57,4	61,0	67,2	70,6	73,9	79,3	85,0
Производство промышленности:														
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	1,3	18,5	129	384	1108	1469	1626	1707	3150	4763	5881	6868	8498	11209
- в % к предыдущему году	92,0	84,0	86,3	78,4	95,4	92,4	101,0	95,2	108,9	108,7	102,9	103,1	108,9	108,0
- в % к 1990 г.	92	75	65	50,96	48,6	44,9	45,4	43,2	47,0	51,1	52,6	54,2	59,1	63,8
Производство сельского хозяйства:														
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	0,26	2,7	22,4	73,7	203,9	283,4	303,2	298,4	586,0	742,4	918,2	968,2	1076,4	1253,2
- в % к предыдущему году	95,5	90,6	95,6	88,0	92,0	94,9	100,9	85,9	103,8	106,2	106,9	100,9	99,9	102,4
- в % к 1990 г.	95,5	86,5	82,7	72,8	67,0	63,6	64,1	55,1	57,2	60,7	64,9	65,5	65,4	67,0
Инвестиции в основной капитал														
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	0,2	2,7	27,1	108,8	267,0	376,0	408,8	407,1	670,4	1165,2	1504,7	1762,4	2186,4	2865,0
- в % к предыдущему году	85,1	60,3	88,3	75,7	89,9	81,9	95	88	105,3	117,4	110,0	102,8	112,5	113,7
- в % к 1990 г.	85,1	51,3	45,3	34,3	30,8	25,3	24,0	21,1	22,2	26,1	28,7	29,5	33,2	37,8
Иностранные инвестиции (всего), млрд долл. США **	-	1,5	1,4	1,1	3,0	7,0	12,3	11,8	9,6	11,0	14,3	19,8	29,7	40,5
Прямые иностранные инвестиции (всего), млрд долл. США **	-	-	-	-	-	-	5,3	3,4	4,3	4,4	4,0	4,0	6,8	9,4
Прочие иностранные инвестиции (всего), млрд долл. США **	-	-	-	-	-	-	6,3	8,2	5,3	6,4	9,8	15,3	22,5	30,8
Накопленные иностранные инвестиции (всего), млрд долл. **	-	1,5	2,9	4,0	7,0	14,0	26,3	38,1	47,7	58,7	73,0	92,8	122,5	163,0

Окончание табл. 1.5

Наименование показателя	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Валовой внутреннего продукт:												
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	21610	26917	33248	41277	38807	46309	55800	66927	71017	79200	83233	86044
- в % к предыдущему году	106,4	108,2	108,5	105,2	92,2	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	97,2	99,8
- в % к 1990 г.	90,4	97,8	106,2	111,7	103,0	107,7	112,2	116,1	117,6	118,4	115,1	114,9
Продукция промышленности:												
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	13625	17068	20613	24709	22473	28764	35052	38221	40546	44064	49091	50774
- в % к предыдущему году	105,1	106,3	106,8	100,6	90,7	107,3	104,7	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1
- в % к 1990 г.	67,0	71,3	76,1	76,6	69,5	74,6	78,1	80,8	81,1	82,5	79,7	80,6
Продукция сельского хозяйства:												
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	1380,9	1570,6	1931,6	2461,4	2515,9	2587,8	3261,7	3339,2	3687,1	4319,1	5165,7	5626,0
- в % к предыдущему году	101,6	103,0	103,3	110,8	101,4	88,7	123,0	95,2	105,8	103,5	102,6	104,8
- в % к 1990 г.	68,1	70,1	72,4	80,2	81,4	72,2	88,8	84,5	89,4	92,5	94,9	99,5
Инвестиции в основной капитал												
- млрд руб. (до 1998 г. – тран руб.)	3611,1	4730,0	6716,2	8781,6	7976,0	9152,1	11035,7	12586,1	13450,2	13902,6	13897,2	14639,8
- в % к предыдущему году	110,2	116,7	123,8	109,5	86,5	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9	99,1
- в % к 1990 г.	41,9	48,9	60,0	65,9	55,5	58,9	65,4	69,8	70,4	69,3	62,3	61,7
Иностранные инвестиции (всего), млрд долл. США**	53,7	55,1	120,9	103,8	81,9	114,7	190,6	154,6	170,2			
Прямые иностранные инвестиции (всего), млрд долл. США**	13,1	13,7	27,8	27,0	15,9	13,8	55,1	50,6	69,2	22,0	6,5	
Прочие иностранные инвестиции (всего), млрд долл. США**	40,1	38,3	89,0	75,3	65,1	99,9	171,4	134,1	143,0			
Накопленные иностранные инвестиции (всего), млрд долл.**	216,7	271,8	392,7	496,5	578,4	693,1	883,7					

* С 2005 г. индексы физического объема инвестиций в основной капитал рассчитаны с использованием абсолютных данных, пересчитанных в сопоставимые цены.

** По данным Росстата, с округлением. Включая все виды иностранных инвестиций в основной капитал (прямые, портфельные и прочие), а также их рублевые поступления, пересчитанные в доллары США.

Таблица 1.6. Динамика социальных показателей РФ

Наименование показателя	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Численность населения, млн чел., с коррекцией по переписи 2010 года	148,3	148,3	148,3	148,0	147,9	147,6	147,1	146,7	146,3	146,3	146,3	145,2	145,0
Реальные располагаемые денежные доходы													
- в % к предыдущему году	116	52,5	116,4	112,9	83,9	100,8	106,4	84,0	88,2	112,0	110,1	110,8	114,6
- в % к 1990 г.		60,9	70,9	80,0	67,1	67,7	72,0	60,5	53,4	60,5	66,6	73,8	84,6
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума													
- млн чел.	...	49,3	46,1	32,9	36,5	32,5	30,5	34,3	41,6	42,3	40	35,6	29,3
- % от общей численности	...	33,5	31,3	22,4	24,8	22,1	20,8	23,4	28,4	29	27,5	24,6	20,3
Среднемесячная начисленная заработная плата – реальная (с учетом индекса потребительских цен), в % к предыдущему году	...	67	100,4	92	72	106	105	87	78	120,9	119,9	116,2	110,9
- руб. (до 1998 г. – тыс. руб.)	0,548	6	58,7	220,4	472,4	790,2	950,2	1051,5	1522,6	2223,4	3240,4	4360,3	5498,5
- в долларах США	..	22	57	91	103	157	163	170/60**	85	79	111	139	179
Величина прожиточного минимума, руб. в месяц, все население	...	1,9	20,6	86,6	264,1	369,4	411,2	493,3	907,8	1210	1500	1808	2112
Экономически активное население, млн чел.	73,8	75,06	72,95	70,49	70,74	69,66	68,08	67,34	72,18	72,8	71,41	72,42	72,84
Число безработных, млн чел. (по данным обследования населения по проблемам занятости)	...	3,9	4,2	5,5	6,7	6,7	8,1	8,9	9,1	7,7	6,3	6,2	5,7

Окончание табл. 1.6

Наименование показателя	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность населения, млн чел., с коррекцией по переписи 2010 года	144,3	143,2	143,0	142,8	142,7	142,8	142,9	143,0	143,3	143,7	146,3	146,5	146,8
Реальные располагаемые денежные доходы													
- в % к предыдущему году	111,2	112,4	114,1	112,1	102,4	103,0	105,9	100,5	104,6	104,0	99,3	96,8	94,1
- в % к 1990 г.	94,1	105,7	120,6	135,2	138,5	142,6	151,0	151,8	158,8	165,2	164,0	158,8	149,4
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума													
- млн чел.	25,2	25,4	21,6	18,8	19	18,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,1	19,5	19,8
- % от общей численности	17,6	17,8	15,2	13,3	13,4	13	12,4	12,5	10,7	10,8	11,2	13,3	13,5
Среднемесячная начисленная заработная плата — реальная (с учетом индекса потребительских цен), в % к предыдущему году	110,6	112,6	113,3	117,2	110,3	96,5	105,2	102,8	108,4	104,8	101,2	91,0	100,7
- руб. (до 1998 г. — тыс. руб.)	6739,5	8554,9	10634	13593	17290	18638	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36746
- в долларах США	234	303	391	529	586	584	690	796	872	910	578	467	606
Величина прожиточного минимума, руб. в месяц, все население	2376	3018	3422	3847	4593	5153	5688	6369	6510	7306	8050	9701	9828
Экономически активное население, млн чел.	72,91	73,6	74,16	75,3	75,7	75,7	75,5	75,8	75,68	75,53	75,43	76,59	76,64
Число безработных, млн чел. (по данным обследования населения по проблемам занятости)	5,8	5,2	5,0	4,5	4,7	6,3	5,6	4,9	4,1	4,1	3,9	4,3	4,2

** Числитель — до дефолта, знаменатель — после.

Таблица 1.7. Динамика финансовых показателей РФ

Наименование показателя	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Дефицит (-) и профицит (+) консолидированного бюджета, % к ВВП	-1,9	-3,4	-4,6	-10,7	-3,4	-4,0	-5,4	-5,9	-0,9	1,9	2,9	0,9	1,3	4,5	8,1
Индекс инфляции (Индекс потребительских цен):															
- декабрь к декабрю предыдущего года, раз (с 1995 года - %)	2,6	26,1	9,4	3,1	231,3	121,8	111,0	184,4	136,5	120,2	118,6	115,1	112,0	111,7	110,9
- по отношению к 1990 г., раз	2,6	67,86	637,9	1978	4574	5571	6184	11403	15565	18709	22189	25540	28605	31952	35435
Дефлятор ВВП, раз	-	-	-	-	-	1,46	1,15	1,19	1,72	1,38	1,16	1,16	1,14	1,20	1,19
Доля М2 в ВВП, %	68,6	33,7	19,4	16,1	15,5	12,8	14,5	15,8	12,0	15,8	15,5	17,3	24,3	25,6	28,0
Доля М0 в М2, %	19,8	26,2	40,0	36,5	36,6	35,0	33,9	41,9	37,8	36,4	36,2	35,8	35,7	35,3	33,3
М0, млрд руб. (до 1998 г. - тран руб.) (на конец года)*	0,19	1,7	13,3	35,7	80,8	103,4	130,4	187,8	266,6	418,90	583,8	763,2	1147	1534,8	2009,2
М2, млрд руб. (до 1998 г. - тран руб.) (на конец года)*	0,96	6,5	33,2...	97,8	220,8	295,2	384,5	448,3	704,7	1150,6	1613	2135	3213	4354	6032
Официальный курс доллара США, руб. / долл. США (на конец периода)	169	414,5	1247	3550	4640	5560	5960	20,65	27	28,16	30,14	31,78	29,45	27,75	28,78
Ставка рефинансирования ЦБ, % (на конец года)**	20	80	210	180	160	48	28	60	55	25	25	21	16	13	12

Окончание табл. 1.7

Наименование показателя	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Дефицит (-) и профицит (+) консолидированного бюджета, % к ВВП	8,4	6,0	4,9	-6,3	-3,4	1,5	0,4	-1,2	-1,1	-3,4	-3,7
Индекс инфляции (Индекс потребительских цен):											
- декабрь к декабрю предыдущего года, раз (с 1995 года - %)	109,0	111,9	113,3	108,8	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9	105,4
- по отношению к 1990 г., раз	38624	43220	48969	53278	57967	61503	65562	69824	77783	87817	92560
Дефлятор ВВП, раз.	1,15	1,14	1,18	1,02	1,14	1,16	1,09	1,05	1,08	1,08	1,04
Доля М2 в ВВП, %	33,4	40,0	32,4	39,3	43,2	44,0	40,9	43,9	39,9	42,3	44,6
Доля М0 в М2, %	31,0	28,8	29,2	26,4	25,3	24,2	23,5	22,4	22,7	20,6	20,1
М0, млрд руб. (до 1998 г. - тран руб.) (на конец года)*	2785,2	3702,2	3794,8	4038,1	5062,7	5938,6	6430,1	6985,6	7171,5	7239,1	7714,8
М2, млрд руб. (до 1998 г. - тран руб.) (на конец года)*	8971	12869	12976	15268	20012	24483	27405*	31155,6	31615,7	35179,7	38417,9
Официальный курс доллара США, руб. / долл. США (на конец периода)	26,33	24,55	29,38	30,24	30,48	32,20	33,1	32,73	56,26	72,88	60,66
Ставка рефинансирования ЦБ, % (на конец года)**	11	10	13	8,75	7,75	8,0	8,25	5,5	17,0	11,0	10,0

* Уточнено по данным Банка России.

** Ключевая ставка (на конец года) для 2013–2015 гг. С 1 января 2016 года ставка рефинансирования приравнена к ключевой ставке (Указание от 11.12.2015 № 3894-У).

Примечание. Данные, начиная с 2000 года, приведены по методологии, принятой в 2004 г., с учетом начисленных процентов по депозитам физических лиц и нефинансовых организаций.

Двадцатипятилетний период радикального реформирования экономики и социума России (1991–2017 гг) представляется удобным для системного социально-экономического анализа разделить на семь взаимосвязанных периодов (этапов)⁵⁴:

- **первый** – «**обвальный период**» радикальных реформ с начала 1990-х годов до 2000 г.;
- **второй** – относительно благополучный «**тучный период**» с 2000 г. до осени 2008 г.;
- **третий** – «**период первого финансового кризиса в России**» – с осени 2008 года по 2010г.;
- **четвертый** – «**посткризисный период**» – 2011–2012 гг.;
- **пятый** – «**период формирования второго финансового кризиса в России – стагнация экономики**» – с 2013 г. по 2014 г.;
- **шестой** – «**период созревания второго финансового кризиса в России – рецессия экономики**» – 2015–2016 гг.;
- **седьмой** – «**период возрождения надежд**» – 2017 г. и «**светлое будущее**» – 2018–2019 гг.

Рассмотрим очень кратко содержание каждого из этих этапов.

1 этап (1992–1999 гг.) – по сути *обвальный, или провальный, период*, когда при развале СССР и проведенной массовой приватизации госсобственности был разрушен достаточно мощный постсоветский производственный потенциал страны и она оказалась фактически в глубоком системном социально-экономическом кризисе: имели место чрезмерные устаревание и износ производственных активов (оборудования и др.) в экономике в целом и практически

54. Имеется у иных исследователей этой проблемы и ряд других предложений по разбиению на этапы периода реформ, например, в (Мартынов, 2016) выделяются три этапа: первый – невероятные 90-е, второй – 1999–2008 гг. и настоящий этап системной трансформации (2009–2015 гг.). Да и названия этапов у разных исследователей тоже варьируются – так, например, в (Петраков, Перламутров, 1996) первый этап упоминается иногда как «катастрофический».

во всех отраслях и регионах, возникла гипертрофированная недопустимая дифференциация доходов населения — обнищала основная масса россиян при появлении небольшой группы супербогатых, входящих в список Форбса долларовых миллиардеров и т.д. По этим причинам произошел резкий, особенно в 90-е годы, спад производства, интенсивный рост безработицы, снижение реального уровня жизни россиян, рост бедности значительных его слоев, возникли серьезные демографические проблемы, особенно россиян мужского пола, и общего старения россиян, из-за заметного сокращения в последние два десятилетия рождаемости и продолжительности жизни, усилилась криминализация политической и хозяйственной жизни.

Представляется, что основными причинами возникновения указанного кризиса были (отметим их укрупненно лаконично, более подробно они будут приведены ниже в Приложениях 1 и 2):

1) неправильный выбор для радикальных реформ базовой макроэкономической теории, в качестве которой была принята нелиберальная концепция — монетаризм, опирающийся на гипотезы глобальной эффективной саморегулируемости рынка и, как следствие, целесообразности минимизации участия государства в экономике;

2) проведение реформ на основе многочисленных бытующих в рамках либеральных теорий различного рода мифов, иллюзий и миражей типа «частная собственность всегда эффективнее государственной» или «реформы можно и нужно проводить путем шоковой терапии» и др.;

3) осуществление государственной политики согласно рекомендациям 1) и 2).

Конечно, кроме этих трех, основных, по нашему мнению, причин, было еще много других, тоже немаловажных, в том числе и криминального характера — ведь страну по-крупному, особенно в период массовой «прихватизации по Чубайсу», просто разворовали многие представители «элиты», тем самым резко увеличив неравенство материаль-

ного положения россиян. Так, в Newsland (за 21.10 2017) в рубрике «Политика» опубликована статья: «За 24 года российская «элита» вывела в офшоры 700 млрд долларов», – в которой содержится следующая потрясающая информация: «В США вышло поразительное исследование, раскрывающее причины устрашающего неравенства граждан России. Судя по всему, с 1990 по 2015 г. за рубеж вывели богатство, превышающее 60 триллионов рублей. Иными словами, горстка разбогатевших после развала СССР ловкачей увезли за рубеж куда больше денег, чем скопили в России все остальные. Мы давно знали, что более половины национального дохода России достается 10% самых богатых граждан страны. Есть и такие оценки – им достается даже не 50, а все 80% дохода. При этом ничтожный 1% самых состоятельных контролирует четверть всего богатства страны. С точки зрения неравенства это один из самых худших показателей в мире. Даже в США, где всем заправляют интересы самых состоятельных семей и кланов, 1% богачей захватывает только 12% национального дохода. Официальная российская статистика отчаянно скрывает ужасающий уровень неравенства. По независимым оценкам, 10% самых богатых, присвоив половину национального богатства, платит только 5–8% от общих налогов».

Один из авторов скандального доклада об украденных триллионах, известный левый французский экономист Т. Пикетти называет это главной тайной российской статистики. Он отмечает, что «с 1990 по 2014 г. состояния самых богатых граждан России росли втрое быстрее национальной экономики. За это же время доля в национальном богатстве граждан с невысокими доходами, т.е. бюджетников и пенсионеров, упала с 40% до 18%».

Поэтому вряд ли стоит удивляться высказанным в декабре прошлого года в НГ (http://www.ng.ru/tconomics/2016-12-21/4_6890_trend.html) неприятным для нас предположениям о том, что «благодаря росту мировой экономики к 2020 году доля жителей с доходами более 2 долларов США в день вырастет с 63 до 90%. Однако Рос-

сия может выпасть из этого глобального тренда, поскольку темпы ее развития в среднесрочной перспективе будут заведомо ниже мировых». Пока же на основе демографических данных ООН «сделан вывод, что количество потребителей в 2001 году составляло менее 5 млрд человек, сейчас, в декабре 2016 года – 6,6 млрд, а к 2020 превысит 7 млрд. Сейчас каждый седьмой человек в мире является потребителем со средним уровнем дохода 10–20 долларов в день, к 2020 году эта цифра вырастет до 3,2 млрд человек, а спустя еще 10 лет – до 4,9 млрд... Россия вряд ли встроится в общемировой тренд платежеспособных потребителей. Слабые темпы роста ВВП и доходов населения в ближайшие три года говорят о выпадении нашей страны из потребительского мейнстрима... Разработанный правительством Прогноз социально-экономического развития на 2017–2019 гг. исходит из того, что во всех его трех вариантах мировая экономика будет расти в 2016 году на 2,9%, ускорится до 3,3% в 2017 году и составит 3,6% в 2018–2019 гг.». Не очень радужные надежды на рост реальных располагаемых доходов населения РФ и в ближайшие три года. По Прогнозу, они могут «вырасти в 2017 году на 0,2–1,2% по разным вариантам, 2018 год обещает увеличение доходов на 0,5–1,8%, а в 2019-м – от 0,8 до 3,4%». Так что решение поставленной Президентом РФ задачи превышения мирового уровня по росту ВВП и потреблению населения представляет собою весьма непростую проблему.

Тем более, как было показано выше и следует из таблиц 1.5–1.7, в итоге реформ вместо предполагавшегося создания в России нормальной эффективной стационарной рыночной экономики в ней была по указанным выше причинам сформирована неэффективная нестационарная псевдорыночная экономика, потрясенная к тому же почти в конце первого периода в 1998 году разразившимся дефолтом рукотворного непрофессионального происхождения, из которого новому квалифицированному Правительству РФ под премьерством Е. Примакова удалось в 1999 г. выбраться главным образом за счет фактической смены принятой с 1992 г. неолибераль-

ной концепции на более прагматичную и заметно возросших на мировом рынке цен на нефтегазовые ресурсы — основную продукцию российского экспорта. Выбраться удалось из дефолта, но не из созданного нашими неолиберальными реформаторами социально-экономического кризиса, что было невозможно как в силу значительной его глубины, системной неэффективности созданных институтов и хозяйственных механизмов, так и краткости (менее года) существования правительства Е. Примакова.

2 этап — *тучный период с 2000 г. до осени 2008 г.*, когда вследствие интенсивного и практически монотонного роста цен на нефтегазовые ресурсы на мировом рынке (до своего максимума в 147,5 долларов США за баррель сырой нефти в июне 2008 года) экономическое положение России значительно исправилось: после 2000 г. производство России продолжало довольно быстро расти (среднегодовые темпы его роста за годы второго периода выше 7%, прирост производственных инвестиций составил около 10% в год, золотовалютные резервы вплотную приблизились к 600 млрд долл. США и уступали лишь запасам в Японии (800 млрд долл.) и Китая (1200 млрд долл.) и др.). Следует отметить также, что вплоть до конца этапа (до осени 2008 года, когда мировой финансовый кризис перекинулся на Россию) у ее правительственной элиты (в том числе министра финансов А.Л. Кудрина, первого вице-премьера Правительства РФ И. Шувалова и др.) была неоправданная эйфория мифического толка, что «весь мир трясет, а нам этот кризис не грозит, так как мы своевременно создали себе солидную “подушку безопасности”⁵⁵. Между тем через несколько месяцев, когда кризис перебросился на Россию, причем в

55. Эта подушка безопасности была сформирована следующим «оригинальным» способом: на довольно значительную часть золотовалютных резервов России — более чем на сотню миллиардов долларов США — были куплены долгосрочные американские казначейские облигации. Они, конечно, очень надежные, т.е. почти безрисковые, но одновременно они и почти бездоходные. А взамен этих денег нашему бизнесу пришлось брать займы на Западе под большие проценты. Так что практически немалые деньги на подушку пошли на развитие экономики не России, а США.

значительно (в разы) усиленном виде, элитные песни стали совсем иными.

3 этап – *период первого финансового кризиса в России с осени 2008 г. по 2010 г.* Действительно, стали иными, так как согласно (Аганбегян, 2009) « в кризисном 2009 г. в России значительно больше, чем в других крупных странах, произошло снижение основных экономических показателей. Валовый внутренний продукт сократился на рекордные 7,9% (для сравнения: в Японии – на 5,1%, в Великобритании – на 4,8%, в Еврозоне – на 4,1%, в США – на 3,5%)». Объем внешней торговли уменьшился на 40% (в мире в целом на 20%), Российский фондовый рынок сократился почти в 5 раз, в других странах в 2–2,5 раза. Уровень безработицы (с учетом скрытой) превысил 10% – не ниже, чем в США и Западной Европе. На рекордную величину – 17% – обрушились инвестиции, с 9,3 трлн руб. в 2008 году доходы федерального бюджета упали до 4,4 трлн руб. в 2009 году. Колоссальны валютные потери: экспорт в 2009 году сократился на 166 млрд долл., золотовалютные резервы с августа 2008 г. уменьшились с 597 до 386 млрд долл. в январе 2009 – на 211 млрд долл., чтобы предотвратить стремительный обвал курса рубля. К тому же в России наблюдался самый большой в мире отток капитала: 2008 г. – 133 млрд долл., 2009 – 52, 2010 – 38, 2011 – 84, а всего – около 340 млрд долл.».

По мнению автора монографии А. Аганбегяна (2009, с. 10), «кризис в России оказался таким глубоким, потому что в социально-экономической системе страны оказалось много «черных дыр»: одностороннее развитие страны с ориентацией на топливо-энергетические запасы, большой внешний экономический долг России, в основном корпоративный, высокая (14,1%) предкризисная инфляция, в результате чего в России – единственной из крупных стран, имела место в кризис стагфляция, явно завышенный до кризиса по отношению к доллару, а следовательно и ко многим другим валютам, курс рубля и, добавим к этому, по нашему мнению, немаловажное – почти двадцатилетняя неэффективная государственная

экономическая и финансовая политики, базирующиеся на монетаристских принципах».

4 этап – *посткризисный период 2011–2012 гг.*

В 2010 году дно кризиса было пройдено, и экономика России стала как будто восстанавливаться, хотя до предкризисного уровня устойчивого интенсивного роста она не дошла – в 2011 году темп роста ВВП составил 4,3%, а в 2012 – 3,4%. Однако затем картина стала резко меняться не в лучшую сторону приближающегося нового кризиса.

Как указывается в (Минакир, 2015, с. 8): «Сокращение объема иностранных инвестиций началось уже в 2011 г., к 2013 г. общие иностранные инвестиции сократились на 11% по сравнению с 2011 г. ... В это же время нарастал отток капитала из российской экономики... В 2011–2013 гг. суммарный оборот капитала составил 714 млрд долл., то есть в среднем 238 млрд долл. за год, в том числе приток капитала составил 515 млрд долл., а чистый отток – почти 200 млрд долл., или чуть менее 70 млрд долл. в среднем за год... Конечно, часть этого огромного потока составило обслуживание внешнего долга. По оценке, эта часть составляла порядка 30–35 млрд в год. Остальное – чистое бегство капитала. Этот период был характерен и некоторым снижением доходов от экспорта углеводородов. На 5–7% сократились доходы от экспорта сырой нефти, хотя доходы от экспорта газа оставались стабильны, а доходы от экспорта нефтепродуктов продолжали расти. Все это укладывается в безрадостную картину стабильного экономического упадка, но все-таки не напоминает преддверие острого кризиса. Скорее такая динамика характерна для преддверия оживления в экономике, но экономика сорвалась в кризис».

5 этап – *период формирования второго финансового кризиса в России 2013–2014 гг.*

На этом этапе – уже в 2013 году – наша страна снова оказалась в ожидании глубокого экономического кризиса, правда уже скорее не мирового, а нашего отечественного родного разлива. Можно согласиться с мнением тогда недав-

но принявшего бразды правления главы Минэкономразвития А. Улюкаева о переходе на этом этапе нашей экономики сначала в стадию стагнации, т.е. стадию снижения темпов роста ВВП, а затем на следующем этапе и в стадию рецессии с отрицательными темпами прироста ВВП. Это предположение подтверждается статистическими показателями последних лет: после относительно невысокого, но все же роста ВВП в 2011 и 2012 году более чем на 3%, в 2013 году он значительно снизился до уровня 1,3%, а в 2014 году до минус 0,6%. В этом же году, с его середины, американцы и европейцы стали вводить антироссийские санкции, связывая их введение с возвращением Россией Крыма и тем самым с нарушением заключенных международных соглашений.

6 этап – период второго финансового кризиса – период рецессии 2015–2016 гг.

В 2015 году в условиях действия международных санкций и резкого падения мировых цен на нефть прогнозировалось и оказалось дальнейшее ухудшение экономики России, вплоть до отрицательного прироста ВВП на 3–4% к тому же при стагфляции – различные эксперты определяют в прошедшем 2015 году темп инфляции на уровне 12–13% годовых. В 2016 году, правда, регулятору удалось значительно усмирить инфляцию, примерно до 5,3% годовых, но общее производство и уровень жизни россиян второй (а по некоторым оценкам, и четвертый) год подряд продолжали снижаться (по информации правительственных источников, и ВВП в 2016 году имел падение на 0,6%).

7 этап – постпериод второго финансового кризиса – 2017 год и «светлое будущее» 2018–2020 гг. Экономика России постепенно стала частично выздоравливать, но ситуация все еще остается весьма напряженной. Как будто в этом году наша экономика, несмотря на усиление санкций и чехарду в руководстве Минэкономразвития (посадку А. Улюкаева) начала медленно выправляться – за первое полугодие есть даже ее маленький рост. По мнению опытного эксперта Сергея Алексащенко (МК, 18 августа 2017 г.) и данным Росстата,

за первое полугодие текущего года рост ВВП составил 1,6%; рост промышленного производства — 2%; дефицит федерального бюджета — 1,2% ВВП; уровень инфляции — 3,9%; уровень безработицы — 5,1%; снижение реальных доходов населения — 1,4%. По данным Источника РИА «Новости» и Русской службы Би-Би-Си, «фактическое снижение реальных располагаемых доходов населения в России — тех, что остаются после всех обязательных выплат, — продолжается четвертый год подряд (в 2014 году падение примерно на 1,2%, в 2015-м на 3,9%). По данным Росстата, самое большое снижение реальных располагаемых доходов произошло в 2016 году — минус 5,9%. Затем падение замедлилось. По итогам января — сентября 2017 года доходы упали на 1,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. За четыре последних года доходы российских потребителей совокупно сократились на 11%».

Правда и эта картина динамики доходов населения не такая одноплановая: по мнению директора рейтингового агентства «Fitch Ratings» Татьяны Бобровской, высказанного в докладе «Российский потребительский рынок в контексте глобальных трендов» на его презентации, «если говорить о структуре населения по среднедушевым доходам, здесь можно заметить позитивные сдвиги: снизилась доля населения, которое живет с уровнем доходов, близких к прожиточному минимуму...». И одновременно приводятся весьма интересные, но неоднозначные с точки зрения дихотомии «лучше—хуже» данные сравнения ситуации с доходами россиян в 2013-м и 2016 году. В частности, указывается, что выросла с 27 до 35% доля россиян, зарабатывающих более 30 тыс. руб. Но если «смотреть на ситуацию с доходами, рассчитанными в долларах, то оснований для оптимизма становится меньше. Получается, что благосостояние российских потребителей снизилось гораздо сильнее, чем в случае с рублевыми зарплатами. По подсчетам Fitch, в 2013–2016 гг. доля россиян с доходами менее 220 долларов выросла почти в три раза — с 10% до 29%. При этом доля граждан с доходами

более 900 долларов упала примерно на столько же — с 28% до 11%». К тому же отмечается, что существенно сократилась и доля россиян, зарабатывающих более 470 долл. (примерно с 62 до 36%). Вместе с тем, как достаточно обоснованно пишется в (Деготькова, 2017): «Парадоксальная ситуация сложилась в экономике России: судя по официальной статистике, зарплаты и пенсии увеличиваются, а население продолжает беднеть. Инфляция на рекордно низком уровне, а цены на товары и услуги все равно растут. Объемы кредитования в стране настолько велики, что могли бы запустить мотор ослабевшей экономики, но лишь тянут на дно обедневших россиян. Похоже, Россия если и вышла из кризиса, то явно через черный вход, а достигнутые экономикой «успехи» так и останутся лишь статистическими. Властям легко убеждать россиян в том, что экономика страны растет вместе с заработками граждан. Статистика благосклонна к власти имущим, а бумага и не такое стерпит: по данным Росстата, реальная начисленная заработная плата и размер начисленных пенсий увеличиваются — на 2,5% и 4,2% соответственно по итогам девяти месяцев текущего года. В то же время реальные располагаемые денежные доходы населения за тот же период сократились на 0,3%, а в октябре — на 1,3%. Иными словами, реальные доходы россиян только ускоряют падение, но эти цифры в выступлениях чиновников почему-то звучат еле слышно. Однако за сложными экономическими формулировками скрывается простая и совсем непривлекательная правда: люди не получают больше, а все статистические «прибавки» пожираются ростом цен и обязательными расходами, например, на погашение задолженностей. А в долгах россияне утопают как в шелках. Согласно свежему опросу ВЦИОМ количество россиян, которые когда-либо брали кредиты, выросло с 58% до 67% за последние три года. Более чем у половины респондентов — 57% — имеются на руках непогашенные кредиты (причем в основном у молодежи), а ведь еще в 2009 году эта цифра была в два раза меньше — всего 26%. Зачем же люди лезут в эту долговую кабалу? Причина

ясна: жить хочется здесь и сейчас, а не откладывая эту жизнь на завтра... Это требует денег, которых у большинства населения, измотанного двумя подряд кризисами, нет на счетах. Вот и напрашивается выход — занять у банка, не думая о последующих выплатах с процентами и надеясь, что все как-нибудь само рассосется».

Впрочем, есть и более оптимистичные взгляды в будущее — так отмечается (24.10. 2017, 07:03, «buh.vkr@yandex.ru< buh.vkr@yandex.ru>:Новости@Mail.Ru): «В РАН прогнозируют рекордный рост экономики России — РАН ожидает пятипроцентного увеличения ВВП начиная с 2021 года... Среднегодовые темпы роста экономики России в период 2017–2035 годов составят 3,7%». Об этом говорится в комплексном докладе Российской академии наук (РАН) с прогнозом до 2035 года. «При этом пик роста ВВП придется на 2021–2025 годы и составит почти 5% ежегодно. К 2035 году изменится структура валового продукта. Если сейчас он формируется в основном за счет производственных и непроизводственных услуг, то в дальнейшем их доля будет снижаться. При этом почти в четыре раза вырастет доля средне- и высокотехнологичных производств, вдвое увеличится вклад образования, здравоохранения и НИОКР в структуре ВВП. В целом структура экономики становится более сбалансированной и отвечающей задачам развивающейся страны, стремящейся в относительно короткое время сократить разрыв в уровне развития со странами-лидерами».

Эксперты скептически отнеслись к прогнозу РАН. По их мнению, «для таких темпов роста необходимы структурные реформы и восстановление цен на нефть до \$100 долларов за баррель, — считает макроаналитик Раффайзенбанка Станислав Мурашов. — Мы ограничены ценами на нефть в \$60 за баррель, у государства не будет возможности инвестировать. Чтобы активно наращивать рост, нужны инвестиции в 5 трлн рублей ежегодно. Сейчас таких денег нет». С ним согласен замдиректора Центра развития НИУ ВШЭ Валерий Миронов. По его словам, слишком многое надо сделать,

«например, нужно реформировать банковскую систему с целью создания новых инвестбанков, которые будут привлекать инвестиции из-за рубежа. Но для этого нужна банковская система нового типа, которая будет работать на акционерном капитале, а не на депозитах населения».

Минэкономразвития тоже разработало, представляется мне, более скромный и более реалистичный прогноз социально-экономического развития России на 2018–2020 годы, на основе которого Минфин подготовил проект бюджета на три года. Так, по прогнозу ведомства, «в прошлом году падение российской экономики было 0,2%, рост экономики в этом и следующем годах составит 2,1%, в 2019-м и 2020-м – 2,2% и 2,3% соответственно. Рост инвестиций через три года достигнет 5,7%, инфляция зафиксирована в размере 4% на весь прогнозный период». При этом (Кувшинова, Прокопенко, 2017) Минэкономразвития рассчитывает на замораживание реального роста пенсий до 2035 года, что прямо следует из статьи, опубликованной в («Ведомости» № 4332 от 31.05.2017), под впечатляющим заголовком: «Пенсии кризиса не преодолеют», – квинтэссенция содержания которой в самом названии статьи: «Доходы россиян вернутся к докризисному уровню только в 2022 году, а пенсии – никогда».

Однако прогнозы Академии наук выглядят гораздо оптимистичнее: «Среднегодовые темпы роста экономики в ближайшие три года составят 3,3%, тем самым превысив среднемировые», – говорится в докладе РАН «Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста России» с прогнозом до 2035 года. В период с 2017 по 2035 год темпы увеличения ВВП в среднем составят 3,7%, отмечается в докладе. Наибольший пик тоже придется на 2021–2025 годы. В среднем рост ВВП составит 4,9% ежегодно. В этот период опережающими темпами будут увеличиваться и другие показатели: инвестиции, потребление домашних хозяйств, рост промышленности, строительства, услуг. В случае успешной реализации разрабатываемых в

настоящее время мер экономической политики по стимулированию частных инвестиций, несырьевого экспорта и повышения производительности труда, а также программы «Цифровая экономика» такие темпы экономического роста представляются вполне достижимыми, — прокомментировал «Известиям» прогноз РАН источник в финансово-экономическом блоке правительства. «Опережающий рост после 2021 года произойдет благодаря восстановлению экономики после кризиса предыдущих годов, — пояснил «Известиям» один из авторов доклада, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий РАН Александр Широков. — Восстановление экономического роста будет означать, что у государства и населения сформируются финансовые ресурсы, что позволит увеличить долю инвестиций в ВВП до 25%. А потом, когда к 2025 году инвестиции достигнут своего максимума, темпы роста замедлятся. Минфин назвал и цели бюджета на 2018–2020 годы: «Через 10 лет экономический рост вернется в область чуть более 3%», — говорится в документе. Но для этого нужны серьезные структурные новации, в том числе и в финансовом механизме экономики России».

Прогнозы экспертов относительно перспектив российской экономики в течение 2017 года все время изменялись, в том числе иногда при уточнениях и улучшались. Один из последних опубликованный в декабрьской статье (Инна Григорьева, «Известия» 12.12.2017, с 1,4) под заголовком «Научный оптимизм» содержит такие впечатляющие мысли: «Производительность труда в России вырастет на 51,6% к 2030 году по отношению к 2016 году. Столь сильный рост этого показателя возможен не только благодаря принятой в сентябре новой программе правительства, содержащей комплекс организационных мер по улучшению использования труда, но и за счет рекордного роста при этом инвестиций в основной капитал», пояснил один из авторов доклада Александр Широков, ставший уже замдиректора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. В статье И. Гри-

горьевой там же далее указывается, что «по прогнозу РАН среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал в 2017–2035 годах составят 5,7%. До 2020 года этот показатель будет в среднем увеличиваться на 5,5%, что оптимистичнее прогноза Миэкономразвития. Ведомство Максима Орешкина ожидает рост инвестиций в 2017–2020 годах в среднем на уровне 5%». Об этом говорится в докладе Российской академии наук, с которым ознакомились «Известия». Основным драйвером этого показателя станут инвестиции в основной капитал, которые приведут к модернизации производств. Эксперты согласны, что увеличение инвестиций улучшит производительность труда. Однако они указывают, что это может привести к роботизации предприятий и сокращению численности штатных сотрудников. На проблему низкой производительности труда в России, необходимости дальнейшего значительного ее роста неоднократно обращал внимание президент Владимир Путин, в итоге в сентябрьской новой программе правительство предусмотрело ряд мер организационного и инвестиционного характера по повышению этого показателя. Она затронет 20 тыс. российских предприятий и увеличит производительность труда в них на 30% к 2025 году. Производительность труда может вырасти еще сильнее, говорится в уже упоминавшемся докладе РАН «Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России». К тому же согласно статье «ВВП без восторга» (Дмитрий Докучаев, МК, 14.08.2017, с. 1 и 2) «Российская экономика наконец-то перешла к росту: Росстат сообщил, что валовой внутренний продукт (ВВП) во втором квартале 2017 года поднялся на 2,5% в годовом измерении. И это можно уже считать реальным ростом, а не тем фейковым, который долгое время существовал в оптимистичных заявлениях министров экономического блока правительства. Конечно, можно в очередной раз пошутить на тему о том, что рост ВВП в стране начался аккуратно после того как Росстат подчинили Министерству экономического развития... Хотя, строго говоря, экономика у нас росла и

раньше: в IV квартале 2016 года была зафиксирована прибавка ВВП на 0,3%, в первом квартале нынешнего — на 0,5%. Сейчас же получили рост куда более весомый и зримый. Но глубоко убежден, что ни малейшего повода для эйфории 2,5% процента роста не дают. Зато поводов для анализа рисков — сколько угодно. Прежде всего не надо забывать того, что рост этот зафиксирован после двух лет глубочайшего падения — то есть он отсчитывается, как выражаются специалисты, от очень низкой базы. Судите сами, Росстат еще не назвал параметры роста ВВП за первое полугодие текущего года, но, судя по квартальным данным, он составит 1,5–1,6%. Между тем за первые шесть месяцев 2016 года был зафиксирован спад на 0,9%, а 2015 года — аж на 3,5%. Иными словами, пока отыграна лишь одна треть от того падения ВВП, что случилась за два предыдущих кризисных года... мы, по сути, только начали выкарабкиваться из ямы и пока что все равно ближе к ее дну, чем к поверхности земли».

Естественно пройденный за минувшие четверть века не очень радостный путь и семь рассмотренных его этапов вызывают, несмотря на наличие довольно оптимистичных прогнозов относительно 2020–2035 гг., ряд закономерных вопросов, и в числе их на одном из первых мест стоят такие: 1) почему это произошло; 2) а что все это время думали и предлагали делать наши ведущие экономисты, политики и социологи, формулировали ли они дорогу в будущее и как они ее видели не в деталях, а хотя бы по-крупному, или все шло самотеком. Были ли среди них мудрецы и смельчаки, которые пытались сформулировать для России основные контуры программы предстоящего или хотя бы желательного движения. На первый вопрос ответим чуть позже (именно на вопрос «почему», т.е. в чем причина, а не просто, кто виноват). На второй же вопрос ответ можно озвучить. Да, надо ответить, были и у нас, и за рубежом. Поэтому рассмотрим их предложения, или лучше назвать их Манифестами, — так, как их большинство авторов и называло. Рассмотрим кратко, без попыток критического анализа, а выборочно и тексту-

ально содержание некоторых фрагментов семи из них, очень различных концептуально, но всех разработанных в XX и XXI веке, в хронологическом порядке по мере их появления, или, точнее, по мере опубликования, причем в порядке исключения начнем с программы не для России а для всего человечества, спрогнозированной великим Кейнсом.

1. Оптимистический Манифест Джона Мейнарда Кейнса (1931 год)

«В долгосрочном периоде — в течение ближайших 100 лет — человечество решит свою экономическую проблему. Я предсказываю, что при отсутствии больших войн и значительного роста населения экономическая проблема будет решена или по крайней мере будет близка к решению — уровень жизни в развитых странах возрастет в 4–8 раз по сравнению с нынешним... когда накопление богатства перестанет считаться одной из основных задач общества, изменятся многие нормы морали... Мы установим истинную ценность стяжательства. Страсть к обладанию деньгами — в отличие от уважения к деньгам как средству достижения жизненных удовольствий и ценностей — будет считаться постыдным заболеванием... мы сумеем вернуться к некоторым наиболее ясным и недвусмысленным принципам религии и традиционной добродетели: что алчность — грех, что давать деньги в рост преступно, а любовь к деньгам отвратительна...» (Кейнс, 2009, с. 65–67).

2. Экономический Манифест Д.С. Львова (2000 год)

В нем утверждается, что «мы должны сделать ставку: во-первых, на интенсивное формирование опорного слоя нации, для которого творчество и созидание являются исходной нормой жизни, а не только и не столько средством существования.

Вторая наша ставка в тяжелейшей борьбе за возрождение России — прорыв к росту за счет использования про-

стаивающих сегодня дееспособных производственных мощностей.

Третья наша ставка — на эффективное использование природно-ресурсного потенциала страны и ее территории.

Четвертая ставка — это стратегия взаимодополняющего развития двух экспортоориентированных секторов экономики — топливно-сырьевого и военно-промышленного комплексов России.

Пятая ставка — на ренту как стратегическое оружие России».

3. Гражданский Манифест Д.С. Львова

По мнению автора этого Манифеста, которое мне представляется достаточно объективным и корректным, «наша экономика бесконечно далека от нормального рыночного аналога. Это, конечно же, не рынок, а его квазирыночный гибрид, вобравший в себя худшие черты директивной и рыночной экономик. Дело в том, что уход государства из экономики не был скомпенсирован развитием эффективных институтов рыночных отношений на уровне предприятий и регионов. Конечно, у магистрали, ведущей Россию в будущее, нет поворотов к социалистической Системе. Но она не лежит и на путях поглощения ее капиталистической Системой. В глобальном конфликте между той или иной Системой и жизненным Миром человека Россия должна решительно встать на сторону последнего. Социалистическая доктрина воплощает в себе идею солидарной заботы людей о своем будущем, объединяющую всех перед лицом осязаемой угрозы потери будущего или распада упорядоченной картины будущего, как достоинства любого человека данной культуры. Она направлена на продление существования привычного уклада жизни, где каждый человек чувствует себя как дома. ***Мы плохо живем не потому, что плохо работаем, а мы плохо работаем потому, что плохо живем.*** С распадом СССР пала отнюдь не социалистическая доктрина, а система, обеспечивавшая руководящей партийной «элите» возмож-

ность властвовать над экономикой, над обществом и лишать личной свободы наших сограждан».

Можно согласиться с автором Манифеста и в том, что российская наука и в советском и даже в нынешнем трансформационном периоде отнюдь не малоэффективна, как нас хотят уверить представители наших и западных неолиберальных властных структур, а, наоборот, высокоэффективна, если правильно выбирать и оценивать критерии эффективности – именно как отношение системных результатов к системным затратам. Последние же, особенно вложения в российскую фундаментальную, в том числе академическую, науку в рассматриваемом периоде настолько малы, что итоговая дробь – корректный показатель эффективности – значительно выше у нас, чем во многих, если не всех других развитых странах Запада. И вывод из этого положения может звучать парадоксально: *в России на современном этапе надо резко увеличить вложения в науку, т.е. затраты на нее, при этом в течение некоторого периода (например, двух пятилетних программ) не увеличивая, а снижая корректно подсчитанный показатель эффективности производства и инвестиций.*

4. Капиталистический Манифест Игоря Бирмана (2010)

В противоположность предыдущему Манифесту в нем утверждается, что бесспорным является «фундаментальнейший факт – благодаря капитализму уровень жизни в США, обеспечиваемый объемом ВВП–ВНП (количество товаров–услуг на душу) выше всех в мире. Иные, верно подмечая изъяны капитализма, веруют, что социализм справедливее. В наше время противники капитализма признают преимущества частной перед общественной собственностью. В «наикапиталистическом» обществе есть ограничения на частную собственность. Понятия «свободного рынка» и частной собственности, обозначая разные явления, на самом деле близки

друг другу, ибо рыночная система не работает без частной собственности, а та требует рынка...».

Ключевое «возражение» против капитализма – (чрезмерное) материальное неравенство. Статья о коммунизме в Российском философском словаре (1911) утверждала, что все зло в мире проистекает от неравномерного распределения благ».

5. Цивилизационный Манифест Гаврилы Попова (2012)

Лейт-мотив следующий: «Конец XX века ознаменовался завершением великой эпохи: ушли с исторической сцены государственно-бюрократический социализм, холодная война и перспектива ядерной войны с гибелью всего человечества, но никакого подлинного успокоения не наступило: пора сделать честный вывод – новая эпоха оказалась эпохой кризисов. Это военные конфликты, конфликты идей и взглядов, конфликты социальные и, главное, экономические, на которые у человечества есть четыре стратегии цивилизованно реагировать.

Первая стратегия – пассивности – «плыть по течению», или «по воле ветров», не принимая никаких особых мер противодействия.

Вторая стратегия – активное совершенствование действующей системы, в том числе за счет инкорпорирования в постиндустриальный капитализм выработанные социализмом инструменты экологического, социального, научно-технического, трудового и т.д. регулирования.

Третья стратегия видит выход в «принципиально новых моделях устройства общества», например в отказе от банков, акционерного капитала и др., или переходе на другие модели исламского общества.

Наконец, четвертая стратегия, «ее можно назвать антицивилизационной», или альтернативной нынешнему постиндустриализму, стратегия антиглобализма».

Конечно, Г.Х. Попов — признанный один из лидеров экономистов России, долговременный глава Экономического общества РФ и краткосрочный первый мэр Москвы и прочая... имеет право думать, как и любой другой социальный экономист, что его (Г.Х. Попова) вышеприведенные четыре стратегии охватывают все их возможное разумное множество, но вряд ли это так — ведь и невооруженным глазом видно, что фактически вся другая половина возможностей, связанная с разумно-социалистической доктриной, например даже Горбачевский «социализм с человеческим лицом» (естественно без лидера с характером типа М.С. Горбачева), здесь не охвачена. Можно еще думать, что в третью стратегию входит только исламский социализм и его вариации, но вряд ли это спорное расширение понятий исправит указанную мною неполноту спектра стратегий рассматриваемого Манифеста.

И в заключение рассмотрим еще два действующих Манифеста, как мне кажется, почти весь период радикальных реформ «близких сердцу правительственных структур РФ».

6. Неолиберальный Манифест

Как известно (Примаков, 2014), «в основе неолиберальной концепции монетаристского толка лежат два фундаментальных положения: первое — рынок обладает способностью глобального саморегулирования и второе — надо минимизировать участие государства в экономике. Что же касается именно неолиберальных ценностей, то не надо забывать следующее высказанное 13.01.2014г на заседании «Меркурий-клуба» мнение его президента, академика РАН Е.М. Примакова, в свое время вытаскившего в 1998–1999 гг. Россию из глубокой пропасти, куда она попала в результате неолиберального руководства страной: «Прежде всего нужно отметить, что существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией,

с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу. Эти либеральные идеи выдвигаются и поддерживаются в нашей стране широкой общественностью, политическими партиями различных взглядов. Однако без четкого определения грани между либеральными идеями и принципами неолибералов, без противодействия неолиберальной политике возникает угроза серьезных негативных последствий для России. Если говорить о платформе российских неолибералов, то основная ее составляющая — это уход государства из экономики. Наши неолибералы не только исходят из универсальности западных экономических теорий, даже без учета их эволюции, но главное, не считаются с особенностями и степенью развития рыночных отношений в России. Помимо всего прочего наши неолибералы вообще не учитывают уроки кризиса 2008–2009 годов. Известно, что в США и в странах Евросоюза во время кризиса было усилено влияние государства на экономику. Такой тренд сохраняется.

Еще один принцип неолиберализма в том, что свободная игра экономических сил, а не государственное планирование, обеспечивает социальную справедливость. Однако этот вывод не выдержал столкновений с действительностью и в капиталистических странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования экономического роста (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран. А такое отставание несомненно существует. Имеет место и огромное неравенство в доходах...» (Примаков, Севастьянов, 2014).

С этим перекликается и мнение Д.С. Львова, который (Львов, 2000а, с. 6) констатирует, что «неудивительно, что выстроенная на основе идеологии неолиберального либерализма политика «шоковой терапии» оказалась неадекватной запланированным результатам. Ни один из прогнозов этой политики не оправдался — допущенные ошибки не имеют

себе равных в практике экономического прогнозирования. В частности, перед либерализацией цен прогнозировалось, что стабилизация будет достигнута при трехкратном повышении общего уровня цен. С тех пор рост цен составил тысячи раз, а стабилизация так и не достигнута. Прогнозировалось, что динамика обменного курса рубля не превысит 250%. За полтора года курс доллара вырос в 250 раз. Перед массовой приватизацией предприятий прогнозировался быстрый рост эффективности производства. В действительности по всем показателям эффективности произошел колоссальный спад: по производительности труда – на 37%, по энергоотдаче – почти на треть. По своим масштабам спровоцированные политикой «шоковой терапии» спад производства, падение экономической эффективности, разрушение производственного потенциала страны не имеют равных себе в экономической истории мирного времени».

7. Манифест (Платформа) Центра стратегических реформ (ЦСР) и Столыпинского клуба

Оба этих Манифеста по Гамбургскому счету ставят на экономический рост, хотя и с несколько различающимися его нюансами (например, в концепции ЦСР речь идет о том, что государство должно обеспечить не рост, а благоприятные условия для него, в том числе путем преодоления технологической отсталости и совершения технологического рывка и повышения качества роста). При этом, как указывается в (Платформа, Экономическая дискуссия, 2017): «Платформа Столыпина делает ставку на ускоренное развитие. А платформа Алексея Леонидовича (Кудрина – идеолога ЦСР) полагает, что более консервативный эволюционный путь более приемлем...». Однако их прогнозы на 2017-й и дальнейшие годы после 2025-го практически совпадают. Поэтому эти Манифесты лучше рассматривать совместно, так как большие существовавшие вначале расхождения между их подходами и концепциями, по общему мнению, за последние два года сильно нивелировались и, главное, в эту же сторону

как будто направлен и дрейф их развития. Да и расхождения в их рекомендациях сильно уменьшились, между тем как основа – ориентация на рост ВВП, сохранилась. Невзирая на критическое отношение ряда известных экспертов, в том числе и нескольких лауреатов Премии по экономике Памяти Альфреда Нобеля, к такой ориентации на рост ВВП и у нас, и за рубежом (Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016: «...Почему ВВП не имеет смысла?»).

Как указывается в статье Юлии Кривошапки «Богатые не беднеют» (РГ, 2017, с. 1): «Впервые с начала рецессии расслоение в доходах населения было зафиксировано в первом полугодии 2016 года. До этого разрыв сокращался несколько лет подряд. По итогам первых трех месяцев 2017 года коэффициент Джини, которым во всем мире измеряют величину социального неравенства, снова показал положительную динамику, увеличившись до 0,398... Доля доходов 20 процентов самых обеспеченных граждан увеличилась в первом квартале с 45,6% до 45,7%, т.е. наиболее состоятельные, пусть и незначительно, но все-таки стали богаче».

Конечно, были и другие, кроме выше рассмотренных, и даже более ранние, Манифесты видных, в том числе и великих экономистов, например, всем советским научным сотрудникам хорошо известный изучавшийся в то время «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса 1848 года с его известными первыми строками: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма...». Два вывода вытекают из этого факта. Коммунизм признается уже силой всеми европейскими странами. Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои стремления и цели, и сказкам о призраке коммунизма противопоставить Манифест самой Партии. Действительно, пора, в том числе и сегодня в России, на разрушительном фоне проводимой в ней уже почти (надо исключить небольшое – меньше года время премьерства Е.М. Примакова) четверть века государственной политики, соответствующей неолиберальному манифесту. Да пора еще и потому, что

глядя на регулярное присутствие при церковных праздниках лидера КПРФ Г.С. Зюганова с ритуальными свечами возникает подозрение о существенном изменении по сравнению с классической, существовавшей в период Советского Союза философии коммунистической и социалистической доктрин, ранее существенно опиравшихся на основные положения диалектического материализма.

Вернемся к вышепредставленным таблицам и отметим, что, конечно, неплохо было бы осветить и будущее в этих сводных таблицах (табл. 1.5–1.7 и др.), но динамика показателей в них обычно ограничена 2012 г. соображениями удобства их табулирования и восприятия, а также ввиду отсутствия по естественным причинам (будущее не отчитывается перед Росстатом) у авторов на дальнейший период после 2016 года надежных статистических данных. Тем не менее некоторые из них, имеющие оценочный характер и относящиеся к посткризисному и прогнозному периодам 2012–2020 гг., иногда приводятся потом, когда это возможно, в последующих разделах.

Рассмотрим дополнительно несколько более подробно, как проходили реформы, причем в данном подразделе 1.2 тоже ограничимся главным образом статистически фактографическим, а не профессионально системным теоретическим анализом конкретных событий в нашей экономике только в первых двух периодах (этапах), третьему и остальным в этом же стиле будет более подробно посвящен раздел 2 и отдельные фрагменты последнего раздела⁵⁶.

Для *первого — обвального этапа* характерны существенное и почти монотонное падение уровня жизни основной

56. Теоретическому анализу проводившейся трансформации российской экономики в этих периодах посвящено довольно много работ, в том числе и по ряду важных не затрагиваемых нами здесь вопросов, например институциональному аспекту этого процесса — взаимодействию органов Правительства РФ с Международным валютным фондом, по методологии и практике проведения радикальных рыночных реформ, включая реально имевшее место их кредитование со стороны МВФ. В частности, эти вопросы освещены в монографиях 2002 г. (Стиглиц; Львов; Шиповцев и др.), в последней из которых также содержится интересный теоретический анализ макроэкономического равновесия применительно к стабилизационным программам МВФ.

массы россиян (см. табл. 1.6), важнейших макроэкономических показателей России – ВВП, объемов промышленного и сельскохозяйственного производства и др. (см. табл. 1.5), значительный дефицит федерального бюджета (см. табл. 1.7), многомиллиардные внешние валютные заимствования, относительно низкие цены на продукцию российского экспорта и т.д. Во *втором* периоде все почти с точностью до наоборот, хотя все рассматриваемые годы в стране фактически (до различий в деталях) проводилась одна и та же, к тому же достаточно нерациональная, неолиберальная государственная экономическая политика, существенно различающаяся по периодам не целевой направленностью, а конъюнктурным поведением, в основном определяемым параметрами внешнего экономического окружения (прежде всего ценами мирового рынка на экспортируемые российские энергоносители), и непосредственно связанным с ним социальным и финансовым благополучием/неблагополучием различных групп населения.

По приведенным данным, особенно 2000 года, может создаться впечатление, что в конечном итоге реформы в 90-е годы у нас неплохо сработали, хотя бы в макрофинансовом плане. А между тем не точечный, а системный анализ показывает, что в стране, и даже в государственных ее финансах, весь этот период далеко не все было благополучно.

Действительно, эти данные убедительно показывают и доказывают, что страна весь период 90-х годов находилась в глубоком системном социально-экономическом кризисе⁵⁷,

57. Это сегодня признается, правда, иногда в вопросительной форме, и находившимися у власти реформаторами. Так, бывший министр экономики РФ Е.Г. Ясин в вышедшей в начале нового века книге (Ясин, 2002) уже во Введении на с. 9 ставит вопрос: «Почему страна оказалась в мирное время в столь глубоком кризисе?» – и оптимистично в конце книги на с. 429 констатирует: «...Первый этап реформ завершен. Какова бы ни была цена, как бы ни распределялись издержки перехода между ошибками в политике и объективными препятствиями, назвать такой итог поражением или крахом реформ никак нельзя. А успехом можно». Интересно, согласится ли с этой логикой бывшего министра подавляющая часть населения России – те, кто платил эту цену? Хотя, наверное, охотно согласятся А.Б. Чубайс, С.К. Дубинин, А.Н. Шохин и др., хорошо порулившие в годы реформ бывшие научные работники, которых Е.Г. Ясин в том же Введении благодарит как соратников.

причем произошло это непосредственно при интенсивной реализации в нашей экономике самых что ни на есть рыночных реформ по западным рецептам. Неблагодарная российская экономика явно не оценила демократического изящества и бескорыстного благородства организаторов преобразований и вошла в кризис. О его глубине можно судить по содержащейся в табл. 1.5–1.7 динамике значений ключевых макроэкономических, социальных и финансовых показателей России в течение рассматриваемого периода, за которыми стоит в том числе появление качественно новых и весьма неблагоприятных явлений, которых в предшествующем реформам советском периоде во время мирного развития экономики, т.е. когда не было войны, раньше не было в нашей стране. Например, о десятках миллионов фактически нищенствующих россиян, имеющих доходы ниже прожиточного минимума (см. табл. 1.6), миллионах бездомных, в том числе и не посещающих школы детей, о небывалых масштабах исчисляемой многими сотнями тысяч, если не миллионами, человек «утечки мозгов»⁵⁸ — отъезде квалифицированных кадров за рубеж в поисках лучшей работы и жизни, о небывалом материальном расслоении общества — накоплении огромных богатств на одном полюсе — у относительно небольшой группы населения и бедности и даже нищеты на другом полюсе — у основной массы населения. Одновременно или, точнее, в связи с этим заметно ухудшились система образования, здравоохранения, отдыха, обеспечения безопасности и т.д. для большинства россиян, резко изменился — и не в лучшую сторону — их менталитет: стремление к обогащению в неслыханных ранее размерах

58. Известно, что (Захаров, 2010): «По оценке экспертов, по внешней миграции число уехавших за рубеж на постоянную или временную работу российских ученых составляет от 100 до 250 тыс. человек». Это только ученых. При этом в (Рогов, 2010) указывается на почти глобальный для нашей страны масштаб этого бедствия — «ныне в российской науке занято 25 тыс. докторов наук, а только в США проживают более 16 тыс. докторов наук — выходцев из бывшего СССР. Конечно, необходимо остановить дальнейшую «утечку умов». Демографический кризис (меньше трети научных исследователей относятся к наиболее продуктивной возрастной группе 30–50 лет, а четверть докторов старше 70 лет) может приобрести необратимый характер».

заместило даже у молодежи и студентов бывшие ранее сильные стремления образовательного, научного, культурного и т.д. интеллектуального характера. Т.е. приоритетными для них стали не научная, производственно-космическая и т.д., а торговая, банковская, чиновничья деятельность, у богатой элиты воспитание и обучение детей не в российских первоклассных (МГУ, МФТИ, ИМЭМО и др.), а в зарубежных элитных колледжах и университетах, и не потому, что там лучше учат⁵⁹. Небезынтересно в связи с этим высказанное в интервью газете мнение президента Российской академии образования Николая Никандрова («Известия», № 23 (28038), 11.02.2010): «А знаете, кто больше всего выиграет от внедрения у нас и в Европе болонских принципов, бакалавриата и магистратуры? США – именно они сейчас контролируют большую часть мирового рынка образовательных услуг, но их дальнейшую экспансию в этой сфере ограничивает наличие в других странах разных программ, степеней и сроков обучения. Теперь же, когда все это будет унифицировано, последнее препятствие устранилось, и те, кто имеет деньги, поедут учиться, конечно, в наиболее экономически развитую страну – то есть опять же в США... В ближайший десяток лет прогнозирую серьезную утечку студентов на Запад. А их и так у нас, в связи с демографической ямой 1990-х, уже

59. В том же интервью, что упоминалось выше, Н. Никандров отмечает: «В советскую эпоху у большинства молодых людей была сильная мотивация к учебе. Образование служило не только социальным лифтом, но и понималось как некий гражданский долг. Однако с тех пор ценности поменялись кардинально и над духовным возобладаало материальное». Теперь уже вряд ли удивительным является сообщение («Известия», № 217 (27988), 24.11.2009, с. 07) о том, что неизвестный «русский миллиардер из России купил принадлежавший Адольфу Гитлеру автомобиль Mercedes 770K, затем перешедший к японскому императору Хирохито». Неудивительно поэтому и печально содержащееся в статье (Синяева, январь 2013) утверждение: «Из всего этого явственно виден характер сложившихся экономических отношений и целеполагание элит. **Российские капиталисты, дорвавшиеся до крупной государственной собственности в ходе незаконной кредитно-залоговой приватизации, равно как государственные олигархи и коррупционеры, насколько можно судить, рассматривают Россию как трофейное пространство, из которого они перекачивают нефтедоллары в фешенебельные страны...**»(<http://www.odnaco.org/magazine/material/show/24448/>).

через пару лет будет вдвое меньше. Буквально каждый на счету... И не факт, что все они вернуться, получив бакалавра или магистра». Правда, при своеобразном чиновничьем взгляде на эту проблему можно в ней увидеть не негатив, а позитив. Так, бывший министр, глава Минобрнауки РФ Андрей Фурсенко 01.12.09 на III Всемирном конгрессе соотечественников в Москве недавно ее откомментировал так («Известия», № 223 (27994), 02.12.2009): «Мы очень много говорим по поводу «утечки мозгов». Мы можем превратить проблему в преимущество, которое позволит сделать шаг в создании новой экономики, новой России». Т.е. скатертью дорога, Россия – страна богатая. Так, что ли? И это на фоне того действия, что указанное министерство как будто, исполняя поручение Президента РФ, принимает участие в формировании и распределении финансовых ресурсов, выделяемых в виде грантов, для привлечения на работу и учебу в Россию иностранцев и квазиинностранцев – ранее уехавших за рубеж россиян. Деньги, наверное, успешно тратятся... может быть, и на эти цели, а вот вернутся ли российские эмигранты и какие – большой вопрос. По оценкам академика РАН Михаила Угрюмова (РГ, 22.05.2012): «В Западной Европе на науку выделяется примерно 3–3,5 процента от ВВП, а в России около одного процента... намеченный на 2015 год рост финансирования науки до 1,77% не сделает нас конкурентоспособными... сегодня Россия на науку тратит примерно 26 миллиардов в год, а наши ежегодные потери от «утечки мозгов», по данным ООН, составляют 25 миллиардов долларов»⁶⁰. В небывалых ранее размерах увеличились коррупция и бандитизм. Не случайно наша когда-то самая читающая в мире страна

60. И что-то не очень активно наш бизнес, и прежде всего олигархический и вообще крупный, отозвался («Деньги», № 33,(840), август 2011, с. 8) на «призыв американского миллиардера Уоррена Баффета, предложившего Конгрессу США повысить налоги для богатейших американцев ради сокращения дефицита бюджета страны. Его услышали коммунисты России. Как заявил секретарь ЦК КПРФ Сергей Обухов, руководство его партии сожалеет о том, что «патриотизм российских олигархов не настолько широк, чтобы кто-то из них выступил с подобной инициативой».

и традиционно считавшаяся высокоинтеллектуальной, не очень ныне приглядно выглядит по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), представляющему собой показатель, разработанный (Афанасьев и др., 2005, с. 94) «специалистами ООН на основе Концепции человеческого развития, основные положения которой состоят в том, что, во-первых, человеческое развитие представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей, во-вторых, уровень благосостояния зависит от возможности прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания, иметь доступ к ресурсам, обеспечивающим достойную жизнь, и, в-третьих, доход рассматривается как средство, расширяющее человеческий выбор». При этом принято, что (Там же, с. 97) «страны, в которых ИРЧП больше или равен 0,800, считаются странами с высоким уровнем развития человеческого потенциала, страны с ИЧРП 0,500–0,799 – со средним уровнем и страны с ИРЧП до 0,500 признаются странами с низким уровнем развития человеческого потенциала». Приводимые в (Афанасьев и др., 2005, с. 97) результаты расчета ИРЧП для России показали монотонное уменьшение этого показателя в нашей стране с уровня 0,771 в 1999 году до 0,753 в 2003 году. Аналогично характеризуется Россия по этому показателю в (Гайдар, Чубайс, 2008, с. 25), который там также, на основе Концепции человеческого развития, «определяется набором параметров, характеризующих ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования и ВВП на душу населения. По этому показателю в 2005 году Норвегия занимала первое место в мире. Исландия и Австралия следовали за ней. Россия была на 65 месте».

Принят для сравнительного анализа и ряд других обобщенных показателей, характеризующих качество и уровень жизни населения различных стран, например, ИСН (индекс социального благополучия), КЖН (коэффициент жизнеспособности населения) и др., и по большинству их Россия выглядит также не очень привлекательно, в лучшем случае на

среднем уровне. Так, в (Афанасьев и др., с. 94) указывается, со ссылкой на (Левашов, Руткевич, 1999), что, по результатам исследования Всемирной организацией здравоохранения ЮНЕСКО, определенный для России в 1995 году коэффициент жизнеспособности населения равен по пятибалльной шкале 1,4 балла, в то время как при значении его «меньше 1,5 балла – кризисное положение, падение уровня и качества жизни до той черты, за которой начинается вымирание населения». Там же приводится за 1999–2003 гг. монотонно ухудшающаяся, правда, незначительно, динамика индекса ИСН. Интересны в этом отношении также данные, приведенные в докладе ООН «О мировом счастье». Как указывается в («Аргументы и факты» № 41, 2012, с. 5), в этом докладе «Россия на 76 месте. Из 150 стран. По сравнению с предыдущим исследованием мы скатились вниз еще на 3 пункта. По количеству «счастливых» мы на уровне Румынии». Похожи в этом смысле и результаты, полученные учеными из Института Земли Колумбийского университета, которые (Полюхович, сентябрь 2013) «расположили страны мира по уровню счастья, складывающемуся из личной оценки своего благополучия респондентами, состояния окружающей среды и таких факторов, как уровень ВВП на душу населения, продолжительность здоровой жизни, наличие кого-то, на кого можно положиться, степень свободы при принятии определяющих жизнь решений, отсутствие коррупции и уровень щедрости граждан». По этому рейтингу в 2013 году Россия на 68 месте среди 150 стран, существенно ниже Эквадора (49 место) и Анголы (61 место), но выше Греции (70 место), Ямайки (75 место), Зимбабве (103 место). Характерно, что в этом рейтинге самых счастливых стран мира в 2016 году первая десятка выглядит так: 1) Дания, 2) Швейцария, 3) Исландия, 4) Норвегия, 5) Финляндия, 6) Канада, 7) Нидерланды, 8) Новая Зеландия, 9) Австралия, 10) Швеция – и в нее не попала ни одна из крупнейших экономических держав (США на 13 месте, Германия на 16 месте, Великобритания на 23-м, Франция на 32-м и т.д.).

А между тем, по словам известного макроэкономиста, директора Института Земли Колумбийского университета Джеффри Сакса (Jeffrey Sachs), «данные об измерении субъективного счастья и достижения благосостояния должны быть на повестке дня каждого народа, таким образом он начинает стремиться к достижению устойчивого развития».

Дополнительную информацию об этих показателях уровня счастливой жизни можно найти и в работах наших социологов. Так, в (Давыдов, 2006, с. 147) отмечается, что «оценки счастья и удовлетворенности жизнью являются одними из главных показателей при измерении субъективного качества жизни... Так, например, в (Инглетарт, Клингеманн, 2000) использован индекс оценки субъективного качества жизни как полусуммы доли счастливых и доли удовлетворенных жизнью. Для примера, в 1990 г. указываемое в этой работе значение индекса для России составляло 48%. Эмпирические исследования для 105 стран мира показали, что значения этого индекса статистически значимо коррелируют со свободой демократических институтов (коэффициент корреляции равен 0,78), ВВП на душу населения в сопоставимых ценах (коэффициент корреляции 0,738), а также рядом других базовых социально-экономических показателей. В (Veenhoven R., 1996) использован другой индекс, смысл которого состоит в том, что жизнь человека должна быть долгой и счастливой и этот индекс измеряется произведением ожидаемой продолжительности жизни на нормированный от нуля до единицы уровень счастья. Для примера, в 1990 г. значение этого индекса для России составляло 34,44 года. Приведенные там же эмпирические исследования для 45 стран мира показали, что значения индекса статистически значимо коррелируют с информатизацией общества (коэффициент корреляции 0,8), индивидуализмом (коэффициент корреляции 0,74), урбанизацией (коэффициент корреляции 0,57) и т.д.».

Имеются и многие другие полезные для сравнительного анализа показатели уровня характера для различных

стран мира, включая Россию, некоторые из которых регулярно мониторятся как, например, «уровень коррупции в стране». Рейтинг по нему регулярно составляется международной организацией «Transparance International», и ниже динамика места России в нем будет дополнительно кратко рассмотрена. Здесь же пока отметим, что 140 место заняла Россия («Деньги», № 02(960), январь, 2014, с. 6) в рейтинге «Индекс экономической свободы» американского исследовательского института Heritage Foundation и издания Wall Street Journal. Страна набрала 51,9 балла из 100 возможных, прибавив по сравнению с прошлогодним результатом 0,8 балла. Соседями по рейтингу оказались Таджикистан и Бурунди. Среди 43 европейских государств Россия занимает 41 место.

В (<http://www.regnum.ru/news/polit/1610380.html#ixzz2HT4liyWt>) (ИА REGNUM) приведен рейтинг уровня жизни английского журнала «The Economist» с вопросом на тему: «Где было и будет в 2013 году лучше родиться?» – и следующим ответом: «В СССР родиться было лучше, чем в современной Прибалтике». По данному рейтингу, Эстония делит с Венесуэлой 44-е место. Возглавляет рейтинг не входящая в Европейский союз Швейцария. Второе место – у Австралии, третье – у Норвегии. Финляндия занимает 11 место, Латвия – 48, Литва – 57, Россия – 72. Всего в рейтинге 80 стран мира. Кстати, отмечает издание, подобный рейтинг составлялся и в 1988 году. Тогда на первом месте были США, далее Франция и Германия. СССР, в состав которого входила Прибалтика, занимал 21 строчку. Наихудшие среди рыночных рейтингов результаты РФ, согласно (Швецов, 2012, с. 53), «обнаружила по трем показателям: уровню институционального развития (114 место), эффективности рыночных механизмов (108 место) и развитости финансового рынка (119 место)».

Конечно, есть и много других рейтингов, в некоторых показатели для современной России (по уровню или динамике) выглядят иногда гораздо более симпатично. Так, напри-

мер, согласно исследованию, выполненному Ernst&Young в преддверии встречи лидеров G20 (Ушакова, август 2013, с. 1): «Россия стала лидером стран «большой двадцатки» по такому показателю, как скоординированная поддержка предпринимательства». Неплохо она также смотрится в рейтинге «распространенность мобильных телефонов (14 место)». Или по такому показателю, как «индекс развития ИКТ», Россия в 2010 г. занимала 47 место (оценка – 5,38), а в 2008 г. – 49 место (оценка – 4,42). При этом по нему наилучшие показатели (1 и 2 места) в оба эти года занимали Республика Корея (оценки в 2010 г. – 8,23 и в 2008 г. – 7,8) и Швеция (оценки в 2010 г. – 8,4 и в 2008 г. – 7,53). А США – оба года в рейтинге занимали 17 место с оценками 7,09 и 6,48.

Но все же надо отметить, что вообще Россия существенно отстает в технологическом отношении от ведущих наиболее развитых стран мира. И это не случайно. А вызвано многолетними особенностями нашего двадцатилетнего развития, неэффективностью и по существу противоречивостью, проводимой все это время политики «слабого государства в экономике», когда одновременно объявляется о приоритетной важности модернизации экономики и ее инновационного развития и при этом снижается финансирование науки. Как отмечается в (Швецов, 2012, с. 52): «Даже самые активные сторонники российской «опережающей модернизации» констатируют, что, с одной стороны, лидеры технологического развития – США, ЕС, Япония, а теперь уже и Китай – вкладывают огромные средства в НИОКР, и именно научно-технологические сектора соответствующих экономик, растущие темпами до 35% в год, «вытягивают» указанные страны из кризиса и создают заделы на будущее. С другой стороны, в России к 2009 г. доля расходов на исследования и разработки упала до 1% ВВП. А в абсолютном выражении это меньше, чем в США, в 17 раз, в странах ЕС – в 12, а в Китае – в 6,4 раза». И далее (Там же, с. 55): «Специфика российского инновационного

процесса заключается в том, что с 1990-х гг. *импорт технологий* стал стремительно преобладать над *собственными технологическими проработками*. Этому способствует структура затрат на инновации, остающаяся на протяжении последних десяти–пятнадцати лет практически неизменной. Их преобладающая часть – почти 60 процентов – связана с *приобретением машин и оборудования*. В то время как на *научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы* (НИОКР) расходуется всего около 10% средств... Следствием столь удручающего положения с созданием высоких технологий в российской экономике становится *закрепление примитивного способа ее участия в международном разделении труда* – посредством обмена низкотехнологичных товаров (главным образом сырья) на ввоз высокотехнологичной продукции и технологий».

И все это не в последнюю очередь определяется принятой на заре трансформационных реформ в 90-е годы стратегией – тем, что (Башкатова, 2013) «Москва и Пекин демонстрируют прямо противоположные подходы к финансированию инноваций. Российские чиновники поддерживают изолированные проекты вроде «Сколково», тогда как Китай наращивает инвестиции в собственные исследования на базе растущего экспорта... На сегодняшний день Китай занимает третье место в мире по общему объему инвестиций в исследования и разработки, постепенно сокращая разрыв с развитыми странами и продвигаясь в укреплении своего статуса великой державы в сфере науки и технологии... Китай не хочет быть больше сборочным цехом и стремительно наращивает инвестиции в собственные разработки, чтобы наладить полный цикл выпуска экспортной продукции по китайским технологиям». В итоге (Там же) «в 2012 году общий объем инвестиций в сфере исследований и разработок по всему Китаю составил более триллиона юаней (по текущему курсу валют около 168 млрд долларов)... на 18,2% больше, чем в 2011 году... доля Китая в общемировых расходах на исследования и опытно-конструкторские рабо-

ты (НИОКР) составила 14,2%, по этому показателю Китай уступает только США, на которые приходится 31,1%, и объединенной Европе, с долей 24,1%. При этом Китай обогнал Японию, доля которой 11,2%, и Россию, с очень скромной долей на уровне 1,9%... Соседние богатые страны жалуются на растущее бегство их ученых в Китай».

По этим причинам в России объявленная модернизация идет таким образом, что (Гринберг, 2012, с. 144; Швецов, 2011, с. 58) **«к отставанию советских времен добавилось более двадцати лет технологического застоя в новой России. И главная потеря последних десятилетий, как полагают авторитетные эксперты, состоит в демодернизации российского экономического потенциала (производственного и инновационного), роковым следствием чего выступает продолжающийся вопреки всем доводам аналитиков и декларируемым намерениям властей государства заметный рост сырьевой компоненты и усиливающаяся примитивизация российской экономики».** Да и не очень успешные попытки кое-что исправить из «достижений» 90-х нередко заканчиваются дополнительными большими потерями. Так, согласно (Ермакова, Колыпкачев, 2017): «Правительство собирается направить дополнительные средства на доработку нового российского самолета Superjet 100 (SSJ-100). Для того, чтобы довести лайнер «до ума», потребуется еще 4,3 млрд рублей, из которых 3,3 млрд рублей будут предоставлены из бюджета. На эти цели пойдут и те деньги, которые планировалось направить на создание 130-местного самолета на базе Superjet».

По приведенным в табл. 1.5–1.7 данным в 1990-е годы, т.е. в рассматриваемом первом периоде, в которые экономика большинства развитых стран Запада и Востока и благополучие их жителей довольно интенсивно росли, причем на инновационной основе, в России соответствующие изменения после реализации мероприятий Вашингтонского консенсуса выглядели совсем иначе – ВВП страны, уровни промышленного, сельскохозяйственного производства и т.д.

упали примерно вдвое, уровень реальных доходов населения существенно снизился, накопленные им в предыдущие годы сбережения сразу съела гиперинфляция, инвестиции в реальное производство недопустимо сократились и соответственно выросли возраст и износ используемого оборудования, аварийность и др., в чем наглядно убеждают количественные данные, приведенные в табл. 1.8, с информацией об устаревании в 1970–2000 гг. оборудования в России и износе в этом периоде основных фондов в отраслях промышленности РФ (табл. 1.9), а также в 2005–2011 гг. по видам экономической деятельности.

Таблица 1.8. **Возрастная структура оборудования в России***

Показатель	1970	1980	1990	1995	1998	1999	2000
Все оборудование	100	100	100	100	100	100	100
Из него возраст (лет):							
0–5	40,8	35,5	29,4	10,1	4,1	4,1	4,7
6–10	30,0	28,7	28,3	29,8	20,1	15,2	10,6
11–15	14,0	15,6	16,5	21,9	25,3	25,7	25,5
16–20	6,9	9,5	10,8	15,0	18,9	20,1	21,0
более 20 лет	8,3	10,7	15,0	23,2	31,6	34,8	38,2
Средний возраст (лет)	8,42	9,47	10,8	14,25	17,0	17,89	18,7

* *Источник:* Россия в цифрах. Госкомстат России, 2003. По видам экономической деятельности (табл. 1.10), составленным согласно (Россия в цифрах, 2003, 2012, 2013).

Таблица 1.9. **Степень износа основных фондов в промышленности, в %***

Показатель	1970	1980	1990	1995	1998	1999	2000
Промышленность – всего	25,7	36,2	46,4	48,5	52,9	51,9	51,3
Электроэнергетика	23,2	31,6	40,6	45,7	49,4	50,4	51,6
Топливная промышленность	34,7	43,4	46,7	51,2	54,7	52,6	50,2
Черная металлургия	25,8	38,0	50,1	46,9	53,1	53,0	53,5
Цветная металлургия	29,9	37,8	46,9	47,5	52,0	49,1	44,5
Химическая	22,1	35,8	56,3	57,6	62,6	60,9	60,2
Машиностроение	25,3	34,4	47,5	47,4	53,2	53,3	55,3
Лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	29,3	38,5	48,3	50,2	55,2	51,6	48,7
Промышленность строительных материалов	24,7	34,5	42,1	46,5	53,6	54,2	53,7
Легкая промышленность	25,1	32,8	40,2	47,7	54,9	55,7	54,2
Пищевая	25,7	38,9	40,7	42,8	44,5	39,9	38,3

* *Источник:* Россия в цифрах. Госкомстат России, 2003.

Таблица 1.10. Степень износа основных фондов в Российской Федерации на конец года по видам экономической деятельности по полному кругу организаций, в %*

Показатель	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Все основные фонды	43,5	45,2	45,3	45,3	47,1	47,9	48,6
из них по видам экономической деятельности:							
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	46,3	46,2	42,2	42,2	42,1	41,7	43,2
рыболовство, рыбоводство	57,4	54,1	62,7	65,3	64,7	63,8	64,9
добыча полезных ископаемых	54,8	53,3	50,9	49,6	51,1	51,9	53,7
обрабатывающие производства	47,8	47,1	45,6	45,7	46,1	46,6	47,8
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	55,6	52,2	51,2	50,7	51,1	51,2	51,2
Строительство	42,3	44,6	45,5	46,9	48,3	49,4	47,3
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	40,9	35,6	33,8	33,0	33,6	34,6	36,8
гостиницы и рестораны	40,1	41,4	40,3	41,0	41,2	40,5	41,7
транспорт и связь	51,4	52,3	55,1	54,8	56,4	57,2	58,6
финансовая деятельность	37,8	50,4	33,1	39,2	38,6	37,3	47,7
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	26,7	30,1	31,9	31,1	35,3	51,2	34,7
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	39,4	45,6	47,9	48,3	50,2	53,6	54,0
Образование	37,0	43,8	51,0	52,3	53,2	53,7	54,9
здравоохранение и предоставление социальных услуг	45,2	47,8	50,6	51,5	53,3	54,7	55,3
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	42,9	39,8	40,7	42,5	44,5	45,1	43,4

* Источник: Россия в цифрах. Госкомстат России, 2003. Росстат. М., 2012, с. 77; Росстат. М., 2012, с. 78.

Даже беглый анализ приведенных в табл. 1.5–1.10 данных по объемным макроэкономическим и социальным показателям приводит к следующим совсем неоптимистичным выводам: *во-первых, динамика показателей России совершенно не соответствует характеру эффективной стационарной рыночной экономики, ее нормальному рыночному циклу и является, по существу, нестационарной, и, во-вторых, в результате проведенных в 90-е годы реформ страна оказалась в катастрофической ситуации глубокого долгосрочного системного социально-экономического кризиса.*

Характерно, что в эти же экстремально кризисные для России 90-е годы в проводившем тоже рыночные реформы, но без «шоковой терапии»⁶¹, Китае ВВП, объем промышленности и многие другие важные макропоказатели не упали, а более чем удвоились, да и количество жителей Китая, фактически живущих по международным нормам нищеты (имеющие доходы менее одного доллара США в день), уменьшилось более чем на порядок, хотя и в сокращенном виде тоже исчислялось десятками миллионов человек, так как раньше до реформ, но после «культурной революции», их было несколько сотен миллионов. Да и в развитии производства, в том числе на инновационной базе, они, китайцы, в отличие от нас, в эти годы неплохо преуспели. В итоге все десять лет у них весьма высокие темпы роста экономики, значительное повышение конкурентоспособности продукции, выпускаемой в стране (Китае, не России), массовое овладение новыми рынками, в том числе Западной Европы и Северной и Южной Америк. В чем причина такого несомненного успеха — по этому поводу есть довольно различные мнения, но в наличии беспрецедентного успеха китайских реформ никто не сомневается. Возможно, дело в том, что, как справедливо отмечается в статье руководителей Национального института экономических исследований КНР (Ван, Фан, 2009, с. 54–56): «Несмотря на то, что государство продолжает играть в экономике важную роль, единая командно-административная система давно отменена... Частный сектор, включая предприятия, акционерные компании и компании с участием иностранного капитала, стал преобладающим...

За 1978–2008 гг. средний показатель роста ВВП в Китае составил 9,8%, что на 4 процентных пункта выше, чем в доре-

61. Интересно, что и Президент РФ В.В. Путин в октябре 2017 года довольно своеобразно, по нашему мнению, объяснял, что большой разрыв в доходах богатых и бедных в России во многом обусловлен «шоковой терапией» 1990-х годов: «Это реальная проблема, над которой мы точно должны работать. Это не столько ошибка, сколько тенденция в развитии российской экономики и социальной сферы. Тенденция, кстати, нехорошая, она возникла с самого начала 1990-х годов, с момента демонтажа советской социальной системы и развития рыночных отношений, которые были связаны с “шоковой терапией”».

форменный период (1952–1978 гг.). По данным Национального статистического управления и Мирового банка, ВВП в постоянных ценах в среднем вырос в 16 раз, а экономика по масштабам превысила показатели России, Канады, Италии, Франции, Великобритании и Германии, выйдя на 3-е место в мире⁶². Вместе с тем среднедушевой показатель ВВП в Китае до сих пор низкий. В 1978 году он составил примерно 220 долл., а в 2008 г. – 3250 долл. По паритету покупательной способности, по расчетам Мирового банка, среднедушевой ВНП Китая в 2006 году оценен в 4660 долл. В 1978 г. сельское население Китая, живущее за чертой бедности, насчитывало 250 млн, или 1/3 всех жителей аграрных районов. В 2007 г. оно сократилось до 15 млн (2%)⁶³. ...Экономисты предлагали несколько объяснений различной эффективности реформ в России и в Китае. И хотя единого мнения не было, общепризнано, что ключевыми факторами служат темпы и последовательность преобразований. В отличие от «шоковой терапии» по российскому образцу, в Китае переход к рыночной экономике осуществлялся поэтапно. Аналитики называли это движение «постепенным», «эволюционным» или «экспериментальным». Такой подход способствовал нивелированию шоковых черт трансформации, оставляя возможность для

62. В 2010 г. Китай по объему ВВП занял уже второе место в мире, обойдя Японию.

63. Словно гигантский пылесос, Китай впитывает половину экспорта стран Азиатско-Тихоокеанского региона... В минувшем году жители КНР приобрели 12,7 миллиона автомашин против 9,8 в США. Таким образом, Поднебесная впервые стала крупнейшим автомобильным рынком... За последние несколько лет в стране проложили 60 тысяч километров скоростных автострад. По этому показателю впереди остались только США, где в годы «Великой депрессии Рузвельт боролся с безработицей строительством хайвеев. Что же касается Западной Европы, то она уже позади. Включая Германию, где Гитлер в 30-х годах сделал главным видом общественных работ прокладку автобанов». Да и скоростных железных дорог с высокими скоростями – более 250 км/час, уже построено значительно больше, чем в любой другой стране, – на конец прошлого года согласно (Полохович, 2012б, с.1) их протяженность на действующей сети железных дорог Китая составляет 6483 км и в процессе строительства – 4235 км. Следующая – Япония, где высокоскоростные действующие линии имеют протяженность 2664 км и 424 км находятся в процессе строительства. Т.е. в Китае их значительно больше, и «теперь расстояние между Пекином и Гуанчжоу – 2298 км поезд проходит за 8 часов вместо привычных 22. Еще одна необычная магистраль Харбин – Далянь была введена 1 декабря минувшего года – поезда там могут разогнаться до 350 км/час при температуре до минус 40 градусов по Цельсию».

корректировки ошибок, достижения целей макроэкономической стабилизации и построения институтов. В то время как старый механизм централизованного управления постепенно заменялся рыночным, поддерживались темпы экономического роста».

Примерно так же представляется ситуация в Китае известным журналистом и писателем—востоковедом Всеволодом Овчинниковым в статье «Паруса и штурвал. Три урока китайской экономики» (Овчинников, 2010). В. Овчинников называет три основных слагаемых китайской формулы успеха: «Во-первых, это эффективное государственное регулирование экономики (особенно в финансовой области). Во-вторых, неуклонный рост внутреннего потребительского спроса в результате исторической победы над бедностью. И, в-третьих, щедрые вложения в инфраструктуру как ключевое звено антикризисных мер». И указывает полученные результаты: «ВВП КНР в 2009 году достиг 4,6 триллиона долларов, или по 3500 долларов на душу населения. Начиная реформы, Дэн Сяопин мечтал к столетию КНР, т.е. к 2049 году, довести эту цифру до 4000 долларов, или до уровня таких среднеразвитых стран, как Греция и Португалия. Ныне уже нет сомнений, что заветная цель патриарха китайских реформ — довести валовой внутренний продукт Китая до 6 триллионов долларов при полуторамилиардном населении — будет достигнута гораздо раньше срока в ближайшие годы. Пока же в результате тридцати лет успешных экономических реформ вместо 250 миллионов человек, пребывавших в абсолютной бедности, появилось 250 миллионов «новых китайцев». То есть людей, которые не только едят досыта и носят одежду без заплаток, но и считают критериями своего благополучия не термос и велосипед, а приобретение собственной квартиры и автомашины. Сокращение числа бедняков с 250 до 24 миллионов человек, т.е. с 25 до 2 процентов населения, означало историческую победу над нищетой. Став лучше жить, самый многочисленный в мире народ стал больше покупать...».

Бедность и неравенство денежных доходов населения в России и за рубежом

2.1. Общая характеристика ситуации, беглый взгляд на проблему глазами выдающихся экономистов и социологов

Завершился XX в. — век глобализации процессов на планете и в России, век глобальных реалий и мифов, побед цивилизации и ее же глобальных поражений. Канули в историю связанные с ним крупномасштабные общечеловеческие беды (две Мировые войны, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, Чернобыльская катастрофа и т.п.) и одновременно великие социально-экономические и научно-технологические победы (разгром фашизма, освоение технологий приручения атомной энергии, покорение космоса и др.). Сформировались потенциальные, но не осуществившиеся реальные возможности продолжительной и материально обеспеченной счастливой жизни для всех жителей нашей планеты. И с этой точки зрения непрерывно и существенно расходились предполагаемые и особенно желаемые и даже прогнозные значения показателей благополучия будущей жизни населения с их фактическими значениями. Более того, можно сказать, что часто эти расхождения имеют парадоксальный характер, трудно совместимый с соображениями здравого смысла.

Так, в недавно вышедшей статье академика А.Г. Аганбегяна (2017, с. 66) пишется: «По мировым меркам нашу страну не назовешь бедной. По уровню экономического развития (ВВП на душу населения по паритету покупательной

способности) Россия находится на 40-м месте среди 150 стран мира, по уровню реальных доходов и реальной заработной платы, розничного товарооборота, конечного потребления домашних хозяйств – примерно на 50-м. А вот по уровню бедности она располагается ближе к концу первой сотни стран». К тому же, как отмечается в (Фомченков, январь 2017): «Финансовая пропасть между самыми состоятельными и бедными жителями земли достигла рекордного уровня. Действительно, у 8 богатейших бизнесменов мира сегодня денег столько же, сколько у 3,6 млрд наиболее бедных жителей земли, подсчитали в международной организации Oxfam... А между тем еще год назад считалось, что состояние 62 богачей равно собственности беднейших 3,6 млрд человек. Вдобавок на долю наиболее бедной половины населения планеты приходится лишь 0,16 процента собственности в мире. Интересны и другие предположения, которые делают специалисты Oxfam: среди них, например, то, что «первый в истории земли обладатель состояния в один триллион долларов может появиться уже через 25 лет. Увеличение пропасти между доходами самых бедных и самых обеспеченных жителей планеты налицо. При этом в течение ближайших 20 лет 500 богатейших людей мира оставят своим наследникам около 2,1 триллиона долларов США. На данный момент эта цифра больше ВВП Индии, при этом доход беднейших 10% людей планеты растет очень медленными темпами. Например, в период с 1988 года по 2011 год он увеличивался менее чем на 3 доллара в год». В результате, подсчитали в Oxfam, «генеральный директор компании, акции которой входят в индекс FTSE-100 (основывается на курсах акций 100 компаний с наибольшей капитализацией, включенных в список Лондонской фондовой биржи, прим. РГ), зарабатывает сегодня столько же и даже больше, чем вместе 10 тыс. рабочих в Бангладеше». Также, по данным организации, «за последние 30 лет доход половины населения США не вырос, в то время как доход 1 процента самых богатых в стране увеличился практически в четыре раза».

Ситуация с неравенством стала настолько острой, что она интенсивно обсуждается и на уровне ООН – в частности, в докладе Фонда ООН в области народонаселения «жизнь в разных мирах», который в октябре 2017 года представил Председатель Фонда Ричард Коллинз (<http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9038094>), указывается, что «сегодня состояние 2473 миллиардеров мира эквивалентно совокупному валовому внутреннему продукту четырех пятых всех стран мира в 2015 году», что, по данным аналитической компании Wealth-X, в руках миллиардеров по всему миру сосредоточено финансовых активов на общую сумму 7,7 триллионов долларов и на фоне того, как отдельные привилегированные домохозяйства распоряжаются бюджетом в миллиарды долларов, многие сотни миллионов семей с трудом выживают на менее чем 1,25 долларов в день, что не только несправедливо, но и подвергает риску экономику, общины и государство ... представляет угрозу для достижения поставленных ООН в 2015 году целей в области устойчивого развития, среди которых задача по ликвидации бедности к 2030 году». О цели сокращения бедности и чрезмерности уровня неравенства доходов россиян снова недавно, уже в 2018 году, в послании Федеральному собранию РФ напоминал президент нашей страны.

Финансовое неравенство продолжает расти, отмечают эксперты. «Список самых богатых людей планеты возглавил основатель Microsoft Билл Гейтс, состояние которого, исходя из оценок Forbs, оценивается в 75 миллиардов долларов. Второе место за испанским предпринимателем, основателем сети магазинов Zags Амансио Ортегой (67 миллиардов), а на третьем – инвестор Уоррен Баффет, который обладает состоянием в 60,8 миллиарда долларов. Далее идут мексиканский бизнесмен Карлос Слим с 50 миллиардами долларов и создатель Amazon Джефф Безос (45,2 миллиарда). Основатель социальной сети Facebook Марк Цукерберг обладает состоянием, которое оценивается в 44,6 миллиарда долларов, а сооснователь Oracle Ларри Эллисон владеет 43,6

миллиарда долларов, вслед идет медиамагнат и бывший мэр Нью Йорка Майкл Блумберг (40 миллиардов). Их общее суммарное состояние оценивается в 426,2 миллиарда долларов. Почти столько же денег, по оценкам Oxfam, составляют сбережения наиболее бедной половины населения планеты». Хотя время вносит некоторые коррективы в величину богатства и очередность миллиардеров списка Forbes (так, Юлия Котова в (Ведомости, 2017) в статье с впечатляющим названием «Трое американских миллиардеров оказались богаче 50% населения США» имеет в виду несколько иную по распорядку тройку: Безос, Гейтс и Баффет. При этом на сайте Forbes уточняется, что «в середине сентября, когда редакция закончила работать над рейтингом, состояние указанной тройки в совокупности оценивалось в \$248,5 млрд. С тех пор сумма выросла до \$263 млрд, во многом благодаря увеличению состояния основателя Amazon на фоне подорожания акций компании. Издание оценивает состояние 400 богатейших американцев с 1982 г. Для попадания в первый рейтинг достаточно было состояния в 100 млн долларов. В 2017 г. проходной порог достиг \$2 млрд». Не менее впечатляет и утверждение, содержащееся в докладе Фонда ООН «Жизнь в разных мирах», которое (17.10.2017 года) огласил председатель Фонда Ричард Коллодж: «Совокупное состояние 2,6 тысячи миллиардеров по всему миру превышает 7,7 триллиона долларов, что сопоставимо с валовым внутренним продуктом четырех пятых всех стран мира. Состояние троих богатейших американцев, по версии журнала Forbes, в совокупности превышает суммарное состояние половины населения США, или 160 млн человек, сообщается в докладе вашингтонского Institute for Policy Studies. В докладе также отмечается, что «25 богатейших миллиардеров США вместе владеют состоянием в \$1 трлн. В их числе основатель Facebook Марк Цукерберг и создатели Google Ларри Пейдж и Сергей Брин. Если так продолжится, богатство по-прежнему будет накапливаться в руках все меньшего числа людей. Эту тенденцию мы видим десятилетиями», —

пишет один из авторов исследования Джош Хокси. Вместе с тем они полагают, что для сокращения разрыва между беднейшими и богатейшими, как указано в докладе, «необходимо принять два ключевых решения. Во-первых, не усугублять неравенство с помощью налоговых льгот для богатых». Во-вторых, они предлагают бороться с «концентрацией богатства — с помощью тех же налогов», т.е. в конечном итоге с помощью справедливого поведения государства. Однако понятно, что здесь не надо перегибать палку, ведь также ясно, что неэффективно в качестве целевой функции госуправления выбирать минимизацию неравенства денежных доходов населения, стремление его нулифицировать — отрицательные последствия влияния такого поведения в социальной сфере (снижение производительности труда, интенсивности его целевой направленности и т. д.) могут превысить соответствующий положительный эффект мероприятий. Так что и по неравенству, и по бедности разумно вести речь о приближении к некоторому оптимальному,⁶⁴ а не нулевому уровню. Сегодня же их уровни в России и ряде других стран явно завышены. Так, в (Белуза, 2017, март) пишется: «Богатые россияне в среднем зарабатывают примерно в 15 раз больше бедных, разрыв в зарплатах в России меньше, чем в начале нулевых, но все еще значительно превышает аналогичные показатели в других странах. Об этом заявил министр труда и социальной защиты Максим Топилин: «Сейчас почти 5 млн человек в России работают с зарплатой ниже прожиточного уровня. В настоящее время прорабатываются различные варианты доведения МРОТ (7,5 тыс. рублей в марте) до уровня прожиточного минимума (порядка 10 тыс. рублей)».

Между тем, по опросам ВЦИОМ (Емельяненко, 2017), «в июне 2017 года доля россиян, которым не хватает средств на еду и одежду, достигла 39%. Среди них 54% составили

64. Отметим, что доказательства существования этого оптимального уровня, и тем более его величины, автор данной работы не встречал и лично тоже не имеет. Хотя на экспертном уровне полагает, что он существует.

люди пенсионного возраста, 46% — жители сельской местности». В целом этот опрос показал, что россиянам пока не удастся выйти на прежний уровень потребления. Есть и более грустные оценки по этому поводу применительно и к России, и к странам Запада. Так, в статье (А. Башкатова, май 2017) утверждается, что «падение уровня жизни у миллионов россиян будет продолжаться не одно десятилетие. Впрочем, официальная статистика может это и не отразить. О подобной опасности свидетельствует опыт даже таких благополучных стран, как Германия или США. Реальные доходы работающих немцев так и не превысили уровень 1995 года. А разрыв между самыми богатыми и бедными в США за пять лет увеличился в 6,5 раз. Зарплатная дистрофия поражает все больше жителей самых различных стран».

Не больше оптимизма внушает и составленный в Минэкономике целевой вариант макропрогноза—2035. Как пишется (Кувшинова, Прокопенко, 2017) в этом документе, который «предполагает повышение экономического роста до темпов выше среднемировых, Минэкономразвития закладывает почти нулевой реальный рост пенсий на ближайшие 20 лет». При этом предполагается «повышать темп роста экономики... за счет увеличения численности занятых, повышения инвестиционной активности и производительности труда... в том числе за счет повышения пенсионного возраста — до 65 лет для мужчин и 63 для женщин... Однако повышение пенсионного возраста сопровождается резким падением уровня пенсий: их отношение к зарплате (коэффициент замещения) падает с 35% до 22%. Таким образом, от реализации плана повышения темпов экономического роста, как минимум, пятая часть населения не только ничего не выигрывает, но, наоборот, проигрывает: их доходы в сравнении с другими сильно сокращаются — почти вдвое снизится отношение пенсионных выплат к фонду оплаты труда — с 28 до 15%... Зарплаты и доходы ближайшие два десятилетия будут расти медленнее, чем экономика, рост которой, по прогнозу, тоже будет невыдающимся».

Действительно, по данным Росстата, в 2016 году доходы ниже прожиточного минимума были у 19,8 млн россиян, что составляет 13,5% населения. Этот показатель стал максимальным с 2006 года, когда на доходы ниже прожиточного минимума приходилось жить 15,2% россиян. В ближайшее время ситуация будет выправляться, обещают российские власти. Министр экономического развития Максим Орешкин в онлайн-интервью «Газете.Ру» заявил, что «уже к концу 2018 года в России ожидается снижение доли бедных на 1 процентный пункт за счет демографической программы и повышения МРОТ до уровня прожиточного минимума... У нас возобновился экономический рост и рост доходов, зарплаты у нас растут на 4% в реальном выражении, по последней оценке. Это также способствует снижению бедности». По данным же Росстата этого 2017 года (<http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10169090>), «доля россиян с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по итогам января–сентября 2017 года сократилась на 0,1 процентного пункта по сравнению с аналогичным периодом 2016 года и составила 13,8% от населения страны (20,3 млн человек)... в III квартале 2017-го численность бедных составила 19,2 млн человек против 20,2 млн человек во II квартале, величина прожиточного минимума за III квартал 2017 года в целом по России составила 10,328 тыс. рублей... средний уровень доходов населения на душу населения вырос до 31,236 тыс. рублей». Между тем пока «падение реальных доходов наблюдается уже четвертый год подряд. Если по итогам 2014 года в реальном выражении доходы упали на 0,7%, то в 2015 году – уже на 3,2%, в прошлом 2016 году снижение составило 5,9%. Летом этого года эксперты Высшей школы подсчитали, что с октября 2014 года по май 2017 года реальные доходы россиян обвалились на 19,2%».

Конечно, на этом, грустном и несправедливом, как мне кажется, фоне бывают иногда и просветы: так, в несколько более ранней статье филантропического журнала (Сучи-

лин, 2015) правильно пишется, что «бедность – социальная проблема, присущая всем без исключения странам мира. Например, во Франции и в России число живущих за чертой бедности в 2014 году было номинально одинаковым, около 13%, в США еще больше – 14,3%, а в ЕС – 17%. Статистика в данном случае не обманывает, но под бедностью в различных странах мира подразумеваются абсолютно разные вещи». Бедность обычно определяют как экономическое положение человека, при котором он не в состоянии удовлетворить свои минимальные потребности для существования, которые, естественно, в разных странах разные. По данным Росстата, в России число бедных с доходами ниже прожиточного минимума в 2015 году достигло 22,9 млн человек и продолжало расти при уровне прожиточного минимума в первом квартале, равном 9 тысячам 662 рублям, выросшего по сравнению с предыдущим годом на 2 тысячи 26 рублей. При этом «средние доходы достигли 25210 рублей. Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России установлен был в это время на уровне 5 тысяч 965 рублей (с 1 июля 2017 года он вырос до 7800 рублей). Всемирный банк определяет общемировой уровень бедности так: доход менее \$1,25 в день. А в США, Германии, Франции, Великобритании и др. развитых государствах мира действуют совершенно другие критерии. Например, в США уровень бедности исчисляется исходя из прожиточного минимума, умноженного на коэффициент 2,5. В 2014 году он составлял чуть больше 1 тыс. долларов в месяц, т.е. около 34 доллара в день. При этом более 90% официальных бедных и нищих американцев имеют дом или квартиру, почти все – автомобиль (или два) и т.д., включая всякие льготы, бесплатное питание для детей и т.д. Американские пенсионеры (бедняков среди них около 6%) не платят подоходный налог, если их доход в год менее \$20,9 тыс. при средней годовой зарплате в США чуть больше \$44 тыс. На питание при этом в США в среднем тратят примерно 12,3%... Черта бедности в США рассчитывается по сумме, на которую человек может прожить день. Всемирный банк в качестве

порога для абсолютной бедности задал сумму в 1,9 доллара. По официальной статистике, таких бедных в США в 2016 г. насчитывалось 43,6 млн человек (14,3%), из них около 50% имеют медицинскую страховку.

В Европейском союзе, в который входит 27 стран, доля бедняков чуть выше, чем в США, — 17%, что составляет почти 85 млн человек. Меньше всего бедняков в Чехии (9%)... середину удерживают Германия (15%), Швеция, Дания, Австрия (по 12%). Больше всего бедняков в Латвии (26%), Румынии (23%), Болгарии (21%) и Литве (20%). Бедными в Евросоюзе считаются те граждане, чей доход, включая социальные выплаты, меньше 60% медианного уровня зарплаты в стране проживания». Кроме того, «бедность в Европе определяется не по уровню доходов, а по наличию (отсутствию) материальных благ. В скандинавских странах (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания) действует «социальный договор» — богатые платят за бедных. В Дании, например, до двух третей ВВП перераспределяется через налоговую систему. Каждый пятый в этих странах живет за счет социальных пособий».

По поводу же российского прожиточного минимума автор рассматриваемой статьи в «Филантропе» — электронном журнале о благотворительности — выносит следующий вердикт: «Если мы, в том числе — в своем профессиональном, благотворительном качестве, как сообщество — соглашаемся с тем, что месячный прожиточный минимум в России составляет⁶⁵ 9 тысяч 662 рубля, то есть около 175 долларов США, мы соглашаемся не только с издевательством над людьми, но и с издевательством над логикой и здравым смыслом, что иной раз еще хуже». Парадоксально читать такое именно в журнале по благотворительности, но, как говорят, это медицинский факт, и в контексте анализируемых нами положений неравенства денежных доходов и бедности населения с подобными нетривиальными парадоксами приходится

65. Напоминание — рассуждения относятся к июню 2015 года.

довольно часто встречаться, особенно в связи с упомянутыми выше и неупомянутыми глобальными катастрофами, в числе которых применительно к нашей стране сразу же следует упомянуть также глобальную катастрофу 1991 г. — развал Советского Союза, разрушение его производственного потенциала и социума (Львов, 2002; Лившиц, 2013; Симонян, 2015), включая разрушение созданных в советский период высокоэффективных социальных систем здравоохранения, образования, массового спорта и т.д. (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 1999; 2008; 2010).

Реакция на это печальное событие — уничтожение Советского Союза и имманентных ему социальных систем — видных деятелей за рубежом и в нашей стране, называемые ими его результаты довольно сильно и порою парадоксально различаются, но думается, что сейчас, спустя четверть века, уже ясны глобально негативные последствия всех крупномасштабных катастроф, в том числе и развала Советского Союза (Гринберг, 2011, 2012; Лившиц 2013). Тем не менее эти последствия нередко мешали элитным кругам развитых стран, отдельным видным социологам и экономистам, периодически, наряду с печальными и реалистическими оценками грядущего (например, О. Шпенглер «Закат Европы» (Шпенглер, 2006)), давать и вполне оптимистические прогнозы. Примером является приведенный выше, опубликованный в 1931 г. и обращенный к внукам прогноз на столетнюю перспективу, содержащий и такие успокоительные «лекарства»: «В долгосрочном периоде — в течение ближайших 100 лет — человечество решит свою экономическую проблему... уровень жизни в развитых странах возрастет в 4–8 раз по сравнению с нынешним... (Кейнс, 2009, с. 65–67).

Есть и более поздние, почти сегодняшние достаточно похожие «успокаивающие» оценки иных выдающихся экономистов. Так, Ангус Дитон, лауреат Нобелевской премии по экономике 2015 г., во введении к своей знаменитой книге (Дитон, 2016, с. 17) отмечает: «Жизнь стала лучше, чем была

на всем протяжении нашей истории. Все больше людей живут богаче и все меньше сталкиваются с крайней нищетой. Выросла продолжительность жизни...». И одновременно с этим тут же добавляет: «Но миллионы людей продолжают жить в ужасной нищете и умирают раньше срока. В мире существует огромное неравенство».

Аналогичные мотивы легко прослеживаются и в активно обсуждаемой на современном этапе на Западе и у нас в России фундаментальной монографии (Аджемоглу, Робинсон, 2016), посвященной (и по названию, и по содержанию) ключевому вопросу – почему одни страны богатые, а другие – бедные. Очень солидная и интересная, в том числе и в историко-экономическом плане книга, хотя приведенный в ней материал вряд ли можно считать четким и убедительным ответом на поставленный нетривиальный вопрос. И в новой книге (Миланович, 2017, с. 7–8), в которой сначала бодро и оптимистично утверждается, что «западные доходы в 2015 г. были всего на 2,4% выше, чем в 2007 г., в то время как “небогатые” страны Азии выросли на 58%», затем, однако, в изложенных ниже на с. 232–257 результатах достаточно обширного исследования проблем – от «будут ли бедные страны расти быстрее богатых, т.е. судьбы конвергенции» до «прогноз глобального неравенства» – позитивный ответ о снижении неравенства просматривается с трудом, точнее, речь идет только о том, при каких, по нашему мнению, весьма маловероятных условиях он будет иметь место.

Правда есть и другие более нейтральные взгляды на эту проблему, обычно опирающиеся на известную гипотезу Саймона Кузнеца, которой посвящена довольно обширная и противоречивая литература западных социологов и политологов. Как указывается в (Миланович, 2017, с. 70–71): «Гипотеза Кузнеца – идея, что неравенство сначала находится на низком уровне в условиях низких уровней дохода, затем растет по мере развития экономики и в конечном итоге снова падает при высоких уровнях дохода, давно вызвала недовольство, но события последних десятилетий стали для

нее окончательным ударом⁶⁶. В связи с этим в (Миланович, с. 72) высказывается мысль, что «теория, которая по существу заменила теорию Кузнеца, представлена в поразительно влиятельной и масштабной книге «Капитал в XXI веке» Томаса Пикетти. Проблема состоит в том, чтобы предложить одновременно объяснение спада неравенства в богатых странах в период 1918–1980 гг. и его последующего роста. Пикетти утверждает, что спад неравенства был уникальным событием, которое имело под собою политические причины, такие как войны, налогообложение для финансирования этих войн, социалистическая идеология и движения, а также экономическая конвергенция (из-за которой зарплаты растут быстрее доходов от собственности). В условиях же «нормального» капитализма, как сегодня, неравенство, с точки зрения Пикетти, должно расти, как это происходило до Первой мировой войны. Такая теория может объяснить оба участка кривой Кузнеца, которая, по мнению Пикетти, является U-образной, а не перевернутой U-образной, как считал Кузнец». Такова довольно непростая⁶⁷ картина динамики внутристранового неравенства доходов населения после Первой

66. «Если раньше критика была связана с отсутствием признаков роста неравенства в кросс-страновых данных, например при сравнении очень бедных стран с чуть менее бедными или при анализе исторического опыта отдельных стран, то по-настоящему сильным ударом для гипотезы стала куда более серьезная проблема, данные относительно которой бесспорны: недавний рост неравенства доходов в богатых странах. Убывающий участок кривой Кузнеца, отражающий спад неравенства в богатых странах, вплоть до 1980-х гг., выглядел в точности так, как предсказывал Кузнец. Затем, вопреки ожиданиям, кривая переставала убывать и начала возрастать. Несомненный рост неравенства в США, Великобритании и даже таких элитарных странах, как Швеция или Германия, совершенно не согласуется с гипотезой Кузнеца».

67. Она остается таковой и при расширении горизонта рассмотрения до диапазона конца XV – начала XXI века. Соответствующий краткий, но представительный материал по имущественному неравенству, динамике коэффициента Джини распределения доходов в этом периоде как в развитых, так и развивающихся странах удачно изложен в статье (Джомо, Попов, 2016.), в частности в которой отмечается и быстрый рост имущественного неравенства (отношения стоимости крупнейших состояний того времени к стоимости имущества среднего домохозяйства), которое выросло «с 1000 в 1790 году (состояние Элиаса Дерби оценивалось в 1 млн долларов) до 1250000 в 1912 году (состояние Джона Д. Рокфеллера в 1 млрд долларов), сократилось до 60000 в 1982 г. (у Дэниела Людвига было «всего» 2 млрд долларов в ценах того времени, но затем выросло до 1416000 в 1999 г. (85 млрд долларов у Билла Гейтса))».

мировой войны (до нее в течение нескольких веков в связи с промышленной революцией и инициированными ею техническим прогрессом, экономическим развитием, повышением уровня образования и зарплат имел место тренд роста неравенства). Естественно, еще более сложна картина динамики межстранового и глобального неравенства денежных доходов населения в последующем периоде (в том числе и в этом, и следующем столетии), для которых уже характерна существенная немонотонность соответствующих процессов (достаточно подробно применительно к условиям ушедшего XX века проанализированная в ряде фундаментальных монографических работ (Шевяков, Кирута 2002, 2009, 2011; Миланович, 2017), в частности, в последней из этих работ приведен и межстрановой структурный, в том числе прогнозный, анализ – с. 162–311).

Сегодня, в середине декабря 2017 г., до указанного великим экономистом Кейнсом срока (2031 год) осталось более десятилетия, но вряд ли у кого-нибудь из достаточно информированных экономистов есть уверенность (надежда, конечно, вполне может быть) в том, что где-нибудь в развитых, а тем более в развивающихся, странах это предсказание осуществится, хотя бы в достаточной мере, – и «человечество решит свою экономическую проблему». Это значит, что в этих странах исчезнет массовая нищета населения, а также выработается разумный социально-психологический подход к финансовым проблемам, включая «отношение к деньгам». Для анализа этого положения кратко остановимся на характеристике ситуации в мире в целом, а затем – и в отдельных странах (прежде всего в США и России – наиболее интересных для нас и представительных странах), где указанные процессы последние четверть, а может быть, и полвека развиваются, скорее, в обратную сторону – страсть к деньгам у *homo sapiens* всех возрастов, усилия, направленные на накопление богатства, зашкалили (Баязитова, 2015), и – как следствие – снижались моральные ограничения, углублялось имущественное, социальное и т.д. неравенство и тоже – со всеми вытекаю-

щими негативными последствиями оценочного, нравственного, образовательного, культурного и т.п. характера. Как с беспокойством отмечал в научном докладе в Секции экономики Отделения общественных наук РАН незадолго до кончины (июнь 2014 г.) академик О.Т. Богомолов (Богомолов, 2008, с. 12): «Порождаемая рынком жажда наживы, жестокая конкурентная борьба способны привести к дикости, бесчеловечности, если не ввести рыночные отношения в строгие рамки права и моральных требований». Далее, аргументируя исключительный характер этого явления, он ссылается на статью бывшего канцлера ФРГ Гельмута Шмидта (*Die Zeit*, 2003), в которой отмечается, что «..для рынка мораль неприоритетна, она не возникает из конкуренции... Некоторые высшие менеджеры забыли все приличия. Звериный грабительский капитализм угрожает открытому обществу. Корни этого безобразия в том, что стремительно деградирует мораль...».

Думается, надо объективно и диалектически, не удивляясь, отнестись к серьезному предупреждению канцлера и академика и в принципе иметь в виду, что по поводу рынка и связанных с ним процессов, в том числе бедности и неравенства денежных доходов населения, есть много разных точек зрения, да и старых и новых мифов тоже (Шевяков 2011, Vairoch, 1999). Например, как пишет Даниил Расков в предисловии к книге почти уже классика (Кламер, 2015, с. XIII; Klamer, 1983), цитируя разговор Кламера с новым классиком Робертом Лукасом, одним из авторов популярной теории рациональных ожиданий: «Государство – главный источник социального неравенства, и со времен египетских фараонов еще мало что изменилось, чтение британского аристократа Кейнса он считает бессмысленным, поскольку многое в его книгах туманно, а иногда и нечестно»⁶⁸.

68. Трудно согласиться с такой характеристикой содержания трудов крупнейшего экономиста XX века. Конечно, в основной его труд (Кейнс, 1936) вчитаться нелегко, – это верно. Но это искупается богатством содержания и нетривиальностью его весьма полезных для экономической практики идей. Что же касается обвинения в нечестности, то это, наверное, для красного словца, так как база для этого не видна. Кстати, из самого большого кризиса на Западе – Великой депрессии – многие страны в 1930-е годы выходили именно используя

Но вернемся к нашей теме. Не останавливаясь сначала на строгом дополнительном определении нами самих ключевых понятий бедности и неравенства, истории их возникновения и использования в экономике (кратко о них см.: Бирман, 2010, с. 61–64; Григорьев, 2016, с. 160–163), способов их измерения (это будет указано ниже) и т.д., начнем анализ сначала с общей характеристики ситуации «за бугром», посмотрим (Аттали, 2009), как там с затрагиваемыми нами проблемами. Общеизвестно, что «позавчера», т.е. в XIX веке, миллионы жителей не только в фактически рабовладельческих или полупфеодалных государствах Африки, Азии или Северной Америки периодически испытывали смертельный голод, но такие же события имели место и «вчера», т.е. в XX в., в том числе и в ряде стран цивилизованной Европы и свободной Америки.

Не отрицая того, что в связи с бедностью и денежным неравенством все время идут в мире разнонаправленные, а иногда и некоторые позитивные процессы, по замыслу их основателей, порою направленные и на снижение неравенства и бедности (иногда по линии международных организаций и частных компаний формируются программы помощи разным народам и различные благотворительные фонды типа фонда Билла и Мелинды Гейтс и др.; периодически проводятся форумы по проблемам неравенства и бедности: экономические — Европейский и Московский экономический форумы, Всемирный экономический форум в Давосе и других местах), придется все же признать, что системный взгляд на проблему динамики неравенства денежных доходов и роста имущественного расслоения и бедности населения в мире в лучшем случае позволяет лишь констатировать, что воз и ныне там (голодает на планете около миллиарда человек), а предпринимаемых мер для действенного решения этой важнейшей крупномасштабной многоплановой проблемы Человечества явно недостаточно. Социальная болезнь практически во всех странах — и развитых, и развивающихся, несмотря на объ-

кейнсианские рецепты, хотя осуществлявшие это правительственные менеджеры, например Ф.Д. Рузвельт в США, в этом не признавались.

ективные возможности ее радикального излечения, — фактически расширяется и загоняется вглубь социума, отдаляя на неопределенное время светлое кейнсианское будущее.

Официальная статистика свидетельствует, что рост денежного неравенства является общемировой тенденцией. Опубликованный в конце 2014 г. доклад ОЭСР «FOCUS on Inequality and Growth» показывает, что «мировое неравенство стало больше, чем в XIX в. — глобальный индекс Джини вырос с 49 пунктов в 1820 г. до 66 пунктов в 2000 г. Мировое неравенство резко сократилось лишь в период 1950–1970 гг., когда в развитых странах мира работала модель социального государства, а в ряде развивающихся стран модернизация вывела большую часть населения из нищеты. В наши же дни, как на Западе, так и на Востоке реальная картина выглядит довольно непривлекательно — богатые все больше богатеют, бедные — беднеют, а средний класс размывается». Таким образом, и по мнению экспертов, и согласно официальным статистическим индикаторам, ситуация в мире в последние годы XX века в сфере неравенства денежных доходов и других благ населения — аномальная и тревожная. Ну а как дела с проблемой бедности сегодня, в уже наступившем XXI веке?

Мировая лаборатория неравенства (World Inequality Lab.) провела глобальное исследование, посвященное разрыву между богатыми и бедными. Согласно докладу World Inequality Report неравенство в доходах растет практически во всем мире, а одним из лидеров по этому показателю в последние годы стала Россия. В 2016 году на 10% самых обеспеченных россиян приходилось 46% национального дохода. Для сравнения, в Китае десятая часть населения получает 41% национального дохода, в Европе этот показатель составляет 37%, в США и Канаде — 47%, в Бразилии, Индии и странах Африки — 55%.

В материалах Московского экономического форума, состоявшегося чуть более года назад (16 февраля 2016 г.), розданных накануне его модераторами (Константином Бабкиным и др.) и опубликованными перед этим также в (Райбман, Базанова,

2016), была приведена следующая взятая из доклада благотворительной организации Oxfam не очень оптимистичная, но вполне объективная информация: «Состояние 1% богатейших семейств мира сравнялось с состоянием остального человечества». И, как сообщается со ссылкой на ВВС, «свои расчеты Oxfam сделала для доклада, традиционно представляемого по октябрьским данным Credit Suisse Давосскому форуму, и организация призывает его участников бороться с имущественным расслоением». Шансов на успех представляется не очень много, тем более, что этот призыв, по нашему мнению, вопиющего в пустыне Oxfam, не первый и, по-видимому, не последний. Действительно, эта компания в своем прошлогоднем аналогичном докладе предсказывала, что «богатейшие 1% населения Земли сравняются по имуществу с остальными 99%» и отмечала, что «в 2009 г. у 1% богатейших землян было 44% всего богатства мира, в 2014 г. — 48%, или 2,7 млн долл. на человека в среднем, а 80% населения владеют лишь 5,5% общемирового богатства, среднее состояние — 3851 долл. на взрослого человека». И одновременно с этим в ежегодном отчете Credit Suisse Global Wealth приводятся такие данные: «Больше миллиарда людей в мире живут в абсолютной бедности с доходом менее 1,25 долл. в день. Хотя быстрый рост развивающихся экономик привел к сокращению глобального неравенства, группа сверхбогатых людей получила контроль над громадными состояниями». Таким образом, по существу в докладе Oxfam и Credit Suisse резюмируется, что имеет место в мире огромное, если не чудовищное, расслоение жителей по уровням богатства и бедности и фактически **«вместо экономики, которая работает на общее благосостояние, для будущих поколений и для планеты, мы создали экономику для 1%»!**

Как сообщил недавно (2 марта 2017 г.) журнал Forbs, «в мире стало больше людей, чье состояние превышает 1 млрд долл., к списку добавились еще 60 миллиардеров... В 2017 году Forbes (с. 032) насчитал уже 2043 миллиардера во всем мире, год назад их было 1810: сырьевые и финансовые рынки растут. Совокупное состояние мировых миллиардеров

выросло до \$7,7 трлн с \$6,5трлн... На первом месте по числу миллиардеров США (565 человек), втором – Китай (319), третьем – Германия (114). Потом идут Индия (101) и Россия (96)». Всего же в ежегодном докладе The Wealth Report, выпущенном Knight Frank, «насчитали 2024 миллиардера, за последние десять лет их число увеличилось на 45%. Число мультимиллионеров (с капиталом в 30 млн долл. и больше) за прошлый год выросло на 6340 человек и достигло 193 490 человек. В СНГ и России в 2016 г. число миллиардеров достигло 90 (в 2015 г. их было 82), а мультимиллионеров – 3230 человек (2940 человек – в предыдущем году). По прогнозам Knight Frank, число мультимиллионеров во всем мире в течение ближайшего десятилетия увеличится на 43%». Правда, по совсем последним данным статьи «Бедные миллиардеры: число сверхбогатых россиян и их состояния сокращаются» в журнале «Деньги» 30 июня 2017 г., <http://www.rbc.ru/money/30/06/2017/59569351a794739b03ccbde>), отмечается: «В 2016 году количество российских ультрахайнетов (сверхбогатых граждан, располагающих, как минимум, \$30 млн) сократилось на 7,2%, до 3780 человек, а их суммарный капитал уменьшился на 6,7% до \$666 млрд. При этом общее число сверхбогатых людей по всему миру выросло в прошлом году на 3,5%, составив 226450 человек, а суммарные активы, принадлежащие им, увеличились на 1,5%, до 27 трлн»).

Напомним, что в январе организация Oxfam сообщила, что «восемь миллиардеров Земли владеют состояниями в 426 млрд долл., равными общему объему средств, которым обладает самая бедная половина населения. По данным обновленного рейтинга агентства Bloomberg, в топ – 500 богачей мира входит один украинец – Ринат Ахметов с 3,6 млрд долл.». Взрывной рост имущественного неравенства препятствует борьбе с бедностью, говорится в докладе Oxfam, представленном Форуму в Давосе. Тем не менее, Oxfam намерена добиваться принятия мер для борьбы с неравенством, в частности усиления борьбы с компаниями, уклоняющимися от налогов. Также группа собирается призвать государства инвестировать

в такие бесплатные государственные услуги, как здравоохранение и образование, справедливо распределять налоговое бремя, переложив нагрузку с труда и потребления на капитал, обеспечить систему достаточной социальной защиты для самых бедных, включая гарантию минимального дохода. Авторы доклада призывают правительства всех стран мира принять меры для сокращения имущественного неравенства. В частности, они призывают сократить разрывы между заработными платами топ-менеджеров⁶⁹ и рядовых сотрудников, гендерные различия в оплате труда, уравнивать женщин и мужчин в правах на владение недвижимостью и на наследство. Также они призывают правительства урезонить лоббистов, понизить цены на лекарства и повысить налоги на богатство, а не на потребление.

Вполне рациональные призывы. Но в какой мере они реализуются или будут реализованы и как они повлияют на реальное изменение глобального неравенства, покажет время; пока же неравенство на планете продолжает расти. В исследовании позапрошлого года (Мануков, 2015) особое внимание уделено среднему классу, составляющему, по мнению экономистов швейцарского банка, 14% взрослого населения планеты. Численность среднего класса определяется размерами богатства — от 50 до 500 тыс. долл. Богатством же авторы исследования считают стоимость активов, включающих недвижимость, ценные бумаги и другое ценное имущество, но без долгов. По численности среднего класса Китай впервые обошел Соединенные Штаты. Причем, обошел серьезно — 109 и 92 млн человек соответственно.

«Богатство среднего класса растет медленнее богатства самой верхней прослойки состоятельных людей, супербогачей, — объясняет Тиджан Тиам, директор Credit Suisse. — Ситуация в последние годы изменилась. До кризиса доля богатства среднего класса оставалась стабильной в течение продолжительного времени».

69. Соответствующее отношение заработной платы, согласно (Ремизов, Восканен, 2015), в США может достигать 200, в Японии — 15.

Суммарный размер мирового богатства в 2015 г. снизился на 12,4 трлн долл. – до 250 трлн долл., по состоянию на конец июня. Снижение произошло впервые после финансового кризиса 2008 г. и объясняется главным образом усилением доллара, мировой валюты, в которой проводили все расчеты экономисты Credit Suisse.

В упомянутом исследовании можно найти немало интересных статистических данных. Примерно, 3,4 млрд человек, составляющих свыше 70% взрослого населения планеты, располагает богатством менее 10 тыс. долл. Еще 1 млрд человек, или каждый пятый взрослый житель Земли, имеет доход от 10 до 100 тыс. долл. Богатство каждого из 383 млн взрослых, составляющих 8% населения, превышает 100 тыс. долл. Среди долларовых миллионеров больше всего американцев – почти 15,6 млн человек. Среди миллионеров – также сильное расслоение. Около 123 тыс. из американских миллионеров имеют более 50 млн долл., и почти 45 тыс. человек – свыше 100 млн долл.

В России же в построенной в ней реформаторами нестационарной псевдорыночной экономике (Лившиц В.Н и Лившиц С.В., 1999, 2008, 2010; Костюк, 2001; Лившиц, 2013), в которой на середину этого же 2015 г. насчитывалось 109 516 тыс. взрослых граждан, богатство взрослого россиянина, полученное делением суммарного богатства на численность взрослых граждан, составила 1388 долл. По этому показателю наша страна уступает не только десяткам стран, население которых намного меньше, но и, например, Пакистану, – стране, которую вряд ли кто-то считает богатой. Взрослое население Пакистана – на миллион больше, чем России, тем не менее, средний взрослый пакистанец имеет 2316 долл.

«За рассматриваемый год число долларовых миллионеров в РФ сократилось на 58%, а доля среднего класса упала до низкого уровня – 4,1%. По количеству граждан, которых можно отнести к среднему классу, РФ вернулась в 2000 г., а по темпам, с которыми средний класс сокращается, Россия занимает первое место в мире», – отмечают в Credit Suisse. Результаты исследования говорят и о том, что одновременно

с падением благосостояния в России растет имущественное неравенство: «Самые богатые 10% россиян владеют 87% всего благосостояния России (против 85% в 2014 г.). Эти цифры значительно выше, чем во всех других крупных экономических державах, например в США эта величина составляет 76%, в Китае – 66 %», – говорится в докладе.

Что же касается богатых людей, то взрослых россиян с богатством, превышающим 100 тыс. долл., экономисты Credit Suisse насчитали 931 тыс. человек. При этом «примерно, каждый десятый – всего 92 тыс. человек – является долларовым миллионером; 7295 россиян владеют богатством в диапазоне от 10 до 50 млн долл., 910 млн долл. – от 50 до 100 человек, 725 млн долл. – от 100 до 500 человек, и по 90 человек – от 500 млн до 1 млрд и свыше 1 млрд долл.».

Несправедливое перераспределение богатства продолжило увеличиваться после 2008 г. Прогнозы благотворительной организации Oxfam, сделанные в начале года, сбылись быстрее, чем предполагали их авторы. Экономисты этой организации предупреждали, что к следующему году 1% земель будет богаче оставшихся 99%. Уже летом (того же 2009 г.) 1% супербогачей принадлежало 50,4% мирового богатства. «Это последнее доказательство того, что крайнее неравенство в доходах вышло из-под контроля, – рассказал в интервью лондонскому изданию Guardian директор Oxfam Марк Голдринг. – Причем произошло это через считанные недели после того, как мировые лидеры договорились, что целью планеты будет искоренение неравенства». Так что работа президентам и премьер-министрам предстоит гигантская⁷⁰. Но пока кардинальных результатов ее не видно – последние

70. Действительно, гигантская и очень непростая, так как в разных странах далеко не идентично как восприятие неравенства в денежных доходах, так и справедливость его перераспределения между группами граждан. Как отмечается в (Монусова, 2016, с. 60): «Ключевой вопрос, как люди воспринимают это неравенство. Является ли в их глазах оно чрезмерным или достаточным, справедливым или нет?.. Политические дебаты по поводу «необходимого» и «избыточного», «справедливого» и «несправедливого» неравенства сфокусированы на политике перераспределения доходов, главная роль в котором отведена государству... Политическое значение данной проблемы наглядно иллюстрируют «цветные революции».

данные свидетельствуют о том, что, согласно исследованиям Credit Suisse, тренд увеличения концентрации богатства в мире сохраняется: «10% крупнейших богатей теперь в США контролируют 77,6% благосостояния домохозяйств страны, в Китае – 73,2%, в России же – 89%» («Деньги». (2016) № 47, декабрь, с. 7). При этом в нашей стране «живут 96 долларовых миллиардеров и 79 тыс. миллионеров. В то же время более 90% российского населения располагают благосостоянием в размере менее 10 тыс. долл. на каждого взрослого».

В России растет разрыв между бедными и богатыми. Как отмечается 15.12.2017 в (<http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10169582>), «с 1980 года объем национального дохода, приходящегося на 10% самых обеспеченных граждан, вырос более чем вдвое. В итоге Россия вошла в число государств с самым высоким экономическим неравенством».

Естественно, что такое неравенство является источником многих серьезных как социальных, так и экономических проблем, в чем можно убедиться даже на примере страны американской мечты – США. Благо при этом анализе можно воспользоваться достаточно представительной и надежной информацией, содержащейся в бестселлере «Цена неравенства» лауреата Нобелевской премии 2001 года Джозефа Стиглица (Стиглиц, 2015), опубликованном и на русском языке. Для доказательства экстремально негативного влияния изучаемых нами факторов на положение населения США рассмотрим два десятка относящихся к анализируемым нами проблемам бедности и неравенства населения имманентных фрагментов этой книги.

1. «Пять процентов самых богатых американцев, владеющих более чем двумя третями фондовых средств, следуют в нужном русле. Верхушка продолжает накапливать громадную часть национального дохода. Даже ориентированный на «свободный рынок» журнал Economist замечает, что «в Америке доля национального дохода, принадлежащая 0,01% (а это примерно 16 тысяч семей), увеличилась с 1% в 1980 году до почти 5% сейчас – это более лакомый кусок,

чем получила верхушка (0,01%) во времена Позолоченного века. Осенью 2012 года Уоррен Баффет, сам принадлежащий к среде супербогатых, однако в полной мере осознавший вред вопиющего неравенства в Америке, взял страницы газеты New York Times, дабы подчеркнуть отклонения путем различных измерений. Получилось: в 2009 году (по самым свежим данным от Службы внутренних доходов США) час работы каждого из четырехсот самых богатых американцев стоил 97 тысяч долларов – то есть, начиная с 1992 года, он стал более чем вдвое дороже. Недавно обнародованные данные показывают, что за период рецессии, с 2007 по 2010 год, средний доход представителя среднего класса снизился почти на 40% и достиг уровня начала 1990-х годов. Все богатство Америки сконцентрировано в руках верхушки. Если бы низший класс Америки участвовал в равном распределении богатств, его благосостояние на следующие двадцать лет увеличились бы на 75%» (с. 13).

2. «Снижение доходов и уровня жизни, как правило, сопровождается множеством социальных проявлений. Это неправильное или недостаточное питание, злоупотребление наркотиками, ухудшение отношений в семье, которые негативно влияют на здоровье и вероятную продолжительность жизни. Действительно, уменьшение показателя продолжительности жизни зачастую более красноречиво, чем уровень дохода сам по себе. Например, через несколько лет после падения железного занавеса доходы россиян росли, однако более важным индикатором нестабильного положения были данные о значительном уменьшении вероятной продолжительности жизни. Неудивительно, что эксперты в области здравоохранения проводят параллели между недавними ухудшениями в Соединенных Штатах и тем, что происходило в России» (с. 14–15).

3. «Когда демократы говорили о защите интересов среднего класса, они имели в виду, что американская экономика непрозрачна для большинства американцев, увеличение ВВП выгодно только верхушке. Всякая повестка дня, касающаяся

экономики, фокусируется на сути и природе среднего класса и ориентируется на достижение общего процветания, что, в сущности, означает: остановить тенденцию растущего неравенства и обратить ее вспять» (с. 19).

4. «Многие люди на социальном «дне», ставшие столь зависимыми от государственных выплат, находятся там отчасти из-за того, что политика государства в этой сфере так или иначе провалилась. Не удалось снабдить людей умениями и навыками для работы и самостоятельного заработка, не удалось установить барьер для банков, чтобы перекрыть им возможность грабительских ссуд и оскорбительных операций с кредитными картами, не удалось перекрыть каналы развития некоммерческих школ, установивших серьезные цензы на пути получения образования. Не удалось удержать экономику вообще, особенно когда дело касается полной занятости» (с. 21).

5. «Если наша экономическая система приводит к такому высокому уровню безработицы или позволяет платить работникам мизерную зарплату, при которой зависимость населения от государства растет, значит, система работает не так, как должна, и долг правительства — вмешаться в ситуацию» (с. 22).

6. «Разумеется, никого не должно удивлять то, что некоторые богатейшие люди Америки продвигают свои экономические фантазии касательно будущего обогащения всех за счет их собственного обогащения. Удивлять, скорее, должно то, что им удалось так хорошо продать свои фантазии такому большому числу американцев» (с. 23).

7. «...Точно можно сказать, что некий поворотный момент обозначили выборы Президентом Соединенных Штатов Рональда Рейгана. Среди опрометчивых решений было начало дерегулирования финансового сектора и уменьшение прогрессивной составляющей в налоговой системе. дерегулирование привело к чрезмерной, скажем так, финансовой специализации экономики: до 2008 года 40% прибыли корпораций шло в финансовый сектор. Курс на дерегулирование,

который взял Рейган, к несчастью, был продолжен его последователями, осуществлялась политика уменьшения налогов по максимальной ставке. Сначала максимальная ставка была понижена с 70 до 28 процентов (еще Рейганом), а затем (после того как Билл Клинтон поднял максимальную ставку до 39,6% в 1993 году) она опять понизилась до 35% во время президентства Джорджа Буша мл. Уменьшились и налоги на прибыль, получаемую непропорционально богатыми (капитал растет, более половины из всего зарабатываемого приходится на 0,1%), с 20% в 1997 году (Клинтон) до 15% во время президентства Буша. Проценты по муниципальным облигациям, которые так популярны у богатых, даже не облагались налогом. В результате 400 самых хорошо зарабатывающих граждан США платили в качестве налога в среднем 19,9% в 2009 году. Более того, 1% самых богатых американцев платят эффективную ставку налога на прибыль в количестве чуть более 20 процентов, то есть меньше, чем платят американцы со средним уровнем дохода» (с. 30–31).

8. «Что касается специфически Америки, так это удивительный рост доходов у верхушки (1% и 0,1% – самые богатые) и необычайный уровень бедности у низших слоев. Эта тенденция в большей степени характерна для Соединенных Штатов, чем для Европы, и проистекает из различительной американской политики, начиная с менее прогрессивной налоговой системы, более слабых систем страхования и систем социальной защиты, образовательной системы (где образовательные, социальные и экономические достижения ребенка в большей, по сравнению с другими странами, степени связываются с достижениями их родителей) и заканчивая незначительной ролью профсоюзов и значительной ролью банков» (с. 31).

9. «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость... Финансовый кризис дал понять, что наша экономическая система не только неэффективна, но и несправедлива в своей основе» (с. 38–39).

10. «На протяжении многих лет имело место соглашение между верхушкой и остальным обществом, которое строилось по следующей схеме: мы (верхушка) даем вам благополучие и рабочие места, но мы и снимаем сливки и получаем дополнительный доход от вашего труда. Мы поделимся с вами, если заработаем еще больше. Однако сейчас это молчаливое — и без того хрупкое — соглашение между богатыми и всеми остальными — разваливается. 1 процент верхушки сосредоточивает в своих руках богатство, не обеспечивая остальным 99 процентам ничего, кроме тревог и нестабильности. Большинство американцев просто не имеет никаких преимуществ от совокупного развития страны» (с. 42).

11. «Что удивительно, никто — или почти никто — не чувствует себя виноватым. Что-то произошло с восприятием наших ценностей, если финансовые цели оправдывают средства, что в условиях кризиса в США означает эксплуатацию их беднейших и наименее образованных граждан. То, что произошло, уместно было бы охарактеризовать термином моральная депривация». С нравственными ориентирами работников финансового сектора происходит неладное. Когда общественные нормы меняются в сторону упущения нравственных ориентиров, общество получает серьезный диагноз. Капитализм, по всей видимости, изменил людей, попавшихся ему на крючок» (с. 43).

12. «Мы имеем систему, которая работает движением денег снизу вверх, но система настолько неэффективна, что прибыль верхушки намного меньше, чем потери, приходящиеся на низший и средний класс» (с. 47).

13. «Одной из самых темных сторон рыночной экономики, на которую удалось пролить свет, стало огромное и все набирающее обороты неравенство. Оно оставило ткань американской социальной системы (да и экономической устойчивости вообще) в изношенном состоянии: богатые богатеют, в то время как остальные граждане сталкиваются с непреодолимыми трудностями, которые едва ли гармонируют с образом американской мечты. Кризис лишь ухудшил

положение дел до такой степени, когда больше нельзя закрывать глаза на проблемы. Средний класс оказался под серьезнейшим давлением. Плачевное положение низов стало более чем осязаемым, равно как и слабость американской системы безопасности стала столь очевидной, когда государственные программы поддержки (и без того недостаточные) были урезаны до предела. Но несмотря на все это, американской верхушке в 1 процент удается удержать огромный кусок национального дохода, то есть пятую его часть, — хотя некоторые вложения не приносят дохода и терпят крах. Неравенство непреодолимо растет, когда кто-то старается урвать себе кусок в деле распределения доходов; даже в этой верхушке в 1 процент большая часть доходов пришлась на «верхние» 0,1%. К 2007 году, примерно за год до кризиса, 0,1% верхушки американских хозяйств имели доход, в 220 раз превышающий *средний* доход хозяйств, составляющих 90%. Богатство распределялось даже более неравномерно, чем доход: 1 процент самых богатых людей сосредоточил в своих руках более трети национального благосостояния» (с. 60).

14. «История Америки вкратце такова: богатые богатеют, самые богатые богатеют еще больше, бедные — беднеют, насколько это возможно, а средний класс выхолащивается, так как его доходы либо уменьшаются, либо остаются неизменными, так что пропасть между ним и богатейшей верхушкой становится еще глубже. К примеру, за последние три десятилетия доход людей с низким уровнем заработной платы (а это 90% людей, относящихся к низшему классу) вырос всего на 15%, в то время как этот же показатель у богатейшей десятой доли процента (0,1%) составляет 300%» (с. 66).

15. «Согласно исследованиям измерения бедности в развитых странах, проведенным Всемирным банком, к 2011 году на социальном дне Америки количество семей, находящихся в условиях *крайней нищеты*, то есть живущих на два доллара на человека хотя бы один месяц в году, с 1996 увеличилось вдвое и составило 1,5 миллиона» (с. 74).

16. «Если борьба с бедностью среди низших слоев вызывает сочувствие и даже симпатию, то, что происходит в среде самых богатых, не может не вызвать гнев» (с. 80).

17. «Прогрессивная ставка налогообложения и политика социальных выплат (богатые платят больше налогов, чем бедные, и за счет этого осуществляются меры по социальной защите населения) могут позитивно повлиять на снижение неравенства. Напротив, программы, нацеленные на распределение государственных ресурсов в пользу верхушки, увеличивают его показатели. Наша политическая система работает преимущественно на увеличение неравенства в доходах и сокращение равенства возможностей. Это не должно нас удивлять: политические деятели Соединенных Штатов передают небывалую власть в руки верхушки... В условиях последствий кризиса, вероятно, мало кто согласился бы с тем, что личная заинтересованность банкиров в получении прибыли привела к богатству всех членов общества. По большей части, она привела к улучшению финансового положения самих банкиров, которое обеспечивалось за счет остальных. Это было не то, что экономисты называют игрой с нулевой суммой, — когда один получает в точности столько, сколько теряет другой. Это была игра с отрицательной суммой, где выигрыш победивших меньше, чем потери проигравших. То, что остальное общество потеряло, было намного, намного больше, чем выигрыш банкиров. Причина того, почему финансисты гонятся за прибылями и преследуют собственные интересы, оборачивающиеся катастрофой для всех остальных, довольно проста: банковские стимулы никак не связаны с социальными прибылями» (с. 91–92).

18. «И пока регрессивное налогообложение и рентоориентирование (которое оттягивает деньги у всего общества в пользу перераспределения среди верхушки) лежат в основе увеличения уровня неравенства, особенно в среде представителей высшего класса, более мощные силы оказывают сильнейшее влияние на два других аспекта американского

неравенства — выхолащивание среднего класса и увеличение числа бедных» (с. 98).

19. «Ирония положения состоит в том, что именно во время кризиса, причиной которого становится финансовый сектор, главный удар приходится на простых работников и представителей малого бизнеса. Кризис сопровождается высоким уровнем безработицы, что, в свою очередь, порождает низкий уровень оплаты труда...».

20. «В продвижении продуктов многие фирмы не чувствуют колебаний при предоставлении искаженной информации — или даже лжи. Образование, конечно, также формирует убеждения и представления, и, возможно, это нигде не сказывается столь явно, как в случае с экономистами. На данный момент существует значительное свидетельство того, что представления экономистов, скажем, о справедливости разительно отличаются от представлений остального общества» (с. 229–230).

Приведенные фрагменты книги достаточно рельефно показывают, что и в этой стране американской мечты уровень и динамика благополучия населения оставляет желать много лучшего, далеко не все граждане благоденствуют и довольны условиями жизни, причем объективными важнейшими причинами такого не очень оптимистичного настроения являются именно неравенство получаемых благ и, как следствие, чрезмерная бедность значительных групп населения. Перейдем теперь, как и было намечено выше, к положению с рассматриваемыми социально-экономическими проблемами в нашей стране. Нетрудно видеть (см. далее), что даже на общемировом невеселом фоне страны американской мечты ситуация с неравенством в России выглядит еще более аномально, причем эта социальная болезнь имеет два экстраординарных слагаемых — аномальная бедность и аномальное богатство.

Начнем с последнего. Ушел в прошлое 2016 г. — год Огненной обезьяны, заканчивается и нынешний петушиный 2017 год, и вполне понятно, что, проводя почти четверть века

в России на основе положений Вашингтонского консенсуса радикальные неолиберальные реформы, наши властные структуры, привыкшие обезьянничать, списывать с Запада или следовать рекомендациям их советников, хотели бы опять воспользоваться этим апробированным рецептом при решении вновь возникающих или обострившихся проблем. Сегодня, по нашему мнению, к последним прежде всего можно и нужно отнести такие проблемы, как чрезмерная бедность и несправедливое распределение доходов среди россиян, впрочем проблема эта важна и в глобальном масштабе. Как не случайно отмечается в (Джомо, Попов, 2016, с. 146): «В последние три десятилетия наблюдается рост неравенства и распределения доходов как в западных странах (с начала 1980-х годов), так и в бывших социалистических странах, вставших на путь рыночных реформ» (с середины 1980-х годов — в Китае и Вьетнаме, с начала 1990-х годов — в Восточной Европе, бывших советских республиках и Монголии). К аналогичным выводам приходят и авторы весьма содержательной, в том числе и в формально - алгоритмическом плане, статьи (Акаев, Ичкитидзе и др., 2016), в которой предложена и апробирована в вычислительном плане модель влияния неравенства на экономический рост и его связь с коэффициентом Джини. Анализ этой модели приводит авторов к выводу: **«В 90-е годы все постсоветское пространство стало рассматриваться Западом как рынок сбыта, источник ресурсов и территория экспансии наличных долларов. Приватизация была проведена в скорейшем режиме и строго в интересах новой элиты, простые люди обеднели. Этот процесс обмана надолго укоренился в сознании населения новых государств как яркая характеристика капитализма и того, что им несет «дикая» рыночная экономика. Об этом свидетельствует более чем двухкратный рост индекса Джини в период 1990–1999 гг. в большинстве стран постсоветского пространства, на обострение которых у нас недавно снова обратили внимание и интеллигентный поэт — ныне потерявший доверие нашей**

властной элиты и свою свободу эксминистр экономического развития РФ А. Улюкаев, и не менее интеллектуальный действующий вице-премьер РФ по социальным вопросам Ольга Голодец⁷¹. Обратили внимание не случайно, так как, согласно уже упоминавшемуся докладу Global Wealth Report за 2015 г., на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех активов физических лиц в России. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в США – 37%, в Китае и Европе – 32%, в Японии – 17%. По данным консалтинговой компании Knight Frank, число мультимиллионеров, имеющих активы в сумме от 30 млн долларов, сентимиллионеров (от 100 млн долларов) и миллиардеров в России в каждой категории выросло с 2004 по 2014 г. в 3,5 раза, а по прогнозу, до 2024 года их число увеличится еще в полтора раза. Даже в кризисном 2014 году в России наблюдался рост продаж предметов роскоши и машин премиум-класса. Именно россияне наряду с саудовскими аристократами являются владельцами самых больших и дорогих в мире яхт, российские топ-менеджеры – одни из главных потребителей в сегменте частных самолетов.

Что касается общих оценок бедности в России, то они в разных источниках отличаются друг от друга. Есть официальные данные Росстата, согласно которым в 2016 г. доход ниже прожиточного минимума имели в России 22,7 млн человек (15,7% от общего числа жителей страны). При этом

71. Выступая в марте 2016г. на Неделе российского бизнеса в Москве, вице-премьер Ольга Голодец констатировала, что число россиян, испытывающих нужду, в последнее время значительно возросло: «У нас обозначается резкое падение доходов. Резкое – и по реальному уровню заработной платы, и вообще доходов. Это все отражается на снижении покупательской способности населения, и розничном обороте, который сокращается, причем сокращается такими серьезными темпами», – подчеркнула она. В связи с этим вице-премьер заявила, что в ближайшее время с работодателями и представителями трудящихся будут проведены переговоры, которые, в частности, затронут механизмы регулирования оплаты труда. Кроме того, Голодец обратила внимание на то, что в течение 2015 года население страны потеряло свыше 200 миллиардов рублей в пенсионной накопительной системе. «И у нас сегодня не определен источник, кто и когда возместит эти деньги». В правительстве признали резкое обнищание россиян – согласно информации Министерства труда и социальной защиты, в 2015 году число россиян, доходы которых находятся ниже прожиточного минимума, превысило 19 миллионов человек. (Newsland в номере от 24/03/ 2016.)

сам установленный нищенский размер прожиточного минимума многие эксперты обоснованно, нам кажется, считают существенно заниженным. Так, согласно принятому (Шевяков, Кирута, 2009) в это время определению относительной бедности в ОЭСР и Евростате, к числу бедных относятся те, кто имеет доход ниже 60% медианного дохода в стране. В 2015 г. медианный доход в России составлял 22,7 тыс. руб. Если применить норматив ОЭСР и ЕС, то по этим критериям бедных в России оказывается около 25% населения. Есть социологические исследования, проводящие границу бедности не по той или иной расчетной величине доходов, а по комплексу показателей, включая покупательскую способность. Так, в конце июля 2016 года Высшая школа экономики обнародовала данные очередного исследования уровня жизни населения России, в котором доля граждан, у которых денег не хватает на покупку одежды или даже продуктов питания, оценивалась в 41,4%. Отметим, что как оценки Росстата, так и другие расчеты показывают рост числа бедных в последние годы. При этом самыми бедными являются, вопреки распространенному мнению, не пенсионеры. По словам первого замминистра финансов России Татьяны Нестеренко, «самыми бедными в России, около 37% из числа всего бедного населения, являются молодые семьи». И в то же время (Новости@Mail.Ru) «Россия опередила всех по росту числа долларовых миллионеров. Согласно ежегодному докладу консалтинговой компании Capgemini World Wealth Report 2017, число миллионеров (чье состояние превышает 1 млн долларов США) в мире за последний год выросло на 7,5% до 16,5 млн человек, совокупно они владеют \$63,5 трлн. Из всех стран сильнее всего число долларовых миллионеров выросло в России – на 19,7%, при том, что годом раньше их количество здесь снизилось на 1,8%. Притом общее количество миллионеров в России остается сравнительно небольшим – 182 тыс. человек. Для сравнения: в США – 4,8 млн миллионеров, в Японии – 2,9 млн, в Германии – 1,3 млн, в Китае – 1,2 млн. Из всех регионов мира

наибольший рост числа миллионеров показала Африка (на 8,1% до 200 тыс. человек), на втором месте – Северная Америка (на 7,8% до 5,2 млн), на третьем месте Европа (7,7% до 4,5 млн). Больше всего миллионеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) – 5,5 млн человек, рост за год здесь составил 7,4%. В Латинской Америке и на Ближнем Востоке живет по 600 тыс. миллионеров. Рост количества миллионеров в Северной Америке и Европе ускорился: годом ранее рост составлял 2% и 5% соответственно, в АТР рост, напротив, замедлился с 9%. Что касается размера общего состояния миллионеров, то и здесь лидирует АТР – \$18,8 трлн, далее следуют Северная Америка – (\$18 трлн) и Европа (\$14,7 трлн). По прогнозам Саргемини, к 2025 году состояние всех миллионеров в мире превысит \$100 трлн (для сравнения, в 1996 году оно составляло лишь \$16,6 трлн). Число «сверхбогачей с состоянием более \$30 млн за год выросло на 8,3%, этим 157,2 тыс. человек (1% от всего количества миллионеров) принадлежит 34,5% от всего общего состояния миллионеров. Большинство миллионеров – 90% от их общего числа – обладатели состояний от \$1 млн до \$5 млн» (Рождественская Яна (<https://newsmail.ru/economics/31155128/?from=newsapp>)).

О росте бедности в современной постсоветской России наглядно свидетельствует и динамика других достаточно общепринятых количественных индикаторов. Так, с 1990 г. по 2015 коэффициент Джини (показатель распределения доходов по группам населения) вырос с 0,24 до 0,41 (Овчарова и др., 2016, с. 170–185), а коэффициент фондов (отношение доходов самых богатых 10% населения к доходам самых бедных 10%) в России с 1992 г. по 2015 г. возрос с 8 до 15,6 (с учетом теневых капиталов он может быть существенно выше – так, в профессиональных фундаментальных монографиях ИСЭНП РАН (Шевяков, Кирута, 2002, 2009; Шевяков, 2011) наряду с официальной величиной Росстата 16,0 можно встретить оценки коэффициента фондов в несколько раз выше, а применительно к Москве его значе-

ние оказывается около 70, и даже 100). Но даже 15–16 – это уровень США начала 20 века. По данным исследования факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (СОЦИС, №8, 2014), в царской России коэффициент фондов равнялся 6. В СССР (как и в современной Скандинавии) он равнялся 3–4. То есть, даже по самым скромным оценкам, сегодня в России разрыв между богатыми и бедными больше, чем в дореволюционной Российской империи. В большинстве развитых стран Запада, как правило, коэффициент фондов значительно меньше российского уровня – так, согласно (Докучаев, 2017), в Великобритании он равен 10,5; во Франции – 7,4; в Германии – 6,4; в Норвегии – 6,1; в Швеции – 5,8; в Японии – 4,9.

Неравенство денежных доходов населения в России явно требуется сокращать. Член-корр. РАН Р.С. Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН, коэффициент фондов порядка 15,0 называет скандальным показателем и полагает, что это «никуда не годится. У нас асоциальный капитализм, да еще с феодальной окраской, настоящее господство несправедливости». По существу с ним согласен и директор Института стратегического анализа ФБК Игорь Николаев, полагающий, что очень высокий коэффициент фондов – это серьезный фактор риска для всей российской экономики, что «высокое расслоение по доходам демотивирует людей, отражается на производительности труда, на предпринимательской активности в целом, повышает риски разного рода рисков социальных конфликтов...». Аналогичные мнения звучали от экспертов и в сентябре этого 2017 года на двух сессиях по социальным вопросам Московского финансового форума, в ходе которого они обсудили рост избыточного неравенства в российском обществе и отметили, что «за последние 20 лет оно росло быстрее, чем в Китае, и по своим показателям сопоставимо с американским. Возможные механизмы решения этой проблемы – введение принципов адресности и нуждаемости в бюджетных расхо-

дах, программ софинансирования для населения и прогрессивной налоговой шкалы»⁷².

Следует заметить, что предложение о реализации указанных принципов сокращения бедности и неравенства денежных доходов, особенно о целесообразности перехода в нашей налоговой системе от плоской шкалы к нелинейной прогрессивной шкале налогообложения физических лиц, неоднократно выдвигалось многими нашими выдающимися экономистами, в том числе и академиками РАН Д.С. Львовым, Н.Я. Петраковым, Е.М. Примаковым и др. Широко обсуждалось оно последние годы и в научной и массовой печати (Абрамов, 2017; Озерова, 2017; и др.). Очередной раз под надуманным предлогом организационных сложностей реализации этого предложения оно было отклонено в октябре 2017-го в Госдуме голосами фракции «ЕР», хотя нацеленное на положительное решение обсуждение было по инициативе трех фракций – КПРФ, ЛДПР и «СР».

Вызов избыточного неравенства, естественно, связан со структурой экономики и динамикой ее ключевых показателей⁷³. Но он не является простым следствием наших экономических проблем. В частности, бросается в глаза контраст между экономическими показателями России и показателями, характеризующими качество жизни и социальный климат. По объемам ВВП Россия (по паритету покупательной способности) на данный момент находится на 6 месте

72. Удачное разделение общего неравенства денежных доходов населения на *нормальное неравенство без бедности и избыточное неравенство, обусловленное бедностью*, было предложено и конструктивно проанализировано в работах (Шевяков, Кирута, 2002, 2009, с. 19–26). При этом в последней из упомянутых работ, в частности, на с. 22, отмечается, что «в книге А. Шевякова и А. Кируты 2002 года **нормальное неравенство доходов** было определено как неравенство, соответствующее ситуации, когда все доходы ниже границы бедности повышены до этой границы, а все доходы, которые были не ниже границы бедности, остаются неизменными. **А избыточное неравенство** было определено как разность между исходным общим неравенством и нормальным неравенством».

73. О негативной взаимосвязи между неравенством и экономическим ростом (его величиной и качеством) свидетельствуют и недавно выполненные на основе нового подхода модельные расчеты, приведенные в статье (Воинов, 2017), где также отмечается согласованность полученных им результатов с имеющимися выводами ряда других компетентных организаций (OECD, 2014; МВФ, 2015) и выдающихся экономистов (J. Stiglitz, 2015 и др.).

с 3725 млрд долл. (для сравнения – Германия на 5 месте с показателем 3860 млрд долл.), по объемам промышленного производства – на 5 месте. Позиции по ВВП на душу населения заметно хуже (60 место, по данным Всемирного банка), но и здесь Россия оказывается в группе стран со средними показателями. Между тем, в рейтингах, отражающих некоторые значимые социальные показатели, мы оказываемся в аутсайдерах.

Так, по данным исследования Global Burden of Disease Study (GBD) 2015, оценивающего здоровье жителей планеты, Россия оказалась на 119 месте. В рейтинге комфортности жизни пожилых людей The Global Age Watch Index Россия находится на 79 месте из 91, с крайне низкими показателями по размеру пенсий, состоянию здоровья и качеству социальной среды (доступность транспорта, физической безопасности, социальных связей). По Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2015 год – на 119 месте из 168.

При всей условности такого рода рейтингов мы исходим из того, что они отражают общую тенденцию: некоторые важные параметры социального развития в нашей стране существенно ниже базовых параметров ее экономического развития. Можно предположить, что этот диспаритет обусловлен, в первую очередь, именно крайней неравномерностью распределения богатства в обществе. Соответственно, политика, направленная на преодоление этого избыточного неравенства, может иметь наибольший кумулятивный эффект с точки зрения социального развития даже в условиях стагнирующей экономики.

Нельзя сказать, что проблема неравенства денежных доходов и бедности россиян совсем не интересовала наши российские властные структуры, так как очевидно, что она оказывает немалое, хотя и нетривиальное, влияние на многие важнейшие макропоказатели экономического развития страны и ее статус, в том числе опосредованно и на экономический рост, который власть очень интересуется. Так,

1 декабря минувшего 2016 года в своем ежегодном послании Президент РФ поставил в числе важнейших задачу выхода на темпы роста экономики РФ выше среднемировых на перспективу после 2019 года. Но очевидно, что и до этого времени общество нуждается в осмысленной перспективе социальных трансформаций, ориентированных на имеющиеся объективные, часто, хотя и не всегда, негативные вызовы, которые одновременно могут рассматриваться как угроза и как потенциал для развития.

Одним из таких важнейших вызовов является исключительно высокий уровень неравенства в российском обществе и бедность его населения. Об этом последнее время нередко приходится слышать и от руководителей экономических служб РФ, и не только от них. В частности, в июле 2016 года в интервью RNS (<https://rns.online>) глава Счетной палаты Татьяна Голикова признала, что число бедных россиян растет. «Да, — сказала она, — к сожалению, у нас растет количество граждан, которые находятся за чертой бедности. Пока мы наблюдаем отрицательную динамику, в том числе и за первое полугодие 2016 года: реальные располагаемые денежные доходы населения снизились на 5 %». Через год, в июне 2017-го она уточнила: «Число людей, живущих за чертой бедности, в России составило уже 22 млн человек». Сохранились эти негативные проблемы роста неравенства и бедности и в текущем 2017 году, несмотря на некоторый, правда, явно недостаточный, рост ВВП. Действительно, согласно (<http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=10131211>), «почти 38% россиян не в состоянии приобрести базовые продукты и товары. Каждая четвертая семья в последние три месяца не смогла оплатить жилищно-коммунальные услуги. К тому же опрос, проведенный Высшей школой экономики, наглядно демонстрирует, что уровень бедности в России осенью 2017 года продолжил свой рост. Согласно опубликованному отчету, свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое» оценили почти четверть (23 процента) российских семей. Это на три процентных пункта больше, чем в мае

2017 года. Доля семей, которые оценивают свое материальное состояние как «хорошее», в свою очередь, снизилась на два процентных пункта, составив 15 процентов. При этом 29 процентов респондентов заявили, что могут позволить себе приобретать лишь продукты питания, а еще 8 процентов отмечают, что денег не хватает не только на одежду, но «даже на еду». Каждая четвертая семья сообщила, что из-за финансовых трудностей в последние три месяца не смогли оплатить жилищно-коммунальные услуги. 17% не смогли купить лекарства. Наиболее печально обстоят дела в сельской местности, где о нехватке средств на базовые продукты и товары заявили почти половина опрошенных — 44 процента. Их доля выросла на 4 процентных пункта... Согласно официальным расчетам, проведенным Росстатом, реальные располагаемые доходы населения падают последние три года практически без остановки. По данным на октябрь 2017 года, россияне обеднели еще на 1,2 процента (в сравнении с аналогичным периодом 2016 года). Всего же, начиная с 2014 года, население России обеднело на 12,8%».

По данным международного исследования, рост неравенства был особенно резким в России с середины 1990-х годов. Так, например, доля национального дохода, приходящаяся на 10% самых обеспеченных граждан, в России еще в 1980 году была немногим более 20%, а с 1995 по 2010 год она превзошла даже Соединенные Штаты и Индию, на пике роста в 2008 году этот показатель превысил 52%, затем начал снижаться. Особенно тяжело состояние многодетных семей (5 и более человек) — в мае 2017 года 34 их процента заявили при опросах, что не могут себе покупать необходимые продукты и одежду, а в сентябре этого года таковых оказалось уже 43 процента. Неработающие пенсионеры (25%) при опросах жаловались на финансовые проблемы в связи с покупкой лекарств».

Конечно, приведенные выше скалярные оценки неравенства и бедности в России дают лишь общее представление о проблеме и далеко не полностью характеризуют ее

конкретное состояние. Прежде всего потому, что они не отражают многие ее важные аспекты, например отраслевое, профессиональное и региональное⁷⁴ неравенство, в том числе в сфере зарплаты. За кадром остается и неравенство в комплексе доступных услуг (медицинских, экологических, образовательных, финансовых, транспортных и т.д.). А по каждому направлению здесь в России различия, как правило очень существенные. Рассмотрим в нижеследующей табл. 2.1 это на примере дифференциации зарплатного неравенства по статусному принципу, т.е. в зависимости от места, которое наемный зарплатополучатель занимает в служебной иерархии.

Принципиально, естественно, не изменилось положение и в конце минувшего 2017 года – начале наступившего 2018 года. Так, согласно информации недавней статьи (Бадмаева, МК 28.02.2018): «Пока в правительстве рапортуют о росте экономики, реальные доходы населения продолжают падать – уже четвертый год кряду. В 2017-м они сократились на 1,7%, в 2016-м – на 5,9%, в 2015-м на 3,2% и в 2014-м – на 0,7%. При этом реальные начисленные (т.е. скорректированные на размер инфляции) заработные платы и реальный размер начисленных пенсий выросли на 3,4% и 3,9%. Эксперты РАНХиГС такой парадокс объясняют выводом из тени «серых» зарплат и падением доходов от предпринимательской деятельности – средневзвешенная ставка по депозитам сроком до одного года в декабре 2017 года составила 5,27% годовых, в то время как в декабре 2016 года – 6,5%, а по вкладам со сроком свыше одного года – 6,39% годовых в декабре 2017 года против 7,57% в декабре 2016-го. Впрочем, несмотря на непростую экономическую ситуацию, россияне настроены более оптимистически, чем ранее. По данным исследователей, доля граждан, которые оценива-

74. В (И. Герасимова, Е. Герасимова, 2014, с. 39) справедливо отмечается, что «соблюдение принципов социальной справедливости требует внимания не только к усредненным по стране показателям, но и к социально-экономической ситуации в каждом из ее субъектов и образующих их муниципалитетах».

ют свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое», достигло минимума за последние двадцать лет в IV квартале 2017 года – 24,9%. ...Да, это почти четверть населения, но раньше таковых было еще больше – в 2016 и 2015-м году этот показатель составлял 28,6% и 30,2% соответственно, а в 2014-м – 26%. Среднемесячная начисленная заработная плата в 2017 году составила 39,1 тыс. рублей. А в январе 2018 года она достигла 38,4 тысячи рублей, что на 6,2% больше, чем годом ранее. Но при всем этом росте, как отмечают эксперты РАНХ и ГС в своем мониторинге, зарплаты так и не смогли достичь уровня показателей 2013 года. В 2017 году реальная заработная плата составила 96%, реальный размер назначенных пенсий 97,1% от уровня 2013 года».

Таблица 2.1. Структура и средние зарплаты федеральных чиновников

Место службы	Численность (человек)		Средняя зарплата (тыс. руб./мес.)		
	2013	2015 (укомплектованность, %)	1-е полугодие 2013 (рост к аналогичному периоду 2012,%)	январь–сентябрь 2014 (рост к январю– сентябрю 2013, %)	2015/2016*
Аппарат правительства	1388	1390 (92,0)	167,4 (50,8)	200,4 (8,5)	249,2/190,11*
Администрация президента	1703	1730 (73,9)	171,3 (66,5)	216,4 (13,8)	232,4/199,86*
Верховный суд	684	865 (62,1)	107 (56)	119,2 (26)	130,1/ н.д.
Конституционный суд	250	252 (74,3)	108,1 (40,2)	136 (23)	126,6/ н.д.
Совет Федерации	989	961 (93,8)	87,4 (19,9)	120 (24,4)	122,3/179,84*
Госдума		1835 (90,9)	51,8	95,6 (13,4)	104,8/141,08*
Средняя зарплата по стране			Номинальная 29,9 (13,3%) Реальная – плюс 5,3%	Номинальная 31,6 (9,8%) Реальная – минус 1%	Реальная (по прогнозам) минус 3,9%

*Средняя зарплата за 9 месяцев 2016 года согласно («Деньги», № 48 (1106, с. 6, дек. 2016)).

Конечно, стоит учесть, что в разных ведомствах и на разных должностях зарплаты весьма отличаются. Среди министерств, например, самые высокие средние зарплаты в Федеральном агентстве специального строительства – 122,1 тыс. руб. (+39,1%), в Управлении делами Президента РФ (федеральное агентство) – 117,3 тыс. руб. (по отношению к предыдущему году +33,4%) и в МЧС – 114,6 тыс. руб. (+ 8,3%). Самые низкие зарплаты в Федеральном архивном агентстве – 53,2 тыс. руб. (+22,8%), в Министерстве по делам

Крыма — 40,6 тыс. руб. и Министерстве по делам Северного Кавказа — 38,3 тыс. руб. (оба эти ведомства начали функционировать в третьем квартале 2014 года) (Беляев, 2015; Воейков, Анисимова, 2016).

Отметим, что, по данным Росстата, среднемесячная зарплата гражданских служащих федеральных госорганов РФ за девять месяцев 2014 года составила 96,5 тыс. руб. и за год выросла на 18,3%.

При этом фиксированная часть зарплаты составляет порой лишь $\frac{1}{8}$ оклада госслужащего. Все остальное — это всевозможные поощрения и вознаграждения: за выслугу лет, за особые условия госслужбы, за допуск к гостайне, премии за особо важные задания, просто ежемесячное денежное поощрение в размере от 2,5 до 14 зарплат. В итоге ежемесячные доходы депутата Госдумы составляют порядка 420 тыс. руб. Предлагаемое 10%-ное сокращение, скорее всего, затронет только базовую часть зарплаты (для Госдумы это 81,5 тыс. руб.), так что ежемесячные доходы депутатов сократятся до 359,5 тыс. руб.

Приведенные данные по оплате наемных работников в России свидетельствуют о весьма существенных ее расходах — во многие разы, особенно по отношению к средней зарплате по стране. Да и вообще, «по данным от 15.12.2017 г. Международной организации труда, по уровню зарплат Россия занимает 51 место среди 71 стран, находясь между Китаем и Бразилией. По оценке этой организации, средняя зарплата в России в 2016 году составляла \$ 570... Экономическое неравенство во многом обусловлено неравным владением капиталом, как частным, так и государственным».

Существенно влияет на уровень зарплат, неравенство доходов и бедность россиян наряду с другими и региональный фактор. Как указывается в журнале ЭКО (Аганбегян, сентябрь 2017, с. 68–69), «в большом числе регионов процент бедности в два и более раз ниже среднероссийского показателя — 10,7% (в Белгородской области — 5,2%, Калужской — 5,9%, Московской — 6,0%... На другом полюсе — значитель-

ное число регионов, где доля работников с зарплатой ниже прожиточного минимума вдвое выше средней по России: в Ивановской области – 23,5%, в Алтайском крае – 23%, в Дагестане – 29,3%, в Калмыкии и Ингушетии – 32–34%, и др.). Наибольшее число бедных россиян было на рубеже XXI в. В результате десятилетнего подъема (1999–2008 гг.) их стало почти в 2,5 раза меньше. Характерно, что в глубокий кризис 2009 года число людей с душевыми доходами ниже прожиточного минимума не увеличилось, а в период трехлетнего восстановительного периода (2010–2012) – немного сократилось. Однако в годы стагнации, и особенно рецессии (2013–2016), количество бедных выросло на 5 млн, достигнув почти 15% всего населения – 21–22 млн человек». Региональный фактор оказывает большое влияние не только на дифференциацию реальных значений зарплаты в России, но и на значения связанных с ней важных показателей, связанных с ее неравенством. Интересные данные об этом содержатся в статье (Малкина, 2015, с. 101–105), где приведены результаты расчета по России в целом, семи ее федеральным округам и всем 83 регионам (краям и областям) характеристик взаимосвязи коэффициента Джини и среднедушевых реальных доходов и реальной заработной платы на одного занятого в регионе. Приведены значения их коэффициентов корреляции и эластичности на основе простого и взвешенного коэффициента Пирсона и краткий анализ полученных значений.

Еще более разительны результаты сопоставления доходов топ-менеджмента и средних доходов работников тех же госпредприятий. Как наглядно видно в таблице 2.2., здесь различия в уровнях уже исчисляются нередко не в разы, а на порядки.

Таблица 2.2. Зарплаты компаний в 2014 году, млн руб. (Беляев, 2015)

Компания	Средний доход члена правления (или топ-менеджера)	Средний доход работника группы предприятий	Разница в средних доходах
СБЕРБАНК	209	0,98	216 раз
«ГАЗПРОМ»	149	1,148	130 раз

ГРУППА ВТБ	145	1,115	130 раз
«НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ»	99	0,76	130 раз
«ИНТЕР РАО»	58	0,73	79 раз
X5 RETAIL GROUP	56	0,53	106 раз
РЖД	56	0,5	111 раз
EVRAZ	52	0,64	81 раз
НЛМК	45	0,59	76 раз

Нередко при этом у топ-менеджеров⁷⁵ доход за предыдущий год заметно растет при общем значительном в этом периоде падении экономических результатов деятельности (прибыли и др.). В общем даже приведенные выше отдельные данные свидетельствуют, что действующей в России системе оплаты труда наемных работников присуще чрезмерное неравенство денежных доходов и надо его заметно уменьшить, для чего существуют и регулярно обсуждаются различные меры и механизмы осуществления таких процессов. В частности, на Московском экономическом форуме, состоявшемся в ТПП РФ 16.02.2016 г., одному из сопредседателей МЭФ и модераторов пленарного заседания форума президенту ассоциаций «Росагромаш» и Промышленного союза «Новое Содружество» Константину Бабкину был задан вопрос, непосредственно связанный с проблемой сокращения бедности и неравенства денежных доходов в РФ: «Как Вы относитесь к введению прогрессивной налоговой шкалы?» Ответ К. Бабкина: «Как известно, у нас налоговая система построена так, что богатые платят меньше, чем бедные, даже в процентном отношении от своих доходов. Такая налоговая шкала только увеличивает расслоение, и это сделано сознательно — это часть политики современ-

75. Как указывается в статье «Зарплатное неравенство продолжает расти» (Коммерсант от 27.02.15): «В «Газпроме» и ВТБ доходы топ-менеджеров существенно выросли при падении доходов компаний. Разрыв между зарплатами рядовых сотрудников и высшего руководства в этих компаниях также вырос. Члены правления «Газпрома» получили в среднем по 150 млн рублей в год — это почти на 40% больше, чем годом ранее. При этом средний доход на одного сотрудника монополии незначительно снизился (1,148 млн рублей в год). Видимо, в «Газпроме» посчитали, что за снижение прибыли в 7 раз отвечают рабочие, а не руководители предприятия».

ного правительства. И в ходе приватизации, очередной этап которой сейчас обсуждается, очевидно, что бедным не достанется ни часть Сбербанка, ни часть Роснефти, а приватизируемые компании уйдут либо к зарубежным банкирам, либо уйдут в собственность опять же олигархам, которые имеют свободные средства для покупки. А, как известно, у нас основные олигархи — это люди, не сделавшие каких-то изобретений, открытий, это люди, просто назначенные в процессе приватизации. Чубайс, идеолог приватизации, считал, что это задача не экономическая, а политическая — нужно якобы создать новую элиту, уничтожив коммунизм. И не случайно основными олигархами стали его друзья и единомышленники. То есть проблема расслоения имеет, среди прочего, политическое происхождение и во многом создана сознательно при формировании новой финансово-экономической элиты. В результате такого «эффективного» социального конструирования, как справедливо утверждается в статье «Страна нищих» (Чуйков, 2013), «врачи-психиатры считают, что неминуемо произойдет раздвоение личности, так как среднестатистический гражданин нашей страны живет в двух непересекающихся «реальностях». В одной из них с голубого экрана его убеждают, что великая энергетическая держава поднимается с колен, инфляция всего 6%, а жить становится лучше и веселее. А в другой видит, что кошелек становится все тоньше после оплаты незатейливых продуктов на ужин для семьи и оплаты вечно голодного монстра ЖКХ».

Следует вообще дополнительно заметить, что оба обсуждаемых индикатора — и неравенство, и бедность не элементарны по своему социальному и даже математическому содержанию. Они меняются и по регионам, и по отраслям, и во времени, и т.д., т.е. формально математически это не скаляры, а векторы с меняющимися во времени компонентами, которым, кроме того, присущи многие особенности, в том числе страновые. В частности, недавно 14 марта 2016 г. вице-премьер РФ Ольга Голодец на уже

упоминавшемся совещании, посвященном «Неделе российского бизнеса в Москве», заявила: «Тип бедности, преобладающий в России, является уникальным социальным явлением – бедностью работающего населения... В России около 5 млн человек работают, но при этом получают такую маленькую зарплату, что остаются за чертой бедности. Говорить о повышении производительности труда можно будет только после того, как работающие в России люди перестанут получать зарплату ниже прожиточного минимума...». По словам вице-премьера, «зарплаты на уровне минимального размера оплаты труда (МРОТ=7,5 тыс. руб.) сейчас получают примерно 4 млн 910 тыс. человек. И это при том, что прожиточный минимум для трудоспособного населения по итогам третьего квартала 2016 года определен в 10 тыс. 678 руб. и у нас нет такой квалификации, которая достойна такой зарплаты на уровне МРОТ». Правда, вскоре в феврале 2017 года министр труда и соцзащиты РФ Максим Топилин прогнозировал, что МРОТ в России может быть доведен до уровня прожиточного минимума в течение трех–пяти лет. Согласно данным Росстата, в январе–сентябре 2016 года за чертой бедности проживали 20,3 млн россиян, или 13,9% населения страны (согласно (Аганбегян, 2017, с. 68) в 2016 г. таковых было 21,4 млн человек, или 14,6%). Однако Ольга Голодец в середине декабря 2016 года предупредила, что бедных в России гораздо больше... По подсчетам экспертов ВШЭ, в 2016 году трудности с покупкой продуктов или одежды испытывал 41% россиян (при этом у 11% жителей нашей страны денег не хватает даже на продукты), но большинство из них собственное положение плохим или очень плохим не считают. В начале марта эксперты холдинга «Ромир» сообщили, что россияне ужесточают меры экономии и в феврале их реальные расходы оказались меньше (с поправкой на инфляцию), чем на протяжении четырех предыдущих лет.

2.2. Факторный анализ бедности и неравенства доходов населения в России и за рубежом

Приведенные ранее фрагменты книги (Стиглиц, 2015) наглядно показывали, что и в стране американской мечты уровень и динамика благополучия населения оставляет желать много лучшего: далеко не все граждане благоденствуют и довольны условиями жизни. Нетрудно видеть, что даже на этом общемировом невеселом фоне страны американской мечты ситуация с неравенством в России выглядит еще более неестественно и печально, причем эта социальная болезнь имеет два экстремальных слагаемых — аномальная бедность и аномальное богатство.

Начнем с последнего. Закончился 2016 г. — год Огненной обезьяны, — и стало вполне понятно, что, проводя почти четверть века в России на основе положений «Вашингтонского консенсуса» радикальные неолиберальные реформы, наши властные структуры, привыкшие списывать с Запада или следовать рекомендациям их советников, хотели бы опять воспользоваться этим апробированным рецептом при решении возникающих или обострившихся проблем. Сегодня, по нашему мнению, к последним можно и нужно отнести прежде всего такие проблемы, как недопустимая бедность и несправедливое распределение доходов среди россиян⁷⁶.

76. Проблема эта важна и в глобальном масштабе. Не случайно в (Джомо, Попов, 2016, с. 146) отмечается: «В последние три десятилетия наблюдается рост неравенства и распределения доходов как в западных странах (с начала 1980-х годов), так и в бывших социалистических странах, вставших на путь рыночных реформ» (с середины 1980-х годов — в Китае и Вьетнаме, с начала 1990-х годов — в Восточной Европе, бывших советских республиках и Монголии). К аналогичным выводам приходят и авторы весьма содержательной, в том числе и в алгоритмическом плане, статьи (Акаев, Ичкитидзе и др., 2016), в которой предложена модель влияния неравенства на экономический рост и его связь с коэффициентом Джини. Анализ этой модели приводит авторов к выводу: «В 90-е годы все постсоветское пространство стало рассматриваться Западом как рынок сбыта, источник ресурсов и территория экспансии наличных долларов. Приватизация была проведена в скорейшем режиме и строго в интересах новой элиты, простые люди обеднели. Этот процесс обмана надолго укоренился в сознании населения новых государств как яркая характеристика капитализма и того, что им несет «дикая» рыночная экономика. Об этом свидетельствует более чем двукратный рост индекса Джини в период 1990—1999 гг. в большинстве стран постсоветского пространства».

На обострение этих проблем у нас последние несколько лет регулярно обращали внимание многие российские общественные деятели и даже государственные люди, в том числе и интеллигентный поэт — ныне потерявший доверие нашей властной элиты и свою свободу эксминистр экономического развития РФ А. Улюкаев — и не менее интеллектуальный действующий вице-премьер РФ по социальным вопросам Ольга Голодец⁷⁷. Обращали внимание не случайно, так как, согласно уже упоминавшемуся докладу Global Wealth Report за 2015 г., на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех активов физических лиц в России. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке — 44, в США — 37, в Китае и Европе — 32, в Японии — 17. По данным консалтинговой компании Knight Frank, число мультимиллионеров, имеющих активы в сумме от 30 млн долларов, и миллиардеров в России в каждой категории выросло с 2004 по 2014 г. в 3,5 раза, а по прогнозу, до 2024 г. их число увеличится еще в полтора раза.

Что касается оценок бедности в России, то они в разных источниках отличаются друг от друга. Есть и официальные данные Росстата, согласно которым в 2016 г. доход ниже прожиточного минимума имели в России 22,7 млн человек (15,7% общего числа жителей страны). При этом сам установленный нищенский размер прожиточного минимума многие эксперты считают заниженным. Согласно же принятому (Шевяков, Кирута, 2009) в это время определению относительной бедности в ОЭСР и Евростате, к числу бедных относятся те, кто имеет доход ниже 60% медианного дохода в стране. В 2015 г. медианный доход в России составлял 22,7 тыс. руб. Если применить норматив ОЭСР и ЕС, то по этим критериям бедных в России оказывается около 25% населения. Есть социологи-

77. Выступая в марте 2016 г. на Неделе российского бизнеса в Москве, вице-премьер Ольга Голодец констатировала, что число россиян, испытывающих нужду, в последнее время значительно возросло: «У нас обозначается резкое падение доходов. Резкое — и по реальному уровню заработной платы, и вообще доходов... В правительстве признали резкое обнищание россиян — согласно информации Министерства труда и социальной защиты, в 2015 г. число россиян, доходы которых находятся ниже прожиточного минимума, превысило 19 миллионов человек» (Newsland — 2016. 24 марта).

ческие исследования, проводящие границу бедности не по той или иной расчетной величине доходов, а по комплексу показателей, включая покупательскую способность. Так, в конце июля 2016 г. Высшая школа экономики (НИУ–ВШЭ) обнародовала данные очередного исследования уровня жизни населения России, в котором «доля граждан, у которых денег не хватает на покупку одежды или даже продуктов питания, оценивалась в 41,4%». Отметим, что как оценки Росстата, так и другие расчеты показывают рост числа бедных в последние годы. При этом самыми бедными являются, вопреки распространённому мнению, не пенсионеры. По словам первого замминистра финансов России Татьяны Нестеренко, «самыми бедными в России, около 37% всего бедного населения, являются молодые семьи». Не улучшилась существенно ситуация и в этом году – согласно (Докучаев, 2017, с.1): «Даже в период кризиса в 2009 году падение реальных располагаемых денежных доходов было несколько меньше, чем в текущем году... А глава Минтруда Максим Топилин недавно сообщил, что уровень реальных располагаемых доходов населения вернется к докризисному лишь к концу 2018 года».

О росте бедности в современной постсоветской России наглядно свидетельствует и динамика других общепринятых количественных показателей – выше уже отмечалось, что общепринятые показатели неравенства денежных доходов населения, такие как коэффициент фондов и коэффициент Джини, в минувшие четверть века в России зашкалили, значительно превысив не только те их значения, которые характерны для развитых стран Запада, но и сильно превысив уровни, которые были и в дореволюционной и Советской России. Не случайно и то, что, по данным отчета Global Wealth Report за 2015 г. (исследование банка Credit Suisse), Россия, как уже выше упоминалось, является страной с самым высоким в мире имущественным неравенством. По данным исследования Global Burden of Disease Study (GBD) 2015, оценивающего здоровье жителей разных стран, Россия оказалась на 119 месте. В рейтинге комфортности жизни

пожилых людей The Global Age Watch Index Россия находится на 79 месте из 91, с крайне низкими показателями по размеру пенсий, состоянию здоровья и качеству социальной среды (доступность транспорта, физической безопасности, социальных связей). По Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2015 г. – на 119 месте из 168. При всей условности такого рода рейтингов мы исходим из того, что они отражают общую тенденцию: некоторые важные параметры социального развития в нашей стране существенно ниже базовых параметров ее экономического развития. Можно предположить, что этот диспаритет обусловлен, в первую очередь, именно крайней неравномерностью распределения богатства в обществе.

Нельзя сказать, что проблема неравенства доходов и бедности россиян совсем не интересовала наши российские властные структуры. Так, 1 декабря 2016 г. в своем Ежегодном послании Президент РФ поставил в числе важнейших задачу выхода на темпы роста экономики РФ выше среднемировых на перспективу после 2019 г. Но, очевидно, что и до этого времени общество нуждается в осмысленной перспективе социальных трансформаций, ориентированных на имеющиеся объективные, часто, хотя и не всегда, негативные вызовы, которые одновременно могут рассматриваться как угроза, и как потенциал для развития. Одним из таких важнейших вызовов является исключительно высокий уровень неравенства в российском обществе и бедность российского населения. Об этом в последнее время нередко приходится слышать и от руководителей экономических служб РФ, и не только от них. В частности, в июле 2016 г. в интервью RNS (<https://rns.online>) глава Счетной палаты Татьяна Голикова признала, что число бедных россиян растет. «Да, – сказала она, – к сожалению, у нас растет количество граждан, которые находятся за чертой бедности. Пока мы наблюдаем отрицательную динамику, в том числе и за первое полугодие 2016 г.: реальные располагаемые денежные доходы населения снизились на 5%». В результате, по недавнему

опросу ВЦИОМ, в статье Владимира Емельяненко отмечается: «Каждому десятому россиянину не хватает денег даже на еду» (<http://rg.ru/2017/06/29/vciom-kazhdomu-desiatomu...>) – и что: «В июне 2017 года доля россиян, которым не хватает средств на еду и одежду, достигла 39%. Среди них 54 процента составили люди пенсионного возраста, 46 процентов – жители сельской местности...».

Конечно, приведенные выше скалярные оценки неравенства денежных доходов и бедности в России дают лишь общее представление о проблеме и далеко не полностью характеризуют ее конкретное состояние. Прежде всего потому, что они не отражают многие ее важные аспекты, например стационарный или нестационарный характер экономики (Костюк 2001; Лившиц В.Н и Лившиц С.В., 1999, 2008 или 2010; Лившиц, 2013), а также межстрановые, отраслевые, профессиональные и региональные различия и неравенство, в том числе в сфере заработной платы, производительности труда, душевых ВВП и др. (Зайцев 2016; Нуреев 2015). За кадром остается и неравенство в комплексе доступных услуг (медицинских, экологических, образовательных, финансовых, транспортных и т.д.). Выше мы рассмотрели (табл. 2.1) эту ситуацию на примере дифференциации зарплатного неравенства по статусному принципу, – т.е. в зависимости от места, которое занимает зарплатополучатель в служебной иерархии. Приведенные данные свидетельствовали о весьма существенных расхождениях – в несколько, а иногда и в много раз, – особенно по отношению к средней по стране заработной плате. Для возможности корректного сопоставления напомним, что, по данным Росстата, среднемесячная заработная плата гражданских служащих федеральных государственных органов Российской Федерации за девять месяцев 2014 г. составляла 96,5 тыс. руб., за год она тогда выросла на 18,3%.

Конечно, стоит учесть, что в разных ведомствах и на разных должностях заработные платы отличаются принципиально. Среди министерств, например, самые высокие средние заработные платы в Федеральном агентстве специ-

ального строительства – 122,1 тыс. руб. (+39,1%), в Управлении делами Президента РФ (федеральное агентство) – 117,3 тыс. руб. (+33,4%) и в МЧС – 114,6 тыс. руб. (+8,3%). Самые низкие заработные платы – в Федеральном архивном агентстве – 53,2 тыс. руб. (+22,8%), в Министерстве по делам Крыма – 40,6 тыс. руб. и Министерстве по делам Северного Кавказа – 38,3 тыс. руб. (оба эти ведомства начали функционировать в третьем квартале 2014 г.) (Беляев, 2015; Воейков, Анисимова, 2016).

При этом фиксированная часть заработной платы составляет порой лишь 1/8 оклада государственного служащего. Все остальное – всевозможные поощрения и вознаграждения: за выслугу лет, особые условия государственной службы, допуск к государственной тайне, премии за особо важные задания и просто ежемесячное денежное поощрение в размере от 2,5 до 14 заработных плат. В итоге ежемесячные доходы депутата Госдумы составляют порядка 420 тыс. руб. Предлагаемое 10%-ное сокращение, скорее всего, затронет только базовую часть заработной платы (для Госдумы – 81,5 тыс. руб.), так что ежемесячные доходы депутатов Федерального Собрания РФ сократятся всего до 359,5 тыс. руб.

В общем даже приведенные выше отдельные данные свидетельствуют, что действующей в России системе оплаты труда наемных работников присуще чрезмерное неравенство и надо его заметно уменьшить, для чего существуют и регулярно обсуждаются различные меры и механизмы осуществления таких процессов.

Отметим, правда, в дополнение к приведенным выше соображениям еще одно важное замечание – в последние пару лет рассматриваемая нами проблематика стала очень популярным сюжетом обсуждения на многих международных форумах экономистов (на ежегодных в Давосе, периодических Московских, Санкт-Петербургских и др.), предметом дискуссии ряда интересных статей, в некоторых из них сразу берут быка за рога, т.е. обсуждают и такие фундаментальные вопросы, как существование (или нет) связи между нера-

венством доходов населения и его бедностью, наличие или отсутствие связи с темпом роста экономики, характер и тип этой связи, да и ставятся общие вопросы типа: неравенство доходов — это вообще позитивное или негативное явление, каков его реальный и желательный (иногда даже оптимальный) уровень за рубежом и у нас и т.д., причем высказываются по всем этим и многим другим имманентным вопросам интересные аргументы *pro et contra*, причем дискуссионные моменты составляют иногда и квинтэссенцию публикации. Так, например, в очень интересной и полезной, к тому же достаточно обширной работе (Капелюшников, 2017) известного экономиста члена-корреспондента РАН главного научного сотрудника ИМЭМО уже в самом начале статьи после аннотации можно прочесть: «Обсуждение вопросов неравенства стремительно набирает популярность... Широкой публике внушают мысль, что экономическое неравенство — это главное зло, с которым сталкиваются современные общества. Предпоследний Президент США Б. Обама объявил неравенство главным вызовом для нации. Политики всех стран, чтобы привлечь голоса избирателей, рассуждают о недопустимости существующих контрастов между богатыми и бедными. Ведущие международные организации — Всемирный банк, МВФ, МОТ заказывают и публикуют десятки специальных исследований, с разных сторон рассматривающих феномен экономического неравенства. Книжки о неравенстве становятся мировыми бестселлерами («Капитал в XX веке». Томас Пикетти, 2014; «Цена неравенства». Джозеф Стиглиц, 2015; «Глобальное неравенство». Бранко Миланович, 2017 и др.). Известные экономисты выступают с предложениями ввести конфискационные налоги на доходы наиболее состоятельных граждан. Многие считают радикальное сокращение неравенства единственным способом оживить экономический рост, ожесточенные дебаты по этой проблеме ведутся и в России».

Мы опубликовали эту обширную выдержку из работы (Капелюшников, 2017, с.117) и опубликуем ниже еще

одну не менее пространную потому, что приведенная в них позиция, которая в указанной работе считается ошибочной, довольно близка к нашей, опубликованной в журнале ЭНСР, № 3 в том же 2017 году. Близка, но по ряду существенных моментов серьезно отличается. Так, мы нигде в наших соответствующих работах (Лившиц, 2015; Лившиц В.Н. и Лившиц С.В., 2009, 2017) не выступали за бездумную конфискацию приватизированных активов, в том числе обоснованными налогами. Другой вопрос, что мы считаем необходимым (и не в целях конфискации, а в целях оптимизации функционирования экономики и повышения уровня жизни основной массы россиян) существенно изменить в стране их систему в направлении перехода от действующей в России с 2002 года неэффективной, по нашему мнению, плоской шкалы налогообложения к эффективной для России нелинейной прогрессивной шкале с обоснованными, в том числе модельно-оптимизационными расчетами, ее параметрами⁷⁸.

Теперь приведем еще одну вышеупомянутую выдержку из статьи (Капелюшников, 2017), в которой ее автор достаточно адекватно сконцентрировал основные ошибочные, по его мнению, положения другой статьи других авторов (Джомо, Попов, 2016), многие из которых нам представляются совсем не ошибочными, а даже очень полезными, если отрицательно не реагировать на их иногда гипертро-

78. Между прочим, этой же позиции придерживался, как было уже сказано, и ряд известных наших экономистов, в том числе академиков РАН, и ряд других. А недавно ее поддержал, что несколько удивительно, и такой влиятельный реформатор, как ректор НИУ ВШЭ Ярослав Кузьминов, во многом на совести которого, по нашему мнению, разрушение с помощью ЕГЭ и болонских новаций эффективной, действовавшей в советский период системы образования, построенной в свое время на принципах великого ученого, гуманитария и естествоиспытателя Александра Гумбольдта. Эти принципы ставили своей целью не развитие в образовательном процессе компетенции удачного угадывания правильного ответа из нескольких предложенных, а развитие способностей и необходимых знаний для установления с их помощью корректных причинно-следственных отношений. Надо отметить, что переход к прогрессивной шкале налогообложения и замены ею действующей плоской шкалы уже неоднократно (последний раз 12.10.2017) по инициативе ряда фракций Госдумы РФ (СР, КПРФ, ЛДПР) обсуждался в ней и отклонялся депутатами фракции «Единая Россия». Однако на последнем заседании Госдумы РФ прозвучало мнение и оно не было опровергнуто (Озерова Марина, 2017, с.4), что «вновь избранный в 2018 году Президент РФ сам внесет прогрессивную шкалу налогообложения».

фированное эмоциональное изложение Р. Капелюшниковым возможных и свершившихся социальных последствий, характеризующих к тому же с помощью слов «устрашающая, апокалиптическая», «потеря человеческого лица» и др. При этом хочется повторить вслед за ним важное его замечание (с.118), «что его комментарий статьи (Джомо, Попов, 2016) не следует воспринимать как критику конкретно этой работы: у него значительно более широкий адресат, поскольку множество исследователей, публицистов и политиков мыслят примерно так же, как ее авторы». Хочется с ним согласиться и потому, что во многом мы, авторы настоящей статьи, тоже из первой части этого множества. Комментарий же Р. Капелюшникова, о котором идет речь, следующий: «Как видно из названия статьи Джомо и Попова, она посвящена анализу мировых долгосрочных тенденций в структуре распределения доходов. Сначала авторы приводят данные различных исследований, иллюстрирующих хорошо известные факты снижения показателей экономического неравенства в 1930/1940–1970/1980 гг. и их повышения в ряде развитых стран в более поздний период, а затем предлагают «возможные объяснения» такой динамики. Из их анализа вырисовывается устрашающая, если не сказать, апокалиптическая, картина: глобальное неравенство растет – неравенство внутри отдельных стран достигло пиковых по историческим меркам значений; вознаграждение топ-менеджеров компаний в сотни раз превышает зарплаты среднего работника; в развитых странах реальная заработная плата стагнирует в течение уже нескольких десятилетий; безработица находится на высоком уровне; социальная мобильность остается низкой; доля капитала в национальном доходе непомерно высока, а доля труда неоправданно низка; растущее неравенство обескровливает экономический рост; по всему фронту идет контрнаступление капитала, а организованный социальный протест отсутствует; эскалация неравенства в странах Запада стала следствием исчезновения противовеса в виде системы мирового социализма; современный капитализм все больше

теряет «человеческое лицо»; уже в ближайшее время дальнейшее нарастание неравенства чревато острыми социальными конфликтами — даже революциями и разрушением целых наций; выйти из создавшейся ловушки можно только при условии проведения государством социальной политики, направленной на радикальное сокращение экономического неравенства».

Нам кажется, при нашей содержательной позиции, близкой к излагаемой в статье (Джомо, Попов), что убедительной аргументации и опровержения приведенных спорных важных дискуссионных моментов, связанных с неравенством, нет ни в той, ни в другой статье, да и у нас тоже нет, а есть в этом плане только полезные высказываемые мнения по поводу⁷⁹. Таким образом, мы думаем, речь должна идти не о чьих-то ошибках и правоте, а о нерешенных еще важных теоретических и практических вопросах, связанных с неравенством доходов населения и его последствиями. Более того, мы также думаем, что сегодня многие из этих вопросов научно аргументированно решены и не могут быть, так как для этого пока не хватает не только конструктивных социально-экономических идей и соображений и их теоретической корректной аргументации, но и информационной базы, в том числе и по фактическому влиянию на неравенство различных факторов.

Поэтому в соответствии с указанным ранее (ЭНСР, 2017, № 3, с. 28) общим планом изложения рассмотрим (естественно, в рамках объемных ограничений жанра научной статьи) на базе официальной статистики некоторых различных стран, отраслей и регионов России, как менялся и меняется уровень бедности (богатства) и неравенства доходов населения планеты, и особенно наемных работников,

79. Да и вообще значительная, по нашему мнению, полезность обеих упомянутых статей отнюдь не заключается только или в основном в содержании полемики их авторов. Даже заключительный аккорд статьи (Капелюшников, 2017), где излагаются мысли, приведенные в (Cochrane, 2014), и проблема выбора «Позиции Стиглера» и «Позиции Стиглица» представляются не только интересными, но и важными, требующими серьезного исследования и объективного обсуждения.

при изменении таких важнейших факторов, как величина общей доходной базы (ВВП и ВРП на душу населения), уровня технологического развития и применяемой технологии, статусного места в рыночной (производственной) системе и заработной платы наемного работника и т.д. Обновим (дополним общую картину) также приведенные нами выше на базе того же информационного источника (последние номера журнала «Форбс» и файлы Интернета) некоторые важнейшие данные по современному состоянию указанных проблем, и с этого начнем.

Как выше уже отмечалось, в последней декаде сентября 2017 года (Яна Рождественская <https://news.mail.ru/economics>): «Россия опередила всех по росту долларовых миллионеров. Согласно ежегодному докладу консалтинговой компании Capgemini World Wealth Report 2017, число миллионеров (чье состояние превышает \$1млн) в мире за последний год выросло на 7,5%, до 16,5 млн человек. Совокупно они владеют \$63,5 трлн. Из всех стран сильнее всего число миллионеров выросло в России – на 19,7%, при том, что годом ранее их количество здесь снизилось – на 1,8%. Общее же количество миллионеров в России остается сравнительно небольшим – 182 тыс. человек. Для сравнения: в США – 4,8 млн миллионеров, в Японии – 2,9 млн, в Германии – 1,3 млн, а в Китае – 1,2 млн. Из всех регионов наибольший рост показала Африка (на 8,1%, до 200 тыс. человек), на втором месте – Северная Америка (на 7,8%, до 5,2 млн), на третьем – Европа (7,7%, до 4,5 млн). Больше всего миллионеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) – 5,4 млн человек, рост за год здесь составил 7,4%. В Латинской Америке и на ближнем Востоке живет по 600 тыс. миллионеров. Рост количества миллионеров в Северной Америке и Европе ускорился: годом ранее рост составлял 2 и 5% соответственно, в АТР рост, напротив, замедлился с 9%. Что касается общего размера состояния миллионеров, то и здесь лидирует АТР – \$18,8 трлн, затем следуют Северная Америка – \$18 трлн и Европа (\$14,7 трлн). По прогнозам Capgemini, к 2025 году

состояние всех миллионеров в мире превысит \$100 трлн (для сравнения: в 1996 году оно составляло лишь \$16,6 трлн). Число сверхбогачей с состоянием больше \$30 млн за год выросло на 8,3%, этим 157,2 тыс. человек (1% от всего количества миллионеров) принадлежит 34,5% от всего общего состояния миллионеров. Большинство миллионеров – 90% от общего числа – обладатели состояний от \$1млн до \$5млн».

Приведенные дополнительные данные подтверждают ранее цитированный нами, сформулированный лауреатами Премии памяти Альфреда Нобеля Джозефом Стиглицем, Ангусом Дитоном и др., основной вывод, что **глобализация мировой экономики в XXI веке не привела к необходимому и справедливому перераспределению доходов, а по-прежнему богатые и особенно богатые продолжают и продолжают чрезмерно богатеть на общем фоне крайне неравномерного распределения доходов, причем этот процесс происходил и в развитых, и в развивающихся странах** в обоих случаях – «когда дождь шел и когда он не шел», т.е. не только в относительно благополучные, но и в кризисные для мира в целом и экономики отдельных стран годы. В полной мере это относится и к России на современном этапе. Так, согласно статье (Докучаев, 2017): «Исследователи из РАНХ и ГС подсчитали так называемый коэффициент фондов, который устанавливает разницу в доходах между 10% самых состоятельных и самых неимущих граждан страны. За первое полугодие 2017 года показатель оказался равен 14,3 – то есть именно во столько раз в среднем богатые россияне получают больше бедных. В первой половине прошлого года показатель был меньше – 14,1. Разрыв в 14,3 – очень большой, по принятым в мире меркам. Для сравнения: в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющей 35 развитых и развивающихся стран (Россия туда не входит), средний размер коэффициента фондов составляет 9,0–9,5. Получается, что у нас дифференциация в доходах в два раза больше. Причем у российских богачей, как мы все прекрасно знаем по спискам миллиардеров Форбса и другим подобным

рейтингам, дела обстоят прекрасно. Их благосостояние, мягко говоря, ничем не уступает соседям по списку из других стран. А вот с российскими бедняками — беда... Удивляться этому не приходится. Согласно тому же мониторингу РАНХ и ГС, за последние четыре года доходы населения у нас сократились на 11,2%, размер назначенных пенсий — на 7,4%, а реальная заработная плата — на 2,9%».

И в первую очередь это сокращение бьет по беднейшим слоям населения. А бедняков у нас в стране, согласно официальным, порою немало отличающимися подсчетам, порядка 20 миллионов. Это значительно больше тех самых 10% населения, которые требуются для подсчета нижнего порога коэффициента фондов... И на этом фоне особенно удручает тот факт, что разрыв в доходах между богатыми и бедными в 2017 году увеличился. Ведь сравнивается он с первой половиной прошлого года, когда и экономика падала, и доходы россиян тоже. Сейчас же Росстат вроде как фиксирует положительную динамику: ВВП во втором квартале увеличился на 2,5%, реальные доходы населения впервые в мае оказались не в минусе, а на нуле... А уровень социального неравенства на этом фоне только увеличивается, лишний раз демонстрируя, что «выздоровление» российской экономики, если и происходит, то исключительно за счет богатых, у которых, прямо скажем, и раньше дела обстояли неплохо... В этих условиях людям остается только выживать по принципу кто во что горазд, и те, кому тянуть кредиты не под силу, «просто кормятся со своих огородов: весной 2017 года этим занималась почти треть населения по сравнению с 20% в 2014 году», — политкорректно описали такой процесс исследователи из РАНХ и ГС. С этим перекликается и мнение научного руководителя Института экономики РАН Руслана Гринберга, который назвал российский коэффициент фондов около 15,0 скандальным показателем, поставив в итоге такой диагноз: «У нас асоциальный капитализм, да еще с феодальной окраской, настоящее господство несправедливости». В других развитых странах, а Россия на это претендует, разрыв в дохо-

дах между богатыми и бедными, т.е. коэффициент фондов, значительно меньше, в частности согласно уже упомянутой выше статье (Докучаев 2017), в Италии – 11,7; в Великобритании – 10,5; во Франции – 7,4; в Германии – 6,4; в Норвегии – 6,1; в Швеции – 5,8; в Японии – 4,9.

Да и сами абсолютные и удельные значения ВВП даже в пределах двадцати наиболее развитых стран, как показано в табл. 2.3, довольно сильно варьируются.

Таблица 2.3. ВВП* в 20 странах с наиболее развитой экономикой

СТРАНА	ВВП, млрд долл. США, 2010	СТРАНА	ВВП, млрд долл. США, с учетом ППС 2010 по покупательной способности
1. США	14587	1. США	14587
2. Китай	5927	2. Китай	10170
3. Япония	5459	3. Япония	4299
4. Германия	3281	4. Индия	4195
5. Франция	2560*	5. Германия	3059
	*включая заруб.		
6. Соед. Корол-во	2262	6. Россия	2820
7. Бразилия	2088	7. Соед. Корол-во	2223
8. Италия	2061	8. Франция	2214
9. Индия	1727	9. Бразилия	2185
10. Канада	1577	10. Италия	1933
11. Россия	1480	11. Мексика	1652
12. Испания	1407	12. Испания	1485
13. Австралия	1132	13. Ю.Корея	1422
14. Мексика	1036	14. Канада	1333
15. Ю. Корея	1014	15. Турция	1141
16. Нидерланды	779	16. Индонезия	1037
17. Турция	734	17. Австралия	851
18. Индонезия	707	18. Иран	846
19. Швейцария	528	19. Тайвань	824
20. Польша	469	20. Польша	759

* Конечно, мы не идеализируем ВВП как показатель системного уровня развития экономики и жизни населения. Нами вполне учитывается известная его критическая оценка, содержащаяся в самом заглавии монографии («Почему ВВП не имеет смысла?») выдающихся экономистов (Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016) и сформулированный ими тезис (с. 14): «Одна из причин того, почему большинство людей ощущают, что стали жить хуже, хотя средний ВВП растет, состоит в том, что они действительно стали жить хуже».

Продолжим далее анализ влияния на неравенство и бедность других различных наиболее важных факторов – страновых, экономических, социальных, ресурсно-технологических, региональных, отраслевых, профессиональных и др., рассмотрим их вариацию. Естественно начать с базы возникновения доходов населения, т.е. все же с величин ВВП стран в \$ млрд и

ВВП на душу населения в различных странах. И невооруженным глазом – см. табл. 2.3 для 20 стран с наиболее развитой экономикой – (Мир в цифрах, 2013, с. 114) видно, что вариация здесь значительна, т.е. межстрановой фактор – существенный. Не менее важен и географический и внутрискановой факторы – различие бедности и неравенства доходов населения в различных частях планеты и в разных регионах одной и той же части и даже отдельной большой страны.

Об этом можно судить и по информации, указанной ниже в табл. 2.4 (Мир в цифрах, 2013, с. 115), в которой данные приведены по отдельным территориям для 2011 года при общем числе жителей планеты 7,9 млрд.

Таблица 2.4. Территориальное распределение населения и ВВП

Население, по регионам всего, млрд	Структура населения по регионам, %	Значения ВВП, \$млрд по регионам	Значения ВВП, \$млрд/душу по регионам	Покупательная способность по регионам, \$ на человека
Весь мир	100,0	69660	8817,72	11480
Страны с развитой экономикой	14,9	44420	37736,81	39320
Страны Большой семерки	10,8	33670	39463,2	40890
Страны еврозоны	4,8	13120	34599,16	33790
Азия*	52,3	11320	2739,79	5510
Центр. и Сев. Европа	6,8	4340	8078,93	13280
Ближний Восток и Сев. Африка	5,7	2270	5041,08	9900
Африка южнее Сахары	11,9	1200	1276,46	2380
Латинская Америка	8,4	5610	8453,89	11850

*Исключая Гонконг, Японию, Сингапур, Ю. Корею и Тайвань, но с Турцией.

Из табл. 2.3 и 2.4 видно, что базовые ресурсные возможности (значения покупательной способности по рассматриваемым странам и ВВП \$млрд/душу по указанным регионам) различаются многократно, более чем на порядок, т.е. инициируемое ими неравенство на планете, даже среди 20 стран с наиболее развитой экономикой, явно вышло за нормальные пределы.

Убедимся затем, к сожалению, в правильности этого печального вывода и применительно к другим важным факторам, таким как уровни технологического развития и оплаты труда (в том числе и зарплаты наемных работников), при-

чем Россия и здесь не будет счастливым, а скорее печальным исключением.

Начнем сначала с приведенных для нашей страны в (Зайцев, 2016) сравнительных по \$PPP оценок показателей ФМП – уровней технологий (технологического развития) в различных странах, которые в указанной монографии наряду с оценками производительности труда LP и капиталовооруженности труда k получены (Зайцев, с. 6) «за счет исключения природной ренты из ВВП и отражают эффективность ресурсной части экономики России». Соответствующие оценки их вкладов в абсолютные и относительные (к уровню РФ) значения ВВП приведены в табл. 2.5, в которой (согласно Зайцев, 2016, с. 42) указаны на 2011 год по странам в порядке роста их производительности труда следующие абсолютные и относительные (к уровню РФ) значения ключевых характеристик: часовая производительность труда (LP), капиталовооруженность труда (k) – на час отработанного времени, человеческий капитал (HumCap) и уровень технологий (MFP).

Таблица 2.5. Ключевые показатели уровня развития экономики и технологий в различных странах

Страна	Значение			К уровню РФ			
	LP, \$, PPP	k, \$, PPP	HumCap, Балл	LP	K	HumCap, Балл	MFP
Китай	7	30	62,5	0,36	0,55	0,85	0,52
Россия	19	54	73,5	1,00	1,00	1,00	1,00
Венгрия	21	94	72,7	1,09	1,72	0,99	0,89
Латвия	21	87	74,4	1,09	1,59	1,01	0,90
Чехия	25	104	73,8	1,31	1,90	1,00	1,00
Словакия	27	89	71,6	1,43	1,63	0,97	1,18
Словения	30	137	75,1	1,60	2,52	1,02	1,14
Канада	40	119	78,0	0,09	2,18	1,06	1,48
Финляндия	42	193	82,1	2,21	3,54	1,12	1,27
Германия	49	180	78,4	2,58	3,31	1,07	1,57
США	55	172	76,1	2,89	3,17	1,04	1,83
Норвегия	84	238	80,6	4,42	4,38	1,10	2,25

Из приведенной табл. 2.5 видно, что в России производительность труда существенно ниже, чем во многих других упомянутых развитых странах (в 2,9 раз по отношению к США, а по капиталовооруженности труда еще больше), хотя и в два с лишним раза превышает китайский аналогичный

показатель. В (Зайцев, 2016, с.41–64) в разделе «результаты расчетов» приводится и много других полезных итогов сравнительного анализа состояния экономики России и других развитых стран, в частности (с.41–42): «Уровень технологий в США в 1,83 раза выше российского... Другие развитые страны опережают Россию в 1,3–1,6 раз... Технологический уровень Китая составляет 52% от российского уровня...» — и далее указывается, что (с. 46) «если сравнивать Россию с развитыми странами — Канадой, Германией, США и Норвегией — то разрыв в производительности труда (в 2–4 раза) по экономике в целом на 53% объясняется более низким уровнем технологий (МФП) в России, на 43% более низкой капиталовооруженностью труда и на 4% более низким качеством человеческого капитала». Отметим также важность наличия в (Зайцев, 2016) указаний на то, какие допущения были приняты при проведении того или иного цикла расчетов — например, там на с. 51 имеется полезно дополняющая табл. 2.6, по тем же странам — количественная информация с включением и исключением из ВВП страны значений природной ренты.

Конечно, как уже отмечалось, в межстрановых сопоставлениях, в том числе при анализе ресурсно-технологического аспекта и соответствующих уровней развития экономики и технологий, важны различия не только в макроэкономических (табл. 2.5), но и в секторальных и отраслевых ключевых характеристиках, к которым относится и немало варьируемый по странам уровень конечного энергопотребления, что наглядно видно по заимствованной из (Попов, 2015) табл. 2.6, относящейся к 2012 году.

Конечно, в вышеприведенной табл. 2.6 представлены не все страны мира (отсутствуют, например, Вьетнам, Индия, и многие другие, но в рамках поставленной цели доказательства существенной вариативности показателей приведенная выборка стран является довольно репрезентативной).

Таблица 2.6. Доля секторов экономики в конечном энергопотреблении на энергетические нужды ряда стран, 2012 г., %

Экономика	Конечное энергопотребление, т.у.т.	Промышленность, %	Транспорт, %	Сельское хозяйство, %	Бытовой сектор, %
КНР	2224	52	15	2	28
США	1887	19	45	1	34
Россия	560	37	24	3	37
Япония	384	30	28	1	40
Германия	283	28	27	0	45
Франция	203	20	31	3	45
Р-ка Корея	174	39	25	2	34
Великобритания	171	20	32	1	46
Тайвань	66	48	26	0	20
Швеция	44	36	25	1	38
Сингапур	15	51	25	0	22
Гонконг	12	24	25	0	49
Монголия	4	35	23	3	35
Всего	11585	31	31	2	34

Естественно, что не менее, чем межсекторный и межотраслевой, а может быть и более, важен для России (и ряда других стран с обширной территорией – Канада, Китай, Австралия и др.) в силу огромности ее территории при системном анализе неравенства денежных доходов населения именно межрегиональный фактор, сравнение характеристик развития и ресурсопотребления различных регионов, которые тоже рассмотрим после представленного межсекторного неравенства в сфере энергетики. Значения этого фактора по регионам нашей страны, как это видно из следующей табл. 2.7, составленной согласно (Регионы ..., 2008), также сильно варьируется даже по темпам роста доходов населения.

Таблица 2.7. Рейтинг регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по коэффициенту роста (Кр, раз) доходов населения в 2000–2007 гг. (с учетом паритета покупательной способности)

№	Субъект РФ	Кр*	№	Субъект РФ	Кр*
1	Республика Дагестан	10,0	70	Тюменская область	4,7
2	Приморский край	9,2	71	Республика Калмыкия	4,7
3	Чукотский автономный округ	8,9	72	Новгородская область	4,6

Окончание табл. 2.7

№	Субъект РФ	Кр*	№	Субъект РФ	Кр*
4	Республика Ингушетия	8,8	73	Республика Коми	4,6
5	Ленинградская область	7,8	74	Республика Адыгея	4,3
6	Сахалинская область	7,5	75	Республика Саха (Якутия)	4,2
7	Омская область	7,5	76	Мурманская область	4,1
8	Московская область	7,5	77	Хабаровский край	4,1
9	Амурская область	7,4	78	Москва	3,9
10	Калужская область	7,4	79	Камчатская область	2,6

* Сравнение проведено по всем субъектам федерации, среди которых выделены и помещены в таблице десять лидеров и десять аутсайдеров в текущей оценке Кр.

Неравенство в пределах планеты продолжает расти. Эту мысль, которую сейчас можно услышать очень часто, в очередной раз подтвердило исследование экономистов банка Credit Suisse – 1% населения планеты владеет половиной всего богатства планеты. В исследовании этого года особое внимание уделено среднему классу, составляющему, по мнению экономистов швейцарского банка, 14% взрослого населения планеты. Численность среднего класса определяется размерами богатства – от 50 до 500 тыс. долларов. Богатством же авторы исследования считают стоимость активов, включающих недвижимость, ценные бумаги и другое ценное имущество, но без долгов. **Сенсация!** По численности среднего класса Китай впервые обошел Соединенные Штаты. Причем, обошел солидно – 109 и 92 миллиона человек соответственно. И вместе с тем «богатство среднего класса растет медленнее, чем богатство самой верхней прослойки состоятельных людей, супербогачей, – объясняет Тиджан Тиам, директор Credit Suisse. – Ситуация в последние годы изменилась. До кризиса доля богатства среднего класса оставалась стабильной в течение продолжительного времени». В итоге суммарный размер мирового богатства в 2015 году снизился на 12,4 трлн долларов до 250 трлн по состоянию на конец июня. Снижение произошло впервые после финансового кризиса 2008 года и объясняется главным образом усилением доллара, мировой валюты, в которой проводили все расчеты экономисты Credit Suisse.

В этих условиях для того, чтобы войти в первую половину человечества по размерам богатства, нужно не так уж и много – всего 3210 долларов. 68,8 тыс. долларов позволяет войти в составляющую 10% от численности населения Земли прослойку богатых людей. 1% самых богатых владеет, как минимум, 759,9 тыс. долларов.

В исследовании Credit Suisse можно найти и немало интересных статистических данных. Примерно 3,4 млрд человек, составляющих свыше 70% взрослого населения планеты, имеют богатство менее 10 тыс. долларов. Еще 1 млрд, или каждый пятый взрослый землянин, находится в пределе от 10 до 100 тыс. долларов. Богатство каждого из 383 млн взрослых, составляющих 8% населения, превышает 100 тыс. долларов. В итоге может быть представлена следующая (табл. 2.8) пирамида распределения мировых богатств.

Таблица 2.8. Распределение богатства среди 4,857 млрд человек трудоспособного населения планеты в 2015 году

Уровень богатств	Количество трудоспособного населения, млн человек	% трудоспособного населения	Уровень богатства в миллионах, \$/чел.	Суммарное богатство, трлн \$	% суммарного богатства
Высший	34,0	0,7	Больше 1,0.	112,9	45,2
Первый	349,0	7,4	От 0,1 до 1,0.	98,5	39,4
Второй	1003,0	21,0	0,01–0,1	31,3	15,6
Третий	3386,0	71,0	Меньше 0,1	7,3	0,8
Итого	4772	100	Больше 0	250,0	100

В России на середину этого года было 109 516 тыс. взрослых жителей. Богатство взрослого россиянина, полученное делением суммарного богатства на численность взрослых жителей, составила 1388 долларов. По этому показателю наша страна уступает не только десяткам стран, население которых намного меньше, но и, скажем, Пакистану, стране, которую вряд ли кто-то считает богатой. Взрослое население Пакистана на миллион больше, чем России. Тем не менее, средний взрослый пакистанец имеет 2316 долларов.

За год число долларовых миллионеров в РФ сократилось на 58%, а доля среднего класса упала до микроскопического уровня – 4,1%. По количеству граждан, которых можно отнести к среднему классу, РФ вернулась в 2000-й год, а по темпам, с которыми средний класс сокращается, Россия занимает первое место в мире, отмечают в Credit Suisse.

Результаты исследования говорят о том, что одновременно с падением благосостояния в России растет имущественное неравенство, как отмечают в Credit Suisse: «Самые богатые 10% россиян владеют 87% всего благосостояния России (против 85% в 2014 году). Это значительно выше ситуации во всех других крупных экономических державах, к примеру, в США эта цифра составляет 76%, в Китае – 66%».

Несправедливое перераспределение богатства продолжило увеличиваться после 2008 года. Прогнозы благотворительной организации Oxfam, сделанные в начале года, сбылись быстрее, чем предполагали их авторы. Экономисты этой организации предупреждали, что к следующему году 1% земель будет богаче оставшихся 99%. Уже летом 1% супербогачей принадлежало 50,4% мирового богатства. «Это последнее доказательство того, что крайнее неравенство в доходах вышло из-под контроля, – рассказал в интервью лондонскому изданию Guardian директор Oxfam Марк Голдринг. – Причем произошло это через считанные недели после того, как мировые лидеры договорились, что целью планеты будет искоренение неравенства». Правда, осуществить это будет очень непросто, так как имеет место большое неравенство и непосредственно с оплатой труда (заработной платой) наемных работников в ряде стран, и особенно в России, где она в денежных доходах населения традиционно занимает наибольшее место – табл. 2.9. (Овчарова и др., 2016, с. 172).

Таблица 2.9. Структура денежных доходов населения России (в %)

Год	Всего денежных доходов	Доходы от бизнеса	Оплата труда, включая скрытую	Размер скрытой оплаты труда	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Другие доходы
1990	100	3,7	76,4	-	14,7	2,5	2,7
1991	100	4,1	62,5	-	16,4	12,8	4,2
1995	100	16,4	62,8	25,0	13,1	6,5	1,2
1997	100	12,5	66,1	28,2	14,8	5,7	0,9
1998	100	14,4	65,8	27,1	13,4	5,5	0,9
1999	100	12,4	66,5	31,2	13,1	7,1	0,9
2000	100	15,3	62,9	26,3	13,8	6,8	1,2
2001	100	12,6	64,6	25,9	15,2	5,7	1,9
2002	100	11,9	65,8	24,8	15,2	5,2	1,9
2003	100	12,0	63,9	24,4	14,1	7,8	2,2
2004	100	11,7	65,0	24,5	12,8	8,3	2,2
2005	100	11,4	63,6	23,6	12,7	10,3	2,0
2006	100	11,1	65,0	25,4	12,0	10,0	1,9
2007	100	10,0	67,5	26,1	11,6	8,9	2,0
2008	100	10,2	68,4	23,7	13,2	6,2	2,0
2009	100	9,5	67,3	26,1	14,8	6,4	2,0
2010	100	8,9	65,2	24,9	17,7	6,2	2,0*
2011	100	8,9	65,6	25,6	18,3	5,2	2,0
2012	100	9,4	65,1	23,8	18,4	5,1	2,0
2013	100	8,6	65,3	23,9	18,6	5,5	2,0
2014	100	8,4	65,8	24,2	18,0	5,8	2,0
2015	100	7,3	65,9	-	18,2	6,6	2,0

Примечание. Символом «*» отмечен год, с которого в расчет включены данные по Чеченской Республике.

К тому же у нас статусное (в зависимости от должности) неравенство в оплате труда побило все рекорды и разительно даже на госпредприятиях: как видно из приведенной выше на уровне 2012 года таблицы 2.2, – результаты сопоставления доходов топ-менеджмента и средних доходов работников тех же госпредприятий различаются в уровнях уже нередко не в разы, а на порядки.

Теперь снова обратимся непосредственно к современной российской действительности накануне 2018 года, где дифференциация доходов еще больше зашкалила и достигла уже социально опасных размеров (как отмечалось со ссылкой на (Кирута, 2011), коэффициент фондов в целом по стране превысил 20,0, а в Москве он достиг 70 и даже выше, и где справедливо подчеркивается применительно к России

(Шевяков, Кирута, 2009, с. 160): «Можно говорить, что снижение избыточного неравенства позволит не только остановить депопуляцию, но и обеспечить существенно более высокие темпы экономического роста. Именно поэтому показатели неравенства и относительной бедности должны стать ключевым ориентиром согласованной экономической, социальной и демографической политики».

Немаловажно и мнение населения, которое, согласно опросам ВЦИОМ (Елкина, 2016), таково: «Наши соотечественники по-прежнему не могут смириться с доходами «эффективных менеджеров» и при этом не верят в собственные возможности зарабатывать больше. О несправедливости распределения в обществе сегодня, как и 25 лет назад, заявляет подавляющая часть населения (89%). Однако теперь россияне разрешают государству вмешиваться в этот вопрос. Если в 1989 году с тем, что вмешательство в распределение доходов должно сократиться до минимума, соглашались 64% респондентов, то сегодня — только 27%. Это показал недавний опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который охватил 1,6 тыс. человек в 132 населенных пунктах 46 регионов России. Сегодня 51% опрошенных считают распределение доходов в обществе абсолютно несправедливым. При этом 64% заявляют об отсутствии возможностей повышения доходов... Идею ограничить доходы богатых сегодня поддерживают значительно больше людей, чем в годы перестройки. По мнению россиян, разница в зарплате должна быть не более чем в 3–4 раза — это самый популярный вариант, за который проголосовали 32% респондентов (в 1989 году их было лишь 12%). 18% соотечественников считают, что в стране не должно быть миллионеров... 90% уверены, что власть должна гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума (в 1989 году — 84%)...».

Между тем в нашей квазикапиталистической экономике процессы идут скорее в противоположном направле-

нии — так, в статье (Беляев, 2015, с.1) отмечается: «Несмотря на спад в экономике, в прошлом году выросло количество богатых граждан, фиксирует статистика Федеральной налоговой службы. Так, количество налогоплательщиков, задекларировавших за 2014 год доход более 1 млрд рублей, возросло на 5,8% — с 292 до 309 человек. Выросло и количество миллионеров. Так, количество поданных налоговых деклараций с задекларированным доходом от 1 млн до 10 млн рублей выросло на 13% и составило 453 тыс. Увеличилось и количество мультимиллионеров: заработавших в прошлом году от 500 млн до 1 млрд рублей стало на 6,6% больше — 453 человека. «Средний» класс, который задекларировал доход от 10 млн до 500 млн рублей, почти не изменился: было подано 23,5 тыс. деклараций, что на 1% больше аналогичного показателя за 2013 год». Всего же «во время декларационной компании 2015 года количество деклараций увеличилось на 8% и составило 5,4 млн...».

Ранее консультационная компания New World Wealth в своем исследовании отмечала, что в России более 82 тыс. долларовых миллионеров. Большая часть столь состоятельных людей (свыше 52 тыс. человек) проживает в Москве, что тоже убедительно свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне неравенства доходов населения в нашей псевдокапиталистической стране (Львов, 2002, 2004). Дополнительным аргументом будет и приведенное ниже опубликованное в МК авторитетное мнение главного экономиста Института фондового рынка и управления Михаила Беляева о дифференциации уровней заработной платы наемных работников (при среднемесячной начисленной зарплате россиян около 31 тыс. рублей): «Экономика России переживает сложные времена и, прежде всего, хозяйственные невзгоды испытывают на себе, как водится, рядовые граждане. Их доходы сокращаются, а раскрутившаяся инфляция опустошает карманы наших соотечественников. А вот топ-менеджерам госкомпаний волноваться не о чем. Их кошельки не только «не похудели», а даже пополнились, о чем свидетельствует и само название

упомянутой статьи (Беляев, 2015), содержащее информацию о том, что «топ-менеджеры госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих».

Как здесь не вспомнить ситуацию в России времен социалистического развития, например, ситуацию, которую недавно (менее года тому назад) в докладе на заседании МАОН (Международной академии организационных наук) огласил зав. кафедрой экономики Госуниверситета «Дубна» С.А. Панов: «Для непосвященных хочу напомнить о существовании в нашей стране некоего «коэффициента Краузе», равного 2. Герой социалистического труда Краузе Геннадий Леонидович командовал тогда одним из лучших автокомбинатов №1 Главмосавтотранса, включенным в эксперимент Косыгинской реформы. А коэффициент 2 означал, что месячная его зарплата при успешной работе равна удвоенной среднемесячной зарплате водителей комбината, причем производительность труда которых при этом тоже резко выросла». Конечно, неравенство доходов сохраняется, и существенное, но далеко не такое вопиющее, как при зарубежном или нашем родном российском вариантах капитализма, где неравенство в несколько порядков, т.е. экстремально, зашкаливает. Представляется, что можно принять прозвучавший тогда вывод д.т.н., проф С.А. Панова: «Такой коэффициент может стать регулятором разумной, справедливой и эффективной экономики», — явно свидетельствуя в этом плане о достоинствах ее социалистического варианта по сравнению с существующими капиталистическими образцами. Это наше утверждение неплохо гармонирует с известным мнением Джона Мейнарда Кейнса: «Декадентский интернациональный, но индивидуалистический капитализм, в руках которого мы находимся после Первой мировой войны, успехом не увенчался. И не дает желаемого результата. Короче он нам не нравится...». Нам тоже уже после Второй мировой войны и после окончания холодной». Неплохо гармонирует оно и с опубликованным в Интернете 10.02.2015 г. Сергеем Вомалисом уже упомянутым выше результатом исследований

ВЦИОМа: «32% респондентов считают, что разница в зарплатке между богатыми и бедными не должна превышать 3–4 раза». Между тем в (Белуза, 2017) приводится следующая информация: «Глава Минтруда Максим Топилин в Госдуме во время «правительственного часа» рассказал о доходах рядовых россиян и топ-менеджеров: “Богатые россияне в среднем зарабатывают примерно в 15 раз больше бедных, разрыв в зарплатах в России меньше, чем в начале «нулевых», но все еще значительно превышает аналогичные показатели в развитых странах”»

2.3. Заключение

1. Глобализация мировой экономики в качестве своего важнейшего негативного следствия генерировала сохранение во многих, если не большинстве стран – развитых и развивающихся, бедность и неравенство доходов населения, которые и на планете в целом, и в большинстве развитых стран, включая США и Россию, превысили не только рациональный, но и нормально допустимый уровни. То есть имеется, кроме нормального, справедливого, и значительный избыточный уровень неравенства денежных доходов населения и его бедности, с которым желательно бороться с целью его уменьшения до нормального или в идеале до оптимального. Реально эта борьба, как показывает исторический опыт, может оказаться успешной только при соответствующих целенаправленных системных действиях государственной власти, включающих социальные дотации определенным малообеспеченным группам населения, изменение в их интересах налоговой системы и т.д.

2. Хотя в последние десятилетия исследования и обсуждения проблем неравенства денежных доходов населения и его бедности ведутся в ведущих странах планеты довольно интенсивно и квалифицированными коллективами исследователей, многие важные вопросы этой проблемы не только не решены, но являются предметом оживленной дис-

куссии противоборствующих мнений. К ним, в частности, относятся: существует ли связь между динамикой уровня неравенства доходов населения страны и ее экономическим ростом и каков характер (качественный и количественный, позитивный или негативный) этой связи; существует ли корректно выражаемая через характеристики проблемы неравенства доходов населения и его бедности допускающая оптимизацию народнохозяйственная функция полезности и как могут выглядеть (в случае их существования) механизмы поиска допустимых, рациональных и оптимальных уровней неравенства и бедности, а также сами эти уровни.

3. Несмотря на то, что как будто имеется на международном и страновых уровнях консенсус мнений о завышенности существующих уровней неравенства доходов населения и его бедности и, как следствие, целесообразности их снижения, то, как институционально эффективно в современной рыночной экономике должен осуществляться этот процесс — в рамках концепции монетаризма, кейнсианства с его вариациями или как-то еще, является нерешенной проблемой и в теории, и на практике.

4. Следует определиться и с тем, как следует понимать справедливость действий по перераспределению доходов населения с целью уменьшения неравенства и бедности — например путем изменения налоговой системы и др. — так, как это принято в рамках теории социально-экономической эффективности, теории оценки инвестиционных (инновационных) проектов, общей теории принятия решений или как-то иначе. Или приходится согласиться с заключительным аккордом (последней фразой) монографии (Миланович, 2017, с. 317): «В будущем неравенство благодаря глобализации не исчезнет и **выигрыш от глобализации никогда не будет распределен справедливо**».

5. **Лейтмотивом данной работы является поддержка сформулированного в (Шевяков, 2011, с. 6) безвременно скончавшимся директором ИСЭПН РАН**

Алексеем Шевяковым основного принципиального вывода: положения взятой правительством либеральной доктрины, что «снижение дифференциации доходов населения является крайне сомнительной целью социальной политики» и «вмешательство государства в перераспределение доходов отрицательным образом влияет на стимулы к труду», являются глубоко ошибочными, не имеющими подтверждения ни в теории, ни в практике.

Литература к основному тексту монографии

- Абрамов М.Д. (2017). Введение прогрессивной шкалы подоходного налога в России – обязательное условие развития ее экономики // Вопросы политической экономики, № 1. С. 40–52.
- Аганбегян Абел. (2008). Кризис: беда и шанс для России. Проект Россия. М.: Астрель. 285 с.
- Аганбегян А.Г. (2009). Размышления о современном кризисе в России и ее послекризисном развитии // Мир Перемен. С. 9–17.
- Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России (2017) // ЭКО. №9. ИЭиОПП СО РАН. Новосибирск. С. 66–86.
- Аганбегян А.Г. Социально-экономическая ситуация в России // Публичная лекция в РАНХиГС и Презентация к ней (15 слайдов). 16.11.2017 г.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Акаев А.А., Ичкитидзе Ю.Р., Сарагудов А.И., Соколов В.Н. (2016). Постсоциалистическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы на рубеже веков: региональное развитие и экономическое неравенство // Экономика Региона. Т.12. № 3 (Екатеринбург, Институт Экономики УрО РАН). С. 613–626.

- Амосов А.И. У России есть шанс до 2017 года. Что дальше — начало развития или конец цивилизации? (Будущая Россия). М.: ЛЕНАНД, 2011.
- Аттали Жак. (2009). Мировой экономический кризис. Что дальше? СПб.: Питер.
- Баикатова Анастасия. Значительная часть россиян уже не выйдет из кризиса // НГ. 30.05.2017. С.1.
- Баязитова А. В России выросло количество миллиардеров и миллионеров // Известия. 2015. № 134. (29380). С. 1.
- Бедность как экономическая патология // Под общей редакцией проф. И.Б. Загайтова, проф. А.П. Яновского. Воронеж: ФГОУ ВПО ФГАУ 2005.
- Белуза Александр. Размер имеет значение // РГ. Федеральный выпуск. № 7220 (54) 15.03.2017.
- Беляев М. «Зарплатная пропасть» России. Топ-менеджеры госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих // МК № 31 (26743). 16.02.2015. С. 1.
- Бирман Игорь (2010). Капиталистический манифест. М.: «Когито-Центр». С. 96.
- Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. (2008, 2015). Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. 5-е издание. М.: Поли Принт Сервис.
- Воинов Е.В. (2017). Взаимосвязь между неравенством и экономическим ростом: новый подход и эмпирическое подтверждение. // ИЭ РАН (в печати).
- В Правительстве признали резкое обнищание россиян / Newsland, 24.03.2016. URL: <http://newsland.com/user/4296647978/content/v-pravitelstve-priznali-rezkoe-obnishchanie-rossiian/5131883>.
- Вомалис Сергей (2015). Разница в заработке между богатыми и бедными не должна превышать 3–4 раза. Интернет. 10.02 2015.
- Герасимова Ирина, Герасимова Елена. Неравенство денежных доходов населения России пространственно-временной подход // Мир России. 2014. № 2.

- Гимпельсон В.Е.* (2016). Отраслевые сдвиги и межотраслевое неравенство. (2016) // Журнал НЭА № 3(31). С. 186–196.
- Григорьев Л.М.* (2016). Социальное неравенство в мире. Интерпретация неочевидных тенденций // Журнал НЭА № 3(31).С. 160–170.
- Григорьева Инна.* (2017). Научный оптимизм. По прогнозам РАН производительность труда вырастет в полтора раза к 2030 году. //Известия. №234 (29972). 12. 12. 2017. С.1,4.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* (2008). Основания смешанной экономики. М.: Институт экономики.
- Гринберг Р.* (2011). Это трагедия, когда россияне думают, что кто богаче – тот вор, а кто беднее – лох // *Комсомольская правда*. 22 сентября.
- Гринберг Р.С.* (2012). Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр; ИНФРА-М.
- Деготькова Инна* (2017). Вверх с петлей долгов на шее // «Известия», 22.11.2017. С. 1.
- Джомо К.С., Попов В.В.* (2016). Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3(31). С. 146–160.
- Дитон Ангус* (2016). Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Ин-т им. Гайдара.
- Докучаев Дмитрий* (2016). Доходы пустили в расход // Московский комсомолец. 21 ноября. С. 1–2.
- Докучаев Дмитрий.* Проверка на разрыв. Чем опасна пропасть между богатыми и бедными? // МК. 16.08. 2017. №27470. С. 1–2.
- Елкина М.* Россияне хотят, чтобы власть вмешалась в распределение. URL:<http://izvestia.ru/news/589145#ixzz44TkFVILW> (дата обращения: март 2016 г.).
- Емельяненко Владимир.* ВЦИОМ: Каждому десятому россиянину не хватает денег даже на еду.
- Зайцев А.А.* (2016). Межстрановые различия в душевых ВВП и производительности труда. Роль капитала,

- уровня технологии и природной ренты. М.: Макс Пресс.
- Зубаревич И.В. (2010). Неравенство, кризис, модернизация. М. НИСП 2010.
- Иноземцев Владислав (2016). Мечты не сбываются. https://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/8088209.shtml.
- Калантаров П.А., Нейман Л.Р. Теоретические основы электротехники. М.: Госэнергоиздат, 1951.
- Капелюшников Р. (2017) Неравенство: как не примитизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.
- Кейнс Дж. (1936). Теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс.
- Кейнс Дж.М. (2009). Экономические возможности наших внуков. (1931) // Вопросы экономики. № 6. С. 60–69.
- Кламер Арьо (2015). Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.: Изд-во Ин-та им. Гайдара.
- Костюк В.Н. (2001). Нестационарная экономика. Влияние роста сложности на экономическое развитие. М.: URSS.
- Котова Юлия (2017). Трое американских миллиардеров оказались богаче 50% населения США // Ведомости, 09.11.
- Кривошапка Юлия (2017). Богатые не беднеют. Доходы расслаиваются // 04.05. С. 1.
- Кричевский Никита (2017). Страшный сон олигархов. Как нам сгладить имущественное неравенство // МК. 18.03.2017. С. 3.
- Кубишинова Ольга, Прокопенко Александр. Доходы россиян вернутся к докризисному уровню только в 2022 году, а пенсии – никогда // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/05/31/692224-dohodi-vermutsya>.
- Курс экономической теории / Под общей редакцией М.Н. Чепурина и Е.А. Киселевой. Киров: АСА, 2006.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В. (1999). Учет нестационарностей при оценках инвестиций в России // Аудит и финансовый анализ. М.: Изд. дом «Компьютерный анализ». № 1. С. 61–90.

- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* (2008). Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* (2010). Системный анализ нестационарной экономики России (1992—2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: Поли Принт Сервис.
- Лившиц В.Н.* (2013). Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России. 1992—2013. М.: ЛЕНАНД.
- Лившиц В.Н.* (2015). О необходимости изменения действующей парадигмы государственного управления экономикой России. М.: «Экономическая Наука Современной России», №1 (68). С. 18—28.
- Лившиц В.Н., Панов С.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П.* (2016). Бедность и неравенство в России и за рубежом. С. 40—62 // Сборник научных трудов «Математика, Компьютер, Образование», 23. Москва—Ижевск.
- Львов Д.С.* (2000). Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика.
- Львов Д.С.* (2000а). Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М.: Экономика, 54 с.
- Львов Д.С.* (2002). Экономика развития. М.: Экзамен.
- Львов Дмитрий.* Вернуть народу ренту. М.: ЭКСМО, Изд-во Алгоритм.
- Малкина М.Ю.* Оценка факторов внутрирегиональной дифференциации доходов населения РФ // Пространственная экономика, 2015. №3. С. 97—119.
- Мануков С.* (2015). Сколько активов нужно иметь, чтобы войти в средний класс? (совсем немного) // Expert Online. 14 октября.
- Мануков Сергей* (2015) Неравенство в доходах вышло из-под контроля //Expert Online.
- Мартынов А.В.* (2016). Системная трансформация экономики и общества. Российский выбор. М.: ЛЕНАНД.

- Махонин А. (2014). От редакции: Богатые и бедность // *Ведомости*. 23 января.
- Миланович Бранко. (2017). Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Ин-та им. Гайдара.
- МИР в цифрах 2003, 2009, 2013. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес».
- Монусова Г. Чем определяется восприятие неравенства в доходах // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Том 1. С. 53–67.
- Нешиной А.С. (2016). Экономическое развитие России. Настоящее и будущее. М.: ЛЕНАНД.
- Никонова И.А. (2012). Проектный анализ и проектное финансирование. М.: Альпина Паблишер.
- Новокмет Филип. Новые данные о неравенстве доходов в РФ. Неравенству ищут укорот // *Коммерсант*, № 167 (6161). 11.09.2017. С. 1.
- Новокмет Филип, Пикетти Томас // Монография: «От советов к олигархам: неравенство и собственность в России в 1905–2016 годах» (<http://gabriel-zucman.eu/files/NPZ2017pdf>).
- Нуреев Р.М. (2015). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Норма; ИНФРА-М.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // *Журнал НЭА*. № 3(31). С. 170–184.
- Озерова Марина (2017). Прогрессивный налог по-коммунистически: КПРФ считает «средней зарплатой среднего класса» депутатскую – 400 тысяч рублей в месяц // *МК*. 13.10. С. 4.
- Петраков Н.Я., Перламутров В.Л. Россия – зона экономической катастрофы. // *Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России*. М.: Экономика, 1996. С. 136–149.
- Петраков Н.Я. (1998). Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика.
- Пикетти Томас (2015). Капитал в XXI веке // М.: Ад Маргинем Пресс.

- Плигин Владимир, Зубарев Виктор, Фадеев Валерий. Манифест российского политического либерализма // Эксперт. №5 (837), 01 фев. 2013.
- Попов Г.Х. (2012). О цивилизации XXI века. Актовая лекция в Международном университете в Москве 4 сентября 2012 г. Изд-е МУМ.
- Попов С.П. Тенденции энергопотребления: китайский фокус. // Пространственная экономика», 2015 №3. С. 142–157.
- Примаков Е.М., Севастьянов А.Н. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов? Primakov/2014/13/1.html.
- Райбман Н., Базанова Е. (2016). Мировое богатство для 1% населения // Ведомости. 20 января.
- Райнерт Эрик С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными // Пер. с англ. Под ред. В. Автономова. С предисловием К.С. Джомо, Помощника Генерального Секретаря ООН. М.: Изд. Дом ВШЭ. 2015.
- Рогов Сергей. Самая большая проблема – невостребованность науки // www.gazeta.ru/science/2010/04/06.
- Рождественская Яна (<https://newsmail.ru/economics/31155128/?from=newsapp>).
- Розенберг Джерри М. Инвестиции. Терминологический словарь // М.: ИНФРА-М, 1997.
- Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание. Новосибирск. 2015.
- Ремизов М., Восканян М. (2016). Патология неравенства. Эксперт-онлайн. 9 сентября.
- Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциальный патернализм. М., 2015. (рукопись).
- Самуэльсон Пол А., Нордхаус Вильям Д. Экономика. Пятнадцатое издание. М.: Бином-Кио-Рус, 1997.
- Самуэльсон Пол А. Основания экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2002.
- Симонян Р.Х. (2014). Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М.: Экономика.

- Словарь современной экономической теории Макмиллана // М.: ИНФРА-М, 1997.
- Смирнов Константин. Чиновники дорожают на глазах // МК, № 44(27.046). 03.03.2016.
- Соловьев Владимир. Социалист с человеческим лицом // Московский комсомолец, №27055 от 16.03.2016.
- Стиглиц Дж. (2003). Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль.
- Стиглиц Дж. (2015). Лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 г. – Цена неравенства. Чем расслоение нашего общества грозит нашей экономике? М.: ЭКСМО.
- Стиглиц Джозеф, Сен Амартия, Фитусси Жан Поль (2016). Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Сучилин Андрей (2015). Бедность. Почему российская статистика – издевательство над людьми // Электронный журнал благотворительности «Филантроп». Опубликовано 15.06. С. 1–12.
- Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез // Медиа-Пресс. М.: 2013.
- Цифры (2016) // Деньги, № 47(1105). 28 ноября – 04 декабря. С. 7.
- Фомченков Тарас (2017). Богач, бедняк. Разрыв между самыми богатыми и самыми бедными жителями земли достиг рекордного уровня // Российская Газета № 8 (7174) от 16.01.2017. С. 1.
- Шарп У.Ф., Александер Г. Дж., Бейли Дж.В. Инвестиции // М.: ИНФРА-М, 1998.
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2009). Равенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио.
- Шевяков А.Ю. (2011). Мифы и реалии социальной политики. М.: Изд. ИСЭПН РАН.

- Шиповцев С.И. Макроэкономическое равновесие и бифуркации: Россия 90-х годов. М.: Институт востоковедения РАН, 2002.
- Шмидт Гельмут (2003). *Die Zeit*.
- Шпенглер Оскар. Закат Европы. М.: Эксмо, 2006.
- Чуйков А. (2013). Страна нищих // *Аргументы недели*, № 46 (388). 28 ноября. — URL: <http://argumenti.ru/society/n416/301468>.
- Vairoch P. (1999). *Mythes et paradoxes de l'histoire economique? La Decouverte*. Paris: Poche.
- Forbes* (2017). 200 самых богатых бизнесменов России. www.forbes.ru № 05 (158). С. 032–034.
- Klamer A. (1983). *Conversations with Economists*. Totowa, Nj: Rowman & Allanheld (1989) «An Accountant Among Economists: Conversation with Sir John R. Hicks // *Journal of Economic Perspectives*. S. 167—180.

Приложение 1

О ренессансе рыночной мифологии в области неравенства доходов населения и его бедности в России в период трансформационных реформ

Более четверти века в нашей стране длится целенаправленный процесс трансформационных реформ хозяйственного механизма, перехода от глобального централизованного планирования всего и вся к не менее глобальному внедрению, тоже везде и всюду современных эффективных, как думалось тогда, рыночных отношений. Реальность внесла в задумки существенные коррективы и, как показано в (Лившиц В. Н. и Лившиц С. В., 1999, 2008; Лившиц, 2013), в итоге указанного процесса маркетизации страна вошла в глубокий системный социально-экономический кризис, к числу важнейших результатов которого в первую очередь (в дополнение к указанным ранее последствиям) следует отнести:

- а) позитив: расширение ассортимента возможного приобретения населением продовольственных и промышленных потребительских товаров, ликвидация очередей за покупками их платежеспособными россиянами, расширение спектра коммерческой доступности населения к социальной, политической, экономической и т.д. информации, генерируемой отечественными и зарубежными СМИ, определенная демократизация жизни населения (легализация разных форм собственности с возможностью создания негосударственных предприятий различного масштаба — крупного, среднего и мелкого бизнеса, функци-

онирования неантагонистических властей, но все же многих различных партий, ассоциаций, фондов и т.д., возможность без райкомовского благословения туристического выезда во все зарубежные страны, дополнительного коммерческого, т.е. за свои деньги, использования более качественных социальных и материальных благ (в сферах здравоохранения, образования, спорта и др.), ранее доступных не всему населению, а только представителям официальной элиты;

- б) негатив: фактически разрушение созданного в советское время мощного многоотраслевого производственного потенциала страны с закрытием десятков тысяч предприятий, появление ранее отсутствовавшей в послевоенное советское время значительной безработицы, сокращение продолжительности жизни россиян, недопустимая дифференциация их доходов — обнищание основной массы населения с появлением одновременно долларовых миллиардеров (их сегодня в России 96) и долларовых миллионеров (их около ста тысяч) и одновременно десятков миллионов россиян с доходами ниже нищенского российского прожиточного минимума (в 2017 году их, согласно Росстату, более 19 млн человек из 144 млн россиян).

И невооруженным глазом видно, что негатив значительно более значим, чем позитив, т.е. общественно-экономический баланс проведенных рыночных трансформационных реформ резко отрицательный. Об этом прямо говорится, и этот факт обосновывается в ряде фундаментальных монографий (Гринберг, 2012; Лившиц В.Н. и Лившиц С.В., 2010; Лившиц, 2013; Львов, 2002), в которых показано, что основными причинами такого дисбаланса являются следующие пять положений.

1. В основу проведения реформ была положена не та, которую следовало бы взять у нас на вооружение, макроэкономическая теория — была взята праволиберальная (неолиберальная) монетаристская в российском исполнении, т.е. с

явно недостаточным учетом специфики российских институтов, менталитета бизнес-элиты, населения и чиновничества, нестационарности нашей экономики и т.д. И на основе этой теории и предложений МВФ, сформулированных в рамках Вашингтонского консенсуса (одномоментная либерализация основной совокупности потребительских цен, массовые разгосударствление и приватизация, финансовая стабилизация и др.), реформы были проведены разрушительным для условий России методом «шоковой терапии».

2. Реформы в значительной степени опирались на многочисленные мифы — бытующие и непосредственно связанные с принятой теорией правдоподобные, но неверные, особенно в практическом преломлении, представления и рекомендации западных международных финансовых организаций и их российских представителей-советников, плохо согласованные с нашими реалиями.

Здесь следует отметить, по нашему мнению, очень важные соображения, высказанные в статье (Ивантер, Механик и др., июнь 2013), где утверждается, что сформулированные в 1989 году экономистом Джоном Уильямсоном десять принципов, которые, по его мнению, выражали согласованную политику «политического и технократического Вашингтона в отношении погрязшей во внешних долгах Латинской Америки», приобрели в то время необычайную популярность... Как только начал рассыпаться Восточный блок в Европе, а затем СССР, политика консенсуса была применена на постсоветском пространстве. Она в меру разумна, в чем-то выглядит само собой разумеющейся, хотя и имеет принципиальную особенность: явно и не очень явно предпочитает интересы внешних по отношению к национальным экономикам агентов их собственным интересам⁸⁰.

80. «...Основные меры Вашингтонского консенсуса — это профицит бюджета, сокращение госрасходов и их локализация в сферах медицины, образования и инфраструктуры, расширение налоговой базы, реальная положительная ставка процента, благоприятный для экспортеров обменный курс (в дальнейшем — свободно плавающий курс), либерализация внешней торговли, либерализация притока прямых иностранных инвестиций, обязательная приватизация государственных предприятий, дерегулирование экономики. Гарантирование

3. Далеко не полностью при проведении реформ были поняты особенности исторического опыта развития и сложность экономической структуры российского государства и общества, важность учета различных проявлений его специфики, которые реально требовали, с одной стороны, корректного применения методов системного анализа макроэкономических процессов, а с другой стороны, достаточно адекватной характеристики на его основе особенностей функционирования и развития в период проведения реформ нетривиальной переходной российской экономики. По этим причинам в работе излагаются также и основы прикладного системного анализа, и проводится сравнительный общетеоретический и конкретный статистический анализ стационарных и нестационарных экономических систем, вообще говоря, достаточно краткий, но применительно к периоду реформирования российской экономики несколько более подробный.

4. В силу указанных выше в п.п. 1–3 положений при относительной правильности принятой общей стратегии реформирования нашей экономики — *отказ от глобального централизованного планирования всего и вся (производства*

прав собственности, по признанию Уильямсона, приписано сюда, чтобы получить круглое число пунктов. Сам автор консенсуса отмечал, что «Вашингтон не всегда практикует то, что проповедует иностранцам», и что «ни одна из идей, порожденных идеями экономики развития... не играет никакой существенной роли в Вашингтонском консенсусе» и поэтому возникают сомнения в правильности такой линии экономического поведения, «неявного устранения от развития». Однако, несмотря на сомнения автора Консенсуса, за минувшее с конца 1980-х время эта линия только усилилась. Поскольку развитые страны начали было выводить свою промышленность в третий мир, то именно в таком ключе там стали говорить о концепции постиндустриального общества... Возможно, так, задним числом ищется оправдание политике реформаторов гайдаровского призыва, приведшей у нас к обвальной деиндустриализации. Но зачем же проецировать эти ошибки в будущее, подводя под них «теоретическое» обоснование, в то время как США и другие страны промышленного капитализма проводят реиндустриализацию? А затем, что индустрия и идеи Консенсуса несовместимы... Отечественные неолибералы (а Вашингтонский консенсус общепризнанно носит неолиберальный характер) строго следуют его идеям, наглухо изолировав инновационную политику от индустриализации и возведя ее в ранг самостоятельного культа... В целом те меры Минфина США, МВФ, Всемирного банка и еще ряда организаций, чьи штаб-квартиры находятся в Вашингтоне (отсюда и название консенсуса), которые Джон Уильямсон обобщил в своих «десяти принципах», предпринимались в 1980-е годы для разрешения долгового кризиса в экономиках стран Латинской Америки, в интересах, прежде всего, их американских кредиторов».

производства, ее распределения, потребления, цен на ресурсы и результаты их использования и т. д.) и замены его (не менее глобальным внедрением, тоже почти везде и повсюду) современными и эффективными, как думалось тогда, рыночными механизмами и отношениями – принятая тактика реализации стратегии, в основном соответствовавшая положениям Вашингтонского консенсуса, генерировала в нашей стране катастрофические последствия, конечным итогом которых и стало развитие глубокого системного долгосрочного социально-экономического кризиса.

5. По существу игнорировалось то, что для реализации рационального выхода из кризиса, повышения уровня жизни основной массы россиян и эффективности российской экономики, в том числе ее трансформации со временем из глобально-сырьевой в инновационную экономику знаний, первостепенное значение имеет совершенствование инвестиционной политики, включая адекватное нашим условиям развитие и использование корректных методов оценки эффективности инвестиционных проектов.

Можно и иначе, более кратко формулировать содержание вышеприведенных пяти причин, например так, как это сделано в монографии (Лившиц В.Н. и Лившиц С.В., 2008, с. 47–48): *основной причиной российских бед в последнее десятилетие минувшего века является теоретическая непроработанность процессов реформирования плановой экономики и, как следствие, неэффективность принятого пути, в том числе и из-за неадекватности профессионализма и менталитета оказавшихся у руля реформаторов тем задачам, которые им приходилось решать.* Иными словами – реформы у нас проводились неплохо образованными (все с высшим образованием, некоторые с учеными степенями кандидатов и докторов экономических наук), но, по гамбургскому счету, очень неграмотными реформаторами. Примерно так же определил главную причину возникновения и развития российского кризиса и выдающийся экономист,

лауреат Премии памяти Альфреда Нобеля по экономике 2001 года, бывший старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка, а перед этим советник по экономике Президента США Б. Клинтона Джозеф Стиглиц в докладе (Стиглиц, 1999, с. 6), где он отметил, что дело в непрофессионализме организаторов реформ, в непонимании ими «самых основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ». Именно эта причина – отсутствие теоретической ясности, понимания процесса перехода к рынку в России вообще, и у стоявших за штурвалом правителей в частности, и представляется главной причиной неудачи реформ в нашей стране. Все же остальное, включая коррупцию и криминал в невиданных в былые времена у нас давно уже размерах, – просто приложилось на благодатную почву, интенсивно взрыхленную энергичными и не очень разборчивыми в достижении своих, а не российских народнохозяйственных, целей властными реформаторами и нереформаторами.

Рассмотрим далее более подробно в соответствии с названием и целью настоящего подраздела работы второй из приведенных пяти пунктов – виновников системного долгосрочного кризиса в России, основное внимание уделив МИФАМ как основному компоненту актуализировавшейся в последнее время у нас МИФОЛОГИЗАЦИИ. Прежде всего отметим, о чем конкретно идет речь, перечислив вначале (только перечислив, не раскрывая деталей, поскольку это подробно уже сделано в указанных выше авторских монографиях). Собственно их (МИФОВ с бородой, т.е. старых указанных мною ранее) пятнадцать следующих (список, естественно, неполный).

***Миф первый:** наиболее надежной теоретической базой для перехода от централизованно-плановой к рыночной экономике является неolibеральная монетаристская теория.*

***Миф второй:** закономерности перехода от централизованно-плановой к рыночной экономике в главных своих чертах во всех странах одинаковы.*

Миф третий: мероприятия, эффективность которых проверена зарубежной практикой, эффективны и в нашей стране.

Миф четвертый: наиболее рациональным способом проведения массовых экономических преобразований является их проведение по относительно простой, понятной народу и элите логике действий. При этом, если ей — финансовой, чиновничьей и т. д. элите — будет хорошо, то хорошо будет и всем россиянам.

Миф пятый: наиболее эффективным способом перехода от централизованно-плановой к рыночной экономике является шоковая терапия, к тому же в конце 1991 г. бывшая безальтернативной.

Миф шестой: неэффективность советской экономики (особенно в последние два десятилетия существования Советского Союза) определялась тем, что в нем существовала единственная — государственная форма собственности.

Миф седьмой: собственность государственная, т.е. ничейная, и поэтому неэффективная, если ее передать в частные, т.е. хозяйские руки, очень быстро заработает.

Миф восьмой: не так важно, в какие руки перейдет передаваемая государственная собственность — пусть хоть в криминальные, лишь бы хозяйские. Ведь первые Морганы, Дюпоны, Рокфеллеры и т.д. тоже были не ангелы.

Миф девятый: процесс глобальной приватизации государственной собственности обеспечит в недалекой перспективе глобальное финансово-экономическое возрождение и социальное процветание страны, заметное повышение доходов и уровня жизни населения.

Миф десятый: непосредственным следствием реформирования централизованно-плановой экономики в производственной сфере будет рост отечественного производства и его конкурентоспособности на мировом рынке, существенное повышение эффективности производства.

Миф одиннадцатый: непосредственным следствием реформирования централизованно-плановой экономики в

социальной сфере будет быстрое создание мощного среднего класса, носителя рыночной идеологии и основного участника рыночных процессов.

Миф двенадцатый: государство по возможности должно поменьше вмешиваться в бизнес, чем меньше его присутствие в экономике, тем лучше. Чем меньше доля государственной собственности, тем эффективнее экономика.

Миф тринадцатый: главный удел государственной экономической политики, как это и логически вытекает из принятой на вооружение монетаристской концепции — кредитно-денежная политика, т.е. регулирование денежной массы, сдерживание инфляции, поддержание стабильности курса национальной валюты и др.

Миф четырнадцатый: необходимо жить по средствам, сдерживая реальный дефицит бюджета, соответственно сокращать налоги и государственные расходы (в том числе, и, как показывает опыт российских реформ, прежде всего в социальную сферу — образование, здравоохранение, науку и т.д.).

Миф пятнадцатый: необходимо всемерно поддерживать имидж и международный статус России как великой политической и экономической державы.

Но свято место пусто не бывает, и множество старых мифов довольно интенсивно последнее десятилетие пополнялось. Рассмотрим еще два списка мифов, больше относящиеся не к экономической, а к финансовой и социальной сферам российской хозяйственной практики и опубликованные видными ее игроками.

Мифы Кудрина

Миф 1: «...инфляция в нашей стране носит преимущественно немонетарный характер, следовательно, ее бессмысленно регулировать мерами денежной политики, и Банк России должен отказаться от таргетирования инфляции как своей основной задачи, поскольку с ней можно справиться с помощью ограничения монопольных тарифов».

Миф 2: «...экономический рост сдерживается недостаточностью денег, следовательно, его можно подтолкнуть с помощью расширения денежного предложения».

Миф 3: «...экономический рост можно разогнать, задействовав имеющиеся в стране значительные незагруженные производственные мощности с помощью смягчения денежно-кредитной политики – снижения процентной ставки».

Миф 4: «...увеличению темпов роста может способствовать какой-либо аналог политики количественного смягчения – предоставления дополнительной ликвидности на льготных условиях».

Миф 5: «...возвращение ЦБ к активной валютной политике – вплоть до фиксации валютного курса на заниженном уровне – будет способствовать росту за счет снятия с российских компаний валютных рисков, усиления конкурентных позиций экспортеров и компаний, ориентирующихся на импортозамещение».

Мы текстуально процитировали фрагмент работы Алексея Леонидовича, но это не означает полное с ними согласие и совпадение с обозначенными там мыслями наших взглядов и с идентификацией их МИФАМИ. Частично это так, но корректный их системный анализ выходит за рамки данной статьи и требует специального рассмотрения. Скорее их можно было бы называть полумифами, если бы такой термин был корректен теоретически и употребителен, т.е. практически полезен, но это не так. Здесь же эти положения приводятся лишь для подтверждения мысли о ренессансе мифологии и о необходимости системной экономической осторожности при их использовании. Более близки нам по реальному социально-экономическому содержанию как МИФЫ приведенные в (Шевяков, 2011, с. 7–43) положения, перечисленные и кратко прокомментированные в следующем списке. Более полный их анализ, с которым в основном можно согласиться, содержится в указанной монографии Алексея Юрьевича, написанной им незадолго до его внезапной кончины и выпущенной в свет уже после нее.

Мифы Шевякова

(не им придуманные, а им идентифицированные как мифы)

Миф 1. Уровень жизни стабильно растет

Реально же, как правильно пишется на с. 7 его монографии, даже в тучные годы (1999–2007), «несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов... социальная поляризация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и зарплат не уменьшалась, а продолжала нарастать».

Миф 2. Рынок все исправит

Реально же осуществленный в 90-е годы нашими властными неолибералами переход в России к псевдорыночным отношениям привел к тому, что созданная экономическая система (Гринберг, 2012) «стала синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 90-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки возврата к авторитарному режиму», а рынок не исправил, а «разрушил все, что не давало быстрой прибыли» (Там же, с. 17–18). В итоге (Шевяков, 2011, с. 19) правильно, по нашему мнению, пишет, что «“Все-сильная рука рынка” в развитых страна отнюдь не играет такой роли, которая ей вменяется в произведенных и ныне планируемых российских реформах».

Миф 3. Экономический рост решит основные социальные проблемы

А.Ю. Шевяков в монографии (с. 19) обоснованно пишет, что «судя по всему, правительство остается в плену представления, что «экономический рост автоматически приводит к успешному решению социальных проблем и повышению уровня жизни большинства населения, а все проблемы социальной сферы лежат в ресурсной плоскости. **Это не так. Точнее, не совсем так**». Действительно, в монографии (Шевяков, 2011, с. 11–14) статистически доказано, что с 1990 по 2009 г. в России «у 20% малообеспеченного населения про-

изошло относительное сокращение доходов почти в два раза на фоне более чем полуторного увеличения доходов 20% богатых. Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами не только не разбогатели, но и не восстановили уровень благосостояния, имевшийся у них в 1990 году. А группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности... С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным... когда не происходит снижения бедности по мере экономического роста», т.е. рассмотренные три положения являются МИФАМИ, а так как они охватывают все население страны, к тому же являясь крупномасштабными, то ответственную государственной власти на них опираться нельзя. А в России они могли лишь привести и привели к дальнейшему росту бедности населения, усугублению других острых его социальных проблем, включая рост и так уже зашкаленного неравенства и дифференциации доходов различных групп россиян. Более полное обоснование таких и других негативных последствий проведенной реформаторами «шоковой терапии» и использования других «прелестей неолиберализма» имеется в ряде работ, в том числе (Лившиц, 2013; Примаков 2015; Шевяков 2011;), причем в последней из упомянутых монографий при системном (теоретическом и статистическом) анализе остальных не рассмотренных выше мифов 4–10.

Миф 4. Рост неравенства неизбежен.

Миф 5. Адресная помощь бедным — основной путь повышения жизненного уровня.

Миф 7. Равнодоступность услуг социальной сферы (жилье, образование, здравоохранение, и т.п.).

Миф 8. При нашей «плоской» шкале налогов налогообложение для всех равномерное.

Миф 9. «Догнать и перегнать».

Миф 10. Требования справедливости — основной мотив для снижения неравенства.

Конечно, перечисленные три десятка мифов и полумифов не исчерпывают всего их множества, существующего и даже используемого российскими властными структурами, тем более что наш псевдорынок часто генерирует их новых представителей, т.е. мифология цветет и расцветает, представляя все новые возможности нашим неолибералам расширять построенный им в стране олигархат.

Удивляться этому особенно не стоит, если обратить внимание на мотивацию действий А.Б. Чубайса, по не очень понятным причинам довольно откровенно им высказанную в малоизвестном интервью про приватизацию, которое Александр Гентелев, документалист, выложил на Youtube (оно приведено в Интернете, получено нами 24.02.2010 по E-mail, его и сегодня можно там воочию увидеть и услышать): «Борт самолета. Чубайс разоткровенничался про приватизацию: **«Не Западу судить. Мало что понимает в этом Запад. Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма.** Это разные задачи, с разной ценой. Мало на Западе кто понимает, что такое коммунизм и какую цену заплатила наша страна за это. Мало кто это понимает на Западе. Что такое приватизация для нормального западного профессора, для какого-нибудь Джеффри Сакса, который пять раз менял свою позицию по этому поводу и докатился до того, чтобы отменить приватизацию и начать все заново? Для него в соответствии с западными учебниками это классический экономический процесс, в ходе которого оптимизируются затраты на то, чтобы в максимальной степени эффективно разместить активы, переданные государством в частные руки. А мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма. **Дорого ли, дешево, бесплатно, с приплатой — двадцатый вопрос, двадцатый.** А первый вопрос один: каждый появившийся в России частный собственник — это необратимость. Это необратимость... Приватизация в России до 97 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более

на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили. Мы решили ее полностью... ». Отдавая должное цельности такого откровенного мышления А.Б. Чубайса и согласованного с ним его поведения, в недалеком прошлом бывшего, как и его отец, убежденным коммунистом, а ныне главы госкорпорации «Нанотехнология» и еще более убежденного антикоммуниста, возникает вопрос, если бы эти оригинальные соображения реформаторами были высказаны так же откровенно населению России на десять лет раньше, в 1992 году, то могла ли бы вообще произойти в нашей стране «приватизация по Чубайсу». И много других непростых вопросов еще возникает... Особенно если учесть, что результаты его минувшей деятельности в реформировании хозяйственной системы страны, электроэнергетики, да и нынешней в области нанотехнологий, по нашему (и не только) мнению, явно оставляют желать лучшего... И еще мнение насчет приватизации, гвоздя и крышки гроба, адрес которого кажется главный российский нанотехнолог сильно перепутал — более логично предположить, что, обсуждая высказанные им цели и особенно общеизвестные итоги приватизации, речь должна была идти о разрушении не коммунизма, а России, ее экономики и социума, ее научно-технического развития и их крышки гроба... Вот как, например, на евразийском форуме «Инновации и международная интеграция» в Вероне 29.10. 2012 г. ответил в интервью по связанному поводу летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Гречко корреспонденту «Известий» Марии Кунле на ее вопрос: «Что, как вы считаете, в Роскосмосе... надо сделать в первую очередь, чтобы остановить снижение качества и надежности российской космической техники?» Ответ Г. Гречко: «Роскосмос здесь не при чем. Что вы с ним ни делайте, никакого улучшения не будет, потому что кризис намного глубже, намного серьезнее. Началось это все с приватизации. Как только наши предприятия превратили в акционерные общества, их руководителей стало больше интересоваться, как бы выкачать побольше денег, а не

то, как бы лучше делать космические продукты. И они очень быстро уволили самых опытных пожилых специалистов. И проектировщиков, и инженеров, и техников, и рабочих. Потом набрали молодых, неопытных. Прошло столько лет, подготовки рабочих нет по-прежнему... Космос — это... не частная лавочка... А частникам космос не нужен, потому что им нужны короткие деньги, вложил — заработал — убежал. А космос — это всегда длинные деньги...». Да и сам Анатолий Чубайс в период подготовки и проведения приватизации по ее поводу высказывался, порой и в печати, вполне в духе французских просветителей XVIII века или советских экономистов — сторонников социализма и оптимального планирования, не претендуя забивать «крышку гроба коммунизма». Так, в статье в газете «Известия» 29 сентября 1992 года А. Чубайс писал: «На самом деле право на владение и распоряжение собственностью и ресурсами, по определению, должно принадлежать людям, усердием и трудом которых они добываются и создаются. Это не какая-то очередная милость государства или уступка действующего от его лица аппарата — это только восстановление исторической справедливости, возвращение к нормальному ходу вещей...». Вот как удивительно на публику он говорил в начале реформ.

Приложение 2

О новой предлагаемой парадигме государственного регулирования экономики как эффективном средстве снижения бедности и неравенства доходов населения в России

Четверть века кардинальных преобразований экономики и социума России, начатых позднесоветской перестройкой (1985–1991 гг.) и продолженных постсоветскими неоллиберальными реформами (запущенными в 1992 г. и к настоящему времени еще далекими от завершения), ознаменовано многими существенными (принципиальными) изменениями всего строя жизнедеятельности страны. При этом нельзя сказать, что за прошедшие годы в обществе достигнуто окончательное одобрительное согласие по поводу того *что, в каком направлении, как и зачем* должно было и продолжает меняться в нашей жизни. Резко неоднозначно оцениваются и *результаты* (последствия) произошедших изменений. Показателем контрастного расслоения общественного мнения по указанным принципиальным вопросам служит не только не снижающийся, но в последние годы даже возрастающий уровень остроты профессиональных и политических дискуссий о *целях, способах и цене преобразований*. Эти дискуссии стали активно подогреваться начавшей неуклонно ухудшаться к концу «тучных» нулевых годов экономической ситуацией в стране – на смену нефтедолларовому экономическому росту, достигавшему 7–8 процентов в отдельные годы, пришли стагнация, а затем и рецессия⁸¹. Особенно

81. К такой оценке сходились и государственные чиновники, и научные эксперты. Так, пришедший из руководства ЦБ РФ новый глава Минэкономразвития России А. Улюкаев вскоре заявил о переходе экономики в стадию стагнации, т.е. снижения темпов роста ВВП.

обострилось положение в 2014 г., когда в связи с событиями в Украине и Крыму против России были введены международные санкции.

Такой быстрый неблагоприятный разворот в развитии страны стал совокупным следствием действия нескольких крупных негативных факторов: как *ситуативных*, так и *фундаментальных*. В числе первых следует назвать потрясший страну *вслед за глобальным циклическим* (2007 г.), гораздо более глубокий, нежели в других странах, *внутри-российский кризис* (2008 г.), выход из которого к тому же чрезмерно затянулся на общемировом фоне. В ряду фундаментальных факторов, по нашему мнению, доминирует выбранная в 1991 г. и сохраняющаяся неизменной в своих ключевых чертах *модель общественных преобразований*, опирающаяся на политико-идеологическую *доктрину*, ориентирующаяся на *ценности* и использующая *инструменты* и *институты* так называемого *западного либерализма*, который родился в особых условиях стран зрелых рыночных экономик и буржуазных демократий и был востребован для решения специфических задач их опережающего постиндустриального развития.

В современной же (постсоветской) России *ни похожих условий* не было и нет, *ни аналогичных задач* не стояло и не стоит перед ней. Поэтому можно уверенно констатировать категоричную *неадекватность* этой модели⁸² для

Действительно, в 2011 и 2012 г. приращение ВВП составило соответственно 4,3 и 3,4%, в 2013 г. прогнозировался темп, превышающий 4%, однако фактически он опустился до 1,3%. В 2014 г. надежда, по мнению министра, на заметный рост вообще не было – во втором квартале 2014 г. ВВП по отношению к аналогичному периоду предыдущего года ВВП вырос всего на 0,8%. На этом основании многие эксперты ожидали, что прирост в 2014 г. в целом окажется около нуля. Так, по мнению директора Института стратегического анализа ФБК И. Николаева, темп прироста экономики России в 2014 г. не превысит 0,5% (Николаев, 2014). Почти единодушно мнение, что 2015 год – рецессионный...

82. Систему мышления (модель), в рамках которой проводились в России катастрофические (Перламутров, Петраков, 1995; Петраков, 1998) социально-экономические реформы 90-х и которая продолжает определять принципиальные установки нового этапа реформ, можно охарактеризовать как *российский правый либерализм* или даже – *неолиберализм*, который не следует путать, и тем более отождествлять, с другими теоретическими «измами», тоже излагаемыми в учебниках по экономической теории, например с успешно разрабатываемой

решения проблем *трансформационного периода* развития нашей страны. Для такого вывода, наряду с вескими теоретическими соображениями, серьезнейшие основания дает и многолетняя практика перманентного реформирования, в ходе которого так и не удалось добиться решения знаковых для переходного этапа проблем, ставших по сути дела хроническими. Политическое самомнение, питаемое доктринерской самоуверенностью «реформаторов во власти», так и не привели в ходе реализации указанной модели к установлению *построенной на новых принципах, содержательно целостной и внутренне непротиворечивой, экономически эффективной и социально приемлемой системы организации жизнедеятельности*, способной обеспечить долгосрочное и устойчивое развитие страны, решающей в принципиально новых внешних и внутренних обстоятельствах в высшей мере *специфические задачи трансформационного периода*.

Разумеется, следует признать, что эта модель в своем законченном виде сложилась не в одночасье, и на протяжении указанного довольно длительного периода преобразований она претерпевала известные корректировки. Тем не менее, как неоднократно показано многими исследователями, реформирование жизнеустройства страны при всех смысловых нюансах и политических колебаниях все же последовательно и неуклонно происходило в русле вполне определенных принципиальных представлений о *целях*,

в ИЭ, ЦЭМИ и некоторых других экономических институтах РАН эволюционной, институциональной и др. теориях (О развитии институционализма в России в 20–21 веках см., например, в (Кирдина, 2015), а взаимосвязи институциональных систем с внешней социально-экономической средой проанализированы в (Овсиенко, 2014). Конечно, здесь есть и серьезная ненадуманная трудность, связанная с тем, что большинство наших учебников списано с западных и в них излагается стационарная рыночная экономика, а обучающимся по этим учебникам нашим экономистам после окончания вуза придется (если придется) работать в России в совсем другом — нестационарном макроэкономическом окружении. Невольно в связи с этим хочется напомнить финальный вопрос из основного содержания посвященной теореме Коуза блестящей брошюры (Капельюшников, 2006, с. 21): «Какая же неразбериха должна царить в головах студентов, которым приходится по этим учебникам учиться?»

характере и механизмах проводимых реформ (Лившиц и др., 2014). Это позволяет достаточно обоснованно интерпретировать идейные установки *выбранного реформаторами, поддержанного государственной властью и навязанного обществу* политического курса в качестве сугубо специфичной и принципиально неизменной неолиберальной *парадигмы*, определяющей вплоть до настоящего времени *общий ход и основные результаты преобразований*.

Важно также подчеркнуть, что вследствие именно отмеченных фундаментальных причин, коренящихся в неизменности указанной парадигмы, в России за годы реформ так и не удалось преодолеть *системный кризис* государства и общества. В силу тех же фундаментальных обстоятельств и разразившийся в стране в 2008 г. циклический кризис на общемировом фоне стал гораздо более сильным и затянувшимся (Аганбегян, 2012). Не исключено и вполне допустимо, что именно неудачи антикризисной политики российских властей могли спровоцировать их спонтанную и неадекватную реакцию на события в Украине, вызвавшую напряженность в отношениях и с Западом, и с партнерами по ЕАЭС, и в итоге только усугубившую кризисную ситуацию в самой России.

Таким образом, коль скоро многие существенные последствия многолетнего следования указанной (неолиберальной) модели общественных преобразований не отвечают новым вызовам времени и вызывают неснижающуюся неудовлетворенность в обществе, логично возникает принципиальный вопрос о целесообразности продолжения прежнего курса, а значит, и о необходимости отказа от прежней и *перехода к новой системной парадигме* социально-экономического развития страны⁸³.

Проведение такого масштабного маневра потребует проведения комплекса (программы) принципиальных изменений *в системе государственного целеполагания и регу-*

83. Говоря о системной парадигме, мы придерживаемся определения этого понятия, введенного Я. Корнаи (Вопросы экономики, № 4, с. 4–7).

лирования социально-экономического развития страны. Эти важнейшие изменения должны согласованно охватить все ключевые компоненты государственной социально-экономической политики. Рассмотрим далее последовательно необходимые, по нашему мнению, их изменения.

Масштабность и сложность таких преобразований не позволяет охарактеризовать их в полной мере в рамках отдельной публикации. Поэтому вынужденно ограничимся лишь лапидарным изложением наиболее важных направлений предлагаемых действий, избегая развернутых обоснований и отсылая за более подробной соответствующей информацией к ряду наших собственных публикаций, а также работ некоторых других авторов.

Изменения в области кадровой политики

Начнем именно с этого компонента, понимая, что «кадры решают все». Представляется, что прежде всего следует переориентировать в рамках этой политики существующее *de facto* назначение на роль крупных руководителей (отраслями, регионами, госкорпорациями и др.) на основе принципа личной властной близости (партийной, родственной, дружеской и др.) на выдвижение их исключительно по соображениям высокого профессионализма претендентов в конкретных сферах государственного управления (социальной, экономической и т.д.). Вряд ли можно считать эффективным и даже просто разумным наше отечественное открытие в теории и практике менеджмента – осуществление *кадровых рокировок*, недавним примером которых является взаимная перестановка 2008 года первых лиц в нашем государстве, в 2013 году руководителей Минэкономразвития и Центробанка РФ.

Свидетельств неэффективности системы кадрового непрофессионализма великое множество. Можно напомнить наиболее яркие деструктивные фигуры. Например, председатель правительства А. Кириенко (1998 г.), доведший руководство экономикой страны до дефолта, или глава обо-

ронного ведомства А. Сердюков со славной женской командой его помощников-заместителей генеральского уровня и многозвездными генералами командовавшие, допустив при этом немалый расцвет коррупции в Минобороны РФ, или «непотопляемый эффективный менеджер» А. Чубайс, прославившийся реформированием (кажется, точнее было бы сказать «разрушением») созданной в советское время эффективной и надежной централизованно управлявшейся электроэнергетической системы России, а также организацией приватизации госсобственности, не зря прозванной россиянами грабительской прихватизацией. Накануне этого процесса были неосторожно обнародованы обещания того, что выданный всем россиянам безымянный ваучер будет по ценности на уровне двух автомобилей, а итогом акционирования и приватизации электроэнергетики станут: массовый приток в отрасль иностранных инвестиций; последовательное снижение (из-за ставших частными и конкурирующими генерирующих электроэнергию станций) затрат на производство и тарифов на электроэнергию; повышение надежности всей электроэнергетики. Однако на практике все основные обещания реализовались с точностью до наоборот: ценность ваучера, действительно, обычно тянула на пару... но не автомобилей, а бутылок водки; иностранные инвестиции фактически не пришли, а вынужденно пришли возросшие бюджетные; тарифы на электроэнергию непрерывно стали расти, и этот рост предусматривается и в будущем; произошло резкое снижение надежности системы, и одна авария стала следовать за другой – сначала в Чагино, затем в Питере, затем зимой под Москвой и, наконец, беспрецедентная для нашей гидроэнергетики Саяно-Шушенская катастрофа и др.

Изменения в области ресурсно-технологической политики

Следует добиваться изменения роли экономики России как природноресурсного, прежде всего нефтегазового, при- датка Запада и потребителя-пользователя создаваемых там

инновационных эффективных технологий добычи, переработки и использования этих ресурсов. Необходимо перейти на диверсифицированную структуру современного рыночного производства, приближаемую постепенно к технологиям «экономики знаний», учитывающим российские особенности. Интересно в этом плане мнение известного юриста Александра Перчика, в то время заведующего кафедрой горного права РГУНГ им. И.М. Губкина, который в статье «Нефтяные сливки» («Российская газета», № 241 (3618), 30.10.04, с. 1) отмечал: «...по сути нефтяники работают бесконтрольно. Компании сами заказывают проекты и сами их утверждают... Все бы ничего, если бы у нас было много запасов. Но и это миф. Необоснованное форсирование добычи нефти, обеспечивая интересы нынешнего поколения, оставляет «на бобах» будущие... Все это похоже на пир во время чумы».

Естественно, что на этом пиру при диверсификации производства придется внести большие изменения и в систему подготовки высококвалифицированных кадров, выпуская их в необходимых количествах как профессионалов не только пользователей, но и разработчиков новых технологий для всех нуждающихся в этом сфер, отраслей и регионов нашей экономики и социума. Необходимо отказаться от пропагандируемой концепции «не надо изобретать велосипед» и обучения россиян только возможностям использования созданных и купленных на Западе технологий XXI века, а, как и ранее в советское время, готовить и их разработчиков во всех сферах.

Конечно, все это должно делаться не с чистого листа, а на основе соответствующей предварительно разработанной теории, и здесь есть, как мне кажется, серьезные трудности и психологического характера: с легкой руки нескольких наших известных и талантливых научных работников укоренилось мнение о якобы имеющемся в мире и в нашей стране серьезном «кризисе экономической теории». С этим я совершенно не согласен, хотя бы потому, что даже в пределах одного института (ИЭ РАН) уже в этом веке, по моему мнению,

достигнуты весьма серьезные **теоретические новые** результаты, получившие и позитивное международное признание (соответствующие премии). Это (см. литературу): и развитие экономической социодинамики (Р. Гринберг и А. Рубинштейн), и теории воспроизводства (В. Маевский, С. Малков), и методологии экономического анализа (А. Рубинштейн) и институционально-эволюционной теории (С.Г. Кирдина, В.И. Маевский, О.С. Сухарев), о содержании фундаментальной неопределенности рынка (Ю.Я. Ольсевич) и многое другое. Азм грешный тоже считаю, что новыми в экономической теории и полезными для нашей страны были и мои вместе с ближайшим научным окружением и соавторами докладов на конференциях теоретические разработки по введению в рассмотрение и изучению особенностей нестационарных макроэкономик и корректности способов принятия в них различных решений (в том числе инвестиционных и вообще в рамках теории эффективности хозяйственных решений) в этих условиях. И этот список авторов теоретических новаций примерно до полуста имен известных экономистов-сотрудников ИЭ и членов нашего теоретического семинара нетрудно продолжить... Какой же при этом кризис теории? Как социал-демократ и атеист по своим взглядам, я на это могу только воскликнуть: «Побойтесь Бога, господа ученые-экономисты! Так не передергивали даже аспиранты-политэкономы».

Конечно, есть при этом и вопросы к самому себе. Действительно, ведь атеизм тоже религия, хотя и своеобразная. Поэтому, ввиду того, что в последнее время в нашем светском государстве появился юридический феномен об оскорблении чувств верующих, то естественно спросить себя, не оскорбляют ли меня, как верующего атеиста, многие такие новации Минобрнауки РФ, как организация в ряде вузов, в том числе и в ядерном МИФИ, кафедр по теологии, введение ВАКом ученых степеней по богословской тематике и т.д. Да, оскорбляют, тем более, что в переходный период, как показывает минувший опыт, махровым цветом расцветают

не только иллюзии, мифы, миражи и т.д., но и всякие лже- и антинаучные концепции: вместо медицины — знахарство, вместо образования — магия и астрология, вместо научного знания — всякого рода псевдорелигиозные секты и их учения, и т.д. Россия здесь не исключение и, как отмечается в монографии бывшего председателя Комиссии РАН по лженауке (Кругляков, 2009), недавние опросы россиян показали, что треть из них, как много веков ранее, считают, что Солнце вращается вокруг Земли. Не случайно известный физик, лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург незадолго до своей кончины на вопрос корреспондента: «Куда мы идем, Виталий Лазаревич?» — почти мгновенно отреагировал: «В средневековье», — и, немного призадумавшись, добавил: «В раннее».

И вот с позиции несогласия с такими и всякими другими надуманными, а по-видимому, просто бездумно взятыми из либерального арсенала «магиями», напрашивается активизация роли государства, в том числе и в направлении инновационной ресурсно-технологической политики.

Изменения в области социальной политики

Следует переориентировать принятую в стране в период реформ государственную политику *«слабого государства в экономике»⁸⁴* на политику *«сильного государства в экономи-*

84. Это надо сделать еще и потому, что термин «сильное государство» нередко и сегодня используется рядом экономистов и политологов в смысле иногда не очень, а иногда и очень далеко от приведенного выше. Так, например, в интересной работе (Сафронов, 2007) упоминаются взгляды различных мыслителей по поводу философии и идеологии этатизма (Платона и Аристотеля с их концепцией «сильной» и «справедливой» государственной власти, представления Гегеля государства как «высшего воплощения Разумной идеи», теории последующих гегельянцев «органического государства» и т.д.). Подчеркивается, что «отправным пунктом для всякой последовательной этатистской теории служит представление о государстве как о первозданной, сакральной и «вышестоящей» по отношению к обществу и индивидууму целостности». В итоге государство выглядит как «магическое образование, обладающее собственными душой, волей и скрытой целью».

По мнению тогда помощника президента (Сурков, 2007, с. 2), сильное государство — это «эффективное самоуправление свободных людей. ...В этом смысле демократии и в этом смысле суверенной демократии». Встречается у наших праволиберальных деятелей и использование термина «сильное государство» в духе, почти напоминающем формулу «Шан-Ян», древнекитайского философа IV века до нашей эры, который утверждал, что «сильное государство означает слабый народ. Ослабление народа есть главная цель государства, идущего правиль-

ке», т.е. (Лившиц, 2008, 2013) от ее преимущественной ориентации на узкие интересы относительно небольшой группы наиболее обеспеченных и богатых россиян⁸⁵ на широкий спектр интересов большинства россиян и страны в целом, на уменьшение ставшего уже недопустимо высоким и социально опасным уровня дифференциации доходов различных групп населения⁸⁶, на снижение бедности⁸⁷ и безработицы путем развития производственного потенциала и заметного увеличения оплаты труда наемных работников (Львов, 2002, 2003) и, как следствие, уменьшение количества россиян с доходами ниже адекватного реальным условиям определяемого прожиточного минимума, на уменьшение фактически высокой платности образования, здравоохранения и др.

Изменения в области макроэкономической политики

Следует отказаться от неолиберальной монетаристской концепции, в основе которой лежат гипотезы саморегулируемости рынка и минимизации участия государства в экономике, отчасти допустимые в условиях стационарного функционирования и развития зрелой совершенно конкурентной рыночной экономики, но совершенно неадекватной россий-

ным путем». Понятно, что в демократическом государстве XXI века на это вряд ли стоит ориентироваться.

Реально, к сожалению, сильного, в указанном нами смысле, Государства в России никогда не было и нет, вследствие чего и поныне между интересами Государства и Общества есть существенное расхождение по многим важным позициям (пенсиям, зарплатам, налогам и др.). В частности, как правильно заметил однажды председатель экспертного совета по налоговому законодательству Госдумы РФ Михаил Орлов в статье «Фискальные игры» («Экономика и жизнь», № 44, 2004, с. 1): «...взимание налогов в защиту публичных интересов, то есть в пользу общества, стало подменяться тезисом взимания налогов в пользу государства как такового».

85. По экспертным оценкам (Лившиц, 2013), таких россиян (бизнесменов, чиновников и др.) насчитывается не более 130 тыс. человек, т.е. меньше 0,1% всего населения.
86. По данным Росстата и результатам проведенных научных исследований, коэффициент фондов — отношение средних доходов 10% наиболее обеспеченных россиян к средним доходам 10% наименее обеспеченных — превышает 16,0, а в Москве он превышает 40,0. Более полные данные см. (Шевяков, 2005; Шевяков и Кирута, 2009; Лившиц, 2013).
87. В стране, согласно приведенным в (Лившиц, 2013) результатам опросов ВЦИОМ, «бедными себя считают 20% человек», 22,2% россиян, у которых «денег с трудом хватает на питание», тех, кто «живет на доходы ниже прожиточного минимума, — 16%».

ским реалиям (Лившиц и др., 2014). На смену неолиберальной политике «слабого государства в экономике» (Лившиц, 2008, 2010, 2013) должна прийти опирающаяся в большей степени на кейнсианскую концепцию политика «сильного государства в экономике», ориентированная на интересы всех россиян и предусматривающая активное государственное участие в экономике в целях повышения системной народнохозяйственной эффективности. Приватизация, конкуренция и другие рыночные инструменты должны рассматриваться не в качестве самоцелей, а всего лишь средств эффективного достижения общественных целей, таких как «повышение уровня жизни основной массы населения». Должно действовать правило, если приватизация госсобственности повышает в указанном смысле эффективность производства, то она целесообразна, в противном случае — нет. Это же соображение должно работать и применительно к обратной операции — национализации собственности. При этом важно, чтобы системная эффективность изменения формы собственности была определена согласованно с российским законодательством и методически корректно, с полным учетом динамики, последствий и обратных связей, как экономических, так и внеэкономических (социальных, экологических и др.) факторов. Несмотря на сложность таких расчетов, они уже сегодня могут быть проведены — по существу речь идет об определении общественной эффективности проектов (в том числе и проектов приватизации или национализации объектов)⁸⁸. И это надо делать обязательно — одних лишь ссылок на классиков (Адам Смит, Давид Юм и др.) явно недостаточно.

К тому же, не вдаваясь в обсуждение того, насколько конструктивна и приемлема сегодня позиция известного либерала Давида Юма, старшего друга и консультанта Адама Смита, крупнейшего философа, но гражданина XVIII, а не XX

88. Методика расчета такой эффективности изложена в официальном документе, утвержденном Минэкономки, Минфином и Госкомпромом РФ 21.06.1999 г. (Методические рекомендации, 2000) и многократно использованном при оценке эффективности многих конкретных проектов, финансируемых как государственными, так и частными инвесторами в различных отраслях и регионах.

и, тем более XXI, века, отметим, что все же либерализм обычно связывается с такими фундаментальными понятиями, как «справедливость» и «свобода», а через них, естественно, и с демократией, против которых в общем виде вряд ли кто-либо ныне из цивилизованных представителей homo sapiens захочет выступать. Но, как всегда, черт спрятан в деталях, т.е. в том, *о какой свободе, какой справедливости, для каких субъектов и при каких сопутствующих внешних и внутренних условиях, институтах и т.д. идет речь*. Ведь иногда даже просто соединенные эти благородные понятия могут иметь совсем иное содержание — типичным примером может быть не требующее комментария по фактическому содержанию сочетание «либерально-демократическая партия» в России со своим известным лидером, очень энергичным и по-своему талантливым (конечно, не в научном или изолированно нормальном восприятии слов «либеральная» и «демократическая»). И нам представляется, что содержание понятий может сильно измениться, если дополнить *либерализм* двумя прилагательными *правый* и *российский*, или, хуже того, с приставкой *нео* — мы сразу попадаем в русло той системы мышления, на базе которой, к сожалению для большинства россиян, были проведены в России оказавшиеся для нее катастрофическими социально-экономические реформы, хотя и проведенные, возможно, в соответствии с первым законом нашего эрудита «*Хотели как лучше...*». Но получилось совсем не то, что хотелось и было возможно. Трудно не согласиться здесь с автором монографии, который в разделе «Что хотели и что получилось?» пишет (Гринберг, 2012, с. 17–18):

«Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской истории XIX–XX вв. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватывающее вторую половину 80-х и первую 90-х годов XX столетия. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возрастала популярность идей личной свободы и частной инициативы. К началу 90-х они захватили значительную, если не большую, часть населения. Причем самую

продуктивную его часть. Словом, возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен серьезный шанс для развития демократических процессов, формирования гражданского общества, создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы. Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью; фактически они сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 90-е годы вызывало в общественном мнении нарастающее негативное и даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 90-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма – главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 90-е годы. Сейчас общество пожинает посеянные ими плоды». И далее в следующей работе (Гринберг, 2012, с. 55–56) уточнил: «К счастью, глобальный финансово-экономический кризис со всей очевидностью выявил исчерпанность либеральной философии развития с ее, по точному замечанию Обамы, «культурой безответственности». Возвращение к политике общественного интереса наблюдается ныне во всем мире. Яркий пример тому – экономическая политика Барака Обамы и заметное полевание общественного мнения в странах Европы. Вот и России пора бы отказаться от ошибочного понимания «правильного капитализма». И здесь нет никакой разумной альтернативы леволиберальной идее».

Но есть в связи с этим и ряд серьезных околотеоретических проблем, о которых не так давно – 17.01.2014 года говорил в своем выступлении на заседании «Меркурий-клуба» его президент, академик РАН Е.М. Примаков. В частности, почти

в начале выступления он сказал: «Прежде всего нужно отметить, что существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу. Эти либеральные идеи выдвигаются и поддерживаются в нашей стране широкой общественностью, политическими партиями различных взглядов. Однако без четкого определения грани между либеральными идеями и принципами неолибералов, без противодействия неолиберальной политике возникает угроза серьезных негативных последствий для России. Если говорить о платформе российских неолибералов, то основная ее составляющая — это уход государства из экономики. Наши неолибералы не только исходят из универсальности западных экономических теорий, даже без учета их эволюции, но, главное, не считаются с особенностями и степенью развития рыночных отношений в России. Помимо всего прочего наши неолибералы вообще не учитывают уроки кризиса 2008–2009 годов. Известно, что в США и в странах Евросоюза во время кризиса было усилено влияние государства на экономику. Такой тренд сохраняется. Еще один принцип неолиберализма в том, что свободная игра экономических сил, а не государственное планирование, обеспечивает социальную справедливость. Однако этот вывод не выдержал столкновений с действительностью и в капиталистических странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования экономического роста (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран. А такое отставание несомненно существует. Имеет место и огромное неравенство в доходах...

Выступая за резкое и незамедлительное сокращение роли государства в экономике, наши неолибералы поставили

своей задачей провести новую масштабную приватизацию государственной собственности, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших для страны государственных предприятий... Острые противоречия с российскими неолибералами сохраняются также в оценке взаимоотношений между отдельной личностью и обществом. Неолибералы по сути отрицают, что свобода, демократия совместимы с определенными самоограничениями в пользу общественных интересов». По указанным причинам становится понятным само название статьи (Примаков, Севастьянов, 2014), содержащей более полное изложение речи президента «Меркурий-клуба»⁸⁹.

Эти мысли нашего выдающегося экономиста и государственного деятеля вполне подтверждаются и реальной, зафиксированной статистикой практикой развития за последнее двадцатилетие бывших советских союзных республик. В частности, в статье (В.В. Попов, 2014), посвященной экономическому чуду переходного периода — тому, «как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике», отмечается (с. 136–137): «Теперь уже и забылось, как в 1990-е годы либеральные экономисты — наши и зарубежные — доказывали, что переходные экономики растут тем быстрее, чем больше либерализация, приватизация и демократизация, что Прибалтика поэтому «впереди планеты всей, а Средняя Азия безнадежно отстает». Время заставило на многое взглянуть иначе... Сегодня в экономическом соревновании выигрывают не экономически либеральные и демократические режимы, а Туркмения, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Белоруссия. В Узбекистане ВВП в 2012 г. составил более 200% уровня допереходного 1989 г., это — лучший показатель в бывшем СССР (за исключением

89. Думаю, или, по крайней мере, мне кажется, что к неолибералам в этом плане надо отнести всех сказочно разбогатевших в период реформ и особенно «прихватазации» бизнесменов, включая олигархов, и оправдывавших экономистов, а также, как ни странно, государственных министров, руководство госкомпаний, госбанков и экономических служб и институтов, т.е. в частности Е. Гайдара, Б. Федорова, А. Илларионова, А. Чубайса, П. Авена, Я. Кузьмина, Э. Набиуллину, Г. Грефа, А. Кудрина и многих-многих других из их «садика».

Туркмении) и Восточной Европе. Это выше роста ВВП в «странах-передовиках капиталистического строительства»: Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. По этому показателю Узбекистан уступает лишь еще двум азиатским переходным экономикам – Китаю и Вьетнаму. Да, население Узбекистана увеличилось за 23 переходных года с 20 млн до 30 млн человек, так что в расчете на душу населения успехи выглядят скромнее. Но, во-первых, сам рост населения вместо падения, как во многих других странах, свидетельство успеха, и во-вторых, и рост реального подушевого ВВП впечатляет – без малого на 40% за 23 года, или почти 1,6% в год. Не так много стран могут похвастаться таким результатом». К тому же много и других существенных позитивных изменений, особенно заметных при сравнении – явное усиление в структуре производства доли промышленности, ее разумной экспортоориентированности и диверсификации (в том числе фактически ликвидация «хлопкового проклятия» и создание собственной автомобильной промышленности, почти наполовину на экспорт), уменьшение дифференциации доходов населения (в 2012 г. коэффициент Джини порядка 30%, отсутствие миллиардеров и др.). В общем (Там же, с. 154–155): «Сегодня возвышение Узбекистана и малолиберализованных экономик на постсоветском пространстве не заметит лишь тот, кто не хочет видеть. Появились статьи о новой среднеазиатской модели государства, нацеленного на развитие... самообеспечение такими критическими ресурсами, как энергия и продовольствие, сильный качественный рост, основанный на экспорте готовых изделий и дифференциации экономики». Думается, что при сохранении в Узбекистане указанной эффективной антилиберальной политики «сильного государства в экономике» достаточно вероятным будет исполнение высказанного в конце цитируемой статьи В.В. Поповым яркого прогноза (с. 155): **«Через 10–20 лет журналисты будут писать о том, как узбекский верблюд догнал восточноазиатских драконов и тигров».**

Изменения в области налоговой политики

Следует отказаться от плоской шкалы налогообложения доходов фирм и физических лиц в пользу ступенчатого нелинейного прогрессивного механизма налоговых платежей. Плоская шкала налогообложения даже при эффективном государственном управлении и здоровом состоянии бизнеса и общества противоречит таким естественным правилам общественно эффективной налоговой политики, как «сбор налогов в основном с богатых, а не бедных», «увеличение (или, по крайней мере, не уменьшение) располагаемых доходов и абсолютной и относительной налоговой нагрузки по мере роста доходов», «освобождение от налогов или их существенное уменьшение для самых бедных и очень малого бизнеса» (Лившиц, 2013). Отстаивая сохранение плоской шкалы налогообложения, обычно прибегают к запугиванию обывателей тем, что якобы при переходе на нелинейную прогрессивно возрастающую шкалу «доходы уйдут в тень», а «олигархи не будут платить налоги». Такая аргументация сродни призывам перестать бороться с криминалом и коррупцией из-за того, что их все равно полностью побороть не удастся. Указанная аргументация — удел «слабого государства», «сильное государство» вполне способно бороться с уводом доходов в тень. Международный (в том числе Сингапура и др.) опыт тому свидетельство. Хотя, конечно, дело это небыстрое и очень непростое, требующее высокой профессиональной квалификации и плохо представляемой у нас честности государственных чиновников.

Дополнительные трудности такого перехода у нас могут возникать в связи с часто меняющимися у нас правилами налогообложения физических и юридических лиц, неоднозначностью трактовок налогового законодательства. Иногда против отказа от плоской шкалы налогообложения выдвигают и такой аргумент, что система, особенно сбора необходимой информации, якобы настолько усложнится, что все перестанут работать, а будут заняты лишь сбором справок о доходах. Но это опасение надуманное или рассчитанное на

неразумный механизм налогообложения. Ведь отказ от плоской шкалы не обязательно следует делать глобально и поголовно для всех россиян — на нелинейность налогообложения надо выводить только лиц, имеющих весьма немалые доходы (например, в год не менее одного или даже нескольких млн рублей), и тогда подавляющему большинству россиян никакие справки по-прежнему не надо будет нести в налоговую инспекцию, так как очень бедные, да и малый-малый бизнес смогут вообще не платить налогов, а подавляющая часть оставшихся будут платить по той же плоской шкале.

Другой важный вопрос — насколько вообще рациональна наша налоговая система: и в смысловом плане — принципы взимания, структура сборов, их экономическое и социальное содержание, модели и способы формирования и т.д., и в количественном отношении — уровни ставок отдельных налогов (например, НДС, налога на доходы физических лиц и т.д.). Представляется, что в этом отношении надо было бы сделать очень многое, так как действующее налоговое законодательство представляется явно нерациональным и даже социально несправедливым и поэтому довольно опасным. Во-первых, потому что оно ориентировано на то, чтобы относительно большие налоги платили группы бедных, а не богатых россиян. Во-вторых, потому что принятая плоская шкала налога на доходы физических лиц приводит к тому, что богатые платят меньше. Например, именно они часто имеют значительные дивидендные доходы по ценным бумагам, ставка налога по которым, кажется, только на днях была повышена до нормального уровня, а была всего 9%, а недавно была и вообще всего 6%, а законопослушные бедные платят со всех своих доходов налог 13%. Кроме того, у нас вообще вопреки зарубежному опыту и даже здравому смыслу принята не прогрессивная, а регрессивная шкала налогообложения богатых по пенсионным взносам, в частности «по заработкам до 47 тыс. руб. в месяц платят 30% страховых взносов, а с более высоких заработков только 10%. А с бонусов, вознаграждений членов советов директоров (а это миллионы долларов) вообще не

платится ни копейки (Дмитриева, 2012,). В-третьих, потому что отсутствует налог на сверхпотребление, на роскошь и т.п.; символический, а не бюджетообразующий характер имеют налоги на наследство и имущество, в том числе незаконно и даже криминально (приобретенное вследствие приватизации и рейдерских захватов), которое у бедных практически отсутствует, и т.д. В-четвертых, потому что есть много недостатков при определении налоговых платежей, связанных с учетом различных факторов, например, с местом, где находится или зарегистрирован налогоплательщик (Сухарев, 2012).

Но с налогами определенный прогресс все-таки намечается – например, с 2014 года введен новый налог на недвижимость⁹⁰. К настоящему времени уже накопилось довольно много и других предложений по совершенствованию налогового законодательства (прежде всего это касается необходимости введения нелинейной прогрессивной шкалы на доходы физических лиц, компенсационных налогов на роскошь и др.). Естественно, все эти предложения должны пройти профессиональное и общественное обсуждения и осуществляться только при положительном мнении и на законодательной основе. Но и в этом случае, внесенные в Налоговый кодекс, они существенно оптимизируют парадигму госуправления.

Изменения в области естественно-монопольной политики

Следует переориентировать государственную политику, фактически нацеленную на формирование растущих во времени тарифов естественных монополий (на железнодорожные перевозки, продукцию электроэнергетики и др.), построенных на концепции их самофинансирования и самоокупаемости в основном как средних затрат – себестоимости с добавлением фондовой рентабельности. Необходима

90. Идея нововведения проста: налог будет высчитываться на основе не инвентаризационной (как сейчас), а гораздо более высокой рыночной стоимости жилья. При этом от налогообложения будут освобождены только 20 кв. м жилья. Ставку налога будет разрешено варьировать от 0,1% до 0,3% цены для жилья, которое стоит до 300 млн рублей, и от 0,5% до 1% – для недвижимости дороже этой суммы.

системная оптимизация уровня тарифов (т.е. оптимальное установление их на основе дифференциальных затрат или по схеме Рамсея-Буато (Quinet, 1990, 1998), если требовать выполнения условия самокупаемости). Ввиду того, что естественно-монопольные структуры основаны на сетевой базе с высокими условно-постоянными затратами, то в них дифференциальные затраты при нормальных уровнях загрузки обычно значительно, иногда в несколько раз, ниже средних затрат и поэтому предлагаемые цены на продукцию будут значительно ниже существующих средних. Это приведет к благоприятному для экономики страны в целом снижению затрат на производство и транспорт продукции обычных естественно-монопольных отраслей материального производства, росту их прибыли и соответствующих налогов. При этом режим самофинансирования и самокупаемости естественно-монопольным отраслям обычными рыночными механизмами автоматически обеспечен быть не может, и им будут необходимы государственные дотации из бюджета, получаемые за счет части возросших налогов.

Изменения в области финансовой политики

Следует изменить положение, когда основные финансовые службы страны (ЦБ РФ, Минфин РФ и др.) в соответствии с монетаристской концепцией фактически выполняют пассивную роль внешнего наблюдателя спонтанно протекающих равновесных процессов на денежном и валютном рынках, а также хранителя правил поведения и интегральных показателей в банковской системе страны. Новая роль финансовых служб должна стать активной, направленной на регулярное разумное управление характером и уровнем инфляции, наполняемости экономики денежными средствами, а также устойчивым валютным курсом национальной валюты и установления соответствующих процентных ставок в интересах основных масс россиян и отечественного бизнеса. Пока же регулирование ключевой процентной ставки регулятором носит довольно странный немонотонный прыгающий

(то 8, то 12, то 17, то снова 12%) характер, подстать ему согласно (АиФ № 40 (1821), октябрь 2015) и динамика уровня инфляции (2010 г. – 8,8%; 2012 г. – 6,6%; 2014 г. – 11,4%; 2015 г. – 12,2%).

Изменения в области инвестиционной политики

В России практически, особенно в сфере мегапроектирования, доминирует неэффективное ручное управление инвестициями, решения в инвестиционной сфере принимаются по политическим и интуитивным соображениям, что особенно нетерпимо при реализации особо крупных инвестиционных мегапроектов, требующих огромных затрат ресурсов порядка сотен и десятков миллиардов долларов (проекты «Большая Москва», мост на о. Русский, Всемирная Олимпиада, Всемирный футбольный чемпионат и др.). В принципиальном плане в этом вопросе следовало бы обратить внимание на два аспекта. Во-первых, на крайнюю необходимость обязательного (законодательного) введения и, главное, исполнения такого порядка, по которому бы все инвестиционные решения принимались бы только на основе предварительного прохождения обязательной стадии составления инвестиционных проектов и их экспертизы, включая обязательный расчет эффективности инвестиций. И, во-вторых, надо, чтобы расчеты эффективности в методическом отношении были корректными, причем с учетом сильной макро- и микроэкономической специфики российской нестационарной переходной экономики – ее особых рисков, многовалютной инфляции и т.д. И, естественно, надо покончить с имеющим место финансовым, в том числе и инвестиционным, голодом, особенно в смысле оплаты научных работников и условий проведения фундаментальных исследований. В противном случае разговоры о модернизации страны, перехода на инновационный путь развития, вхождения в «экономику знаний» и т.д. так и останутся по существу лишь упражнениями в демагогии (Лившиц, 2013).

Изменения в области науки и образовательной деятельности

Необходимо восстановить масштабы и высокое качество многоуровневой государственной системы образования России и проведения научных исследований. Следует прекратить разрушение созданной ранее достаточно эффективной⁹¹ отечественной системы (прежде всего в РАН) и копирование западных образцов (система ЕГЭ, болонская система подготовки специалистов высшего образования и др.). России необходима адекватная отечественным условиям система с активным использованием имеющегося в мире и у нас прогрессивного опыта подготовки квалифицированных кадров и проведения фундаментальных исследований. В связи с этим следует оценить огромные потери, в том числе и в качестве школьного и вузовского образования, которые имеют место из-за непродуманного внедрения упомянутых новаций в нашем образовании, фактически ликвидировавших в стране существовавшую более полувека весьма эффективную систему вузовской подготовки, основанной на принципах Александра Гумбольдта, квалифицированных рабочих кадров через ПТУ и среднего технического персонала через техникумы. Все это в существовавшей ранее или в какой-то новой форме придется восстанавливать с большими народнохозяйственными затратами, причем от некоторых, по нашему мнению, особенно вредных для России механизмов, например ЕГЭ, придется отказаться, причем, по-видимому, чем раньше, тем лучше.

Изменения в области бюджетной политики

Необходимо прекратить практику бюджетного планирования, нацеленную на формирование на всех уровнях управления необоснованно оптимистических бюджетов,

91. Академик Д.С. Львов неоднократно обращал внимание, что наука и в СССР, и в современной России на самом деле весьма и весьма экономически эффективна, если ее (эффективность) правильно считать как отношение системных получаемых за ее счет результатов к системным же затратам на нее.

составленных по нереальным завышенным исходным и прогнозным значениям ключевых показателей, к тому же принимаемых депутатами (Госдумы РФ, законодательных собраний регионов и др.), ограниченно ответственными за свои действия. Нужны более обоснованные (по методике составления и близости к реальности используемых исходных данных) бюджеты — прогнозы, опирающиеся на принятые в профессиональной методике оценки инвестиционных проектов принцип умеренного пессимизма, методы учета инфляции, риска и неопределенности и т.д.

Изменения в области политики информатизации

Государство, бизнес, регионы, муниципалитеты и население все в большей мере затягиваются в водоворот процесса информатизации, причем процесс этот требует permanently растущих расходов на внедрение разнообразных и постоянно усложняющихся ИКТ. При этом вопросы о мере необходимости, сферах, составе, масштабах и о темпах внедрения информационных технологий почти не обсуждаются, аксиоматичным считается постулат: чем больше и быстрее они распространяются, тем лучше. Редко можно услышать вопросы, зачем внедрять те или иные конкретные ИКТ, нет ли альтернативных способов достижения соответствующих целей, сколько стоит данное нововведение, и какова его эффективность, может быть, есть смысл добиваться максимальной отдачи от уже имеющихся информационных систем, а не закупать новые. Между тем, если каждый раз задаваться подобными элементарными вопросами, отношение к ИКТ, можно надеяться, превратится из ритуально и безудержно восторженного в прагматично-взвешенное. Вредят же подобные вопросы только ИКТ — производителям и промоутерам, интерес которых состоит в наращивании масштабов и темпов информатизации — безотносительно к их обоснованности с точки зрения интересов конечного потребителя, соотношения затрат и результатов, выгод и потерь потребителей.

Надо заметить, что с такой проблемой общество и государство сталкиваются вовсе не впервые. Аналогичная коллизия, собственно, наблюдалась с самого начала постсоветских преобразований, когда любые реформационные действия стали рассматриваться не как средство решения социально-экономических задач, а в качестве самоцели, и императивным оказалось создание гарантий необратимости реформирования. Что получилось вследствие реализации такого подхода, каждый ныне может обнаружить вокруг себя. К сожалению, то же самое сегодня наблюдается в отношении к распространению информационных технологий, в связи с чем очевидно: информатизация — всего лишь средство (инструмент), применение которого может улучшить или не улучшить качество жизни и управления; более того, оно способно нанести ущерб и усугубить существующие либо породить новые проблемы.

Сегодня принято считать, что ИКТ являются автоматически действующим, безусловным фактором повышения качества управления. Между тем условие здесь есть: сам процесс управления должен быть выстроен правильно, и только тогда такое средство, как информационные технологии, действительно окажет позитивный эффект — посредством мобилизации дополнительных возможностей рационализации собственно технологий управленческих. В данном контексте стоит вспомнить об опыте внедрения в 1970-х годах так называемых автоматизированных систем управления (АСУ). Сколько радужных надежд связывалось с этим новшеством, сколько было потрачено средств? А эффективность оказалась весьма низкой, и именно потому, что негодные системы управления пытались улучшить лишь на основе задействования информационных технологий, не меняя содержания управленческих отношений. Но точно так же сегодня пытаются оцифровать неэффективные процессы.

Когда же апологеты оцифровки ссылаются на соответствующий западный опыт, они опять-таки берут лишь техническую сторону дела, не учитывая, минимум, двух обстоятельств. Игнорируются, во-первых, гораздо более высокий

уровень общего развития передовых стран, во-вторых, то, что информационные технологии внедряются в уже хорошо отлаженные механизмы управления, способные к тому же постоянно самосовершенствоваться. Впрочем, и «у них» проблем хватает; так, согласно результатам серьезных исследований, информатизация – весьма дорогое удовольствие, а ее эффективность вовсе не столь высока, как принято считать (в любом случае мало приобрести ИТ-продукты, их надо еще с умом внедрить).

Поэтому абсолютно необходимо изучать конкретные ИКТ-инновационные проекты и каждый раз искать разумные решения. Не следует забывать предостережение ООН относительно «эффекта белого слона»: разработка и поддержка информационно-коммуникационных технологий могут многократно перекрывать их социально-экономические результаты (Швецов, 2012; Сухарев, 2015).

Изменения в области государственной региональной политики⁹²

Практически всеми, кто вовлечен в сферу разработки и реализации этой политики, осознается насущная необходимость ее совершенствования, уточнения и обновления ее целей, модернизации механизмов. Таким же общепризнанным является и желаемый результат преобразований, которые должны привести к ускорению и повышению сбалансированности развития регионов и муниципальных образований. В определении же содержательных аспектов региональной политики, хотя такого единства уже и не наблюдается – ибо предлагаются разнообразные способы достижения результата, но не следует преувеличивать и различия этих подходов, которые разнятся лишь в частностях.

В принципиальном же плане их роднит то, что все они не выходят за рамки прежних и устоявшихся в последние годы представлений о государственной региональной поли-

92. При изложении этого компонента предлагаемой парадигмы автор заметно использовал консультации и предложения д.э.н. А.Н. Швецова.

тике, проводимой в логике высокоцентрализованной и становящейся все более субординационной схемы обоснования, принятия и реализации решений (все по принципу «сверху вниз»). Какие-то из предлагаемых нововведений, видимо, вполне способны привести к улучшению конкретных региональных ситуаций, но обеспечить с их помощью общий качественный скачок в региональном развитии, оставаясь в прежней парадигме отношений между «центром» и регионами, вряд ли возможно.

Продуктивное и качественное обновление в региональной политике, перевод ее на принципиально иную основу принятия и реализации решений возможны только в случае кардинальной децентрализации всей системы отношений, решительного и существенного перераспределения прав, ответственности и ресурсов в пользу регионов и городов. Вне всякого сомнения, самостоятельное решение регионами своих собственных проблем (разумеется, при адекватной децентрализации ресурсов и полномочий) окажется намного эффективнее централизованно навязываемого регионам способа решения тех же проблем с помощью инициатив федеральных властей.

В условиях менее централизованной системы организации регионального развития, переход к которой становится главным императивом реформ в этой сфере, региональные власти, получив больше средств и полномочий, смогут значительно расширить свои возможности самостоятельного (без участия «центра») и под свою ответственность перед местным населением (а не вышестоящего начальства) решения проблем регионального развития, в то время как федеральные власти смогут сосредоточиться преимущественно на вопросах создания необходимых для этого общих условий и предпосылок и помощи только тем из регионов, которые не в состоянии справиться со своими проблемами самостоятельно. При переходе к более децентрализованной системе сам собой отпадает вопрос о том, кому государство должно оказывать поддержку — слабым или сильным регионам.

В случае децентрализации ресурсов и полномочий региональные лидеры выиграют намного больше, нежели от получения ими централизованной поддержки в рамках концепции стимулирования точек роста. При прочих равных условиях более самостоятельное распоряжение своими собственными потенциалами позволит этим регионам и без такой поддержки сверху обеспечить свой рост. Что же касается отсталых регионов, не располагающих достаточными потенциалами развития, то им как раз и не обойтись без централизованной государственной помощи. Таким образом, миссия государства должна состоять в том, чтобы развязать руки сильным регионам, и помогать слабым (Швецов, 2011).

Изменения в области антикриминальной и антикоррупционной политики

Все предложенные выше меры будут эффективны, если будет достигнут существенный прогресс в области, пожалуй, наиважнейшей для современной России, антикриминальной и антикоррупционной политики. Поэтому следует перейти от декларативной к реальной антикоррупционной борьбе (Иноземцев, 2013), на основе реализации принципа неотвратимости адекватного наказания за совершенные преступления (уголовные, приватизационные, налоговые и др.), на реальную ликвидацию хорошо известных нашим правоохранительным органам криминальных группировок, конфискацию неправомочно приобретенного имущества и собственности, соответствующему наказанию коррупционеров независимо от рода служебной деятельности (судебные, законодательные и правоохранительные органы власти всех уровней), их статуса и близости к властным структурам и др. Естественно, все это должно делаться в рамках законодательства, которое тоже должно быть рационализировано с целью повышения возможностей осуществления принципа неотвратимости адекватного наказания за совершенные преступления. В аналогичном направлении должны быть откорректированы и другие (внешнеэкономические, образо-

вательные и т. д.) не только упомянутые выше компоненты действующей парадигмы государственного управления, тоже содержащие немало неэффективных элементов. Это касается, например, системы ЕГЭ в образовании, способствующей не снижению (как задумывалось), а, напротив – возрастанию уровня коррупции в стране. Подчеркнем, что имеющихся силовых и других антикоррупционных структур в стране с избытком достаточно, чтобы победить разгул криминала. Не хватает властного настроя активности на серьезное проведение этой деятельности.

В компактном виде представленные соображения о совершенствовании парадигмы можно изобразить в трех-столбной таблице 3.1, где в первом столбце указана предстоящая реформированию компонента парадигмы, во втором столбце – то, как она реализуется сейчас, а в последнем третьем столбце – то, как ее целесообразно изменить.

Таблица 3.1. **Дескриптивный (как оно есть) и прескриптивный (как надо) взгляд на основные компоненты парадигмы государственного управления в современной России**

№	Направления	Что есть	Что нужно
1	Кадровая политика	Явно раздутый состав чиновничьего аппарата на всех уровнях – правительственном, региональном, муниципальном, при низком уровне качества госуправления. Парадигма выдвижения на роль ведущих менеджеров не по принципу их высокого профессионализма в конкретной сфере, а по совсем другим соображениям (принадлежности к близкому соответствующим властным структурам личного президентского или губернаторского окружения); кадровая рокировка	Значительное сокращение состава чиновничьего аппарата на основе повышения качества его деятельности. Парадигма реализации принципа всемерного роста эффективности госуправления за счет высокого профессионализма в конкретной рассматриваемой (социальной, экономической и т.д.) сфере менеджеров высшего уровня. Понимание неэффективности, как привило, кадровых рокировок
2	Ресурсно-технологическая политика	Россия – природноресурсный, прежде всего нефтегазовый, придаток Запада и потребитель–пользователь создаваемых там инновационных эффективных технологий добычи, переработки и использования этих ресурсов	Перейти на высоко диверсифицированную структуру современного рыночного производства, приближаемую постепенно к создаваемым в стране технологиям «экономики знаний», учитывающим российские особенности

Продолжение табл. 3.1

3	Социальная политика	Парадигма, ориентированная на интересы относительно небольшой группы наиболее обеспеченных и вполне богатых россиян	Парадигма, ориентированная на интересы всех россиян и страны в целом, на уменьшение ставшего уже недопустимо высоким и социально опасным уровня дифференциации доходов различных групп населения, на снижение бедности и безработицы путем развития производственного потенциала и заметного увеличения оплаты труда наемных работников, и, как следствие, уменьшение количества россиян с доходами ниже адекватного реальным условиям прожиточного минимума, на уменьшение фактически высокой платности образования, здравоохранения и др.
4	Макроэкономическая политика	Парадигма, соответствующая неолиберальной концепции политики «Слабого государства в экономике». Неолиберальная монетаристская концепция, в основе которой лежит гипотеза саморегулируемости рынка, вполне допустимая в периоды благополучного стационарного функционирования и развития экономики, но совершенно неадекватна российским реалиям с нестационарной экономикой	Парадигма согласованная с кейнсианской концепцией политики «Сильного государства в экономике», которая предусматривает активное участие государства в экономике в целях повышения системной народнохозяйственной эффективности
5	Налоговая политика	Нерациональная, зафиксированная Налоговым кодексом плоская шкала налогообложения доходов фирм и физических лиц	Более эффективная парадигма ступенчатого нелинейного прогрессивного механизма налоговых платежей.
6	Естественно-монопольная политика	Парадигма госуправления, фактически нацеленная на формирование растущих во времени тарифов естественных монополий (на железнодорожные перевозки, продукцию электроэнергетики и др.), построенных на концепции их самофинансирования и самоокупаемости в основном как средних затрат – себестоимости с добавлением фондовой рентабельности	Парадигма системной оптимизации уровня тарифов (т.е. установление их на основе дифференциальных затрат или по схеме Рамсея-Буато, если требовать выполнения условия самофинансирования и самоокупаемости)
7	Финансовая политика	Финансовые службы страны (ЦБ РФ, Минфин РФ и др.) в соответствии с монетаристской концепцией фактически выполняют пассивную роль внешнего наблюдателя спонтанно протекающих равновесных процессов на денежном и валютном рынках, а также хранителя правил поведения и интегральных показателей в банковской системе страны	Финансовая служба должна стать активной, направленной на регулярное разумное управление характером и уровнем инфляции, наполняемости экономики денежными средствами, а также валютным курсом национальной валюты в интересах основных масс россиян и отечественного бизнеса

Продолжение табл. 3.1

8	Инвестиционная политика	Парадигма госуправления, фактически нацеленная на неэффективное ручное управление инвестициями (по политическим и интуитивным соображениям), что особенно нетерпимо при реализации инвестиционных мегапроектов, требующих огромных затрат ресурсов (проекты «Большая Москва», мост на о. Русский, Всемирный футбольный чемпионат и др.)	Профессиональные подготовка и осуществление инвестиционных действий – реализация инвест-проектов только при наличии 3 условий: 1) профессионально выполненного соответствующего ТЭО, технического и рабочего проектов (необходимое условие); 2) наличие в этих материалах раздела «оценка эффективности проекта» (тоже только необходимое условие); 3) корректно выполненное и обоснованное с учетом макро- и микроэкономических особенностей российской нестационарной экономики заключение о высокой системной эффективности проекта (необходимое и достаточное условие)
9	Наука и образовательная деятельность	Разрушение отечественной системы научных исследований (прежде всего в РАН) и копирование западных образцов (система ЕГЭ, болонская система подготовки специалистов высшего образования и др.)	Возвращение на адекватную российским условиям система с активным использованием имеющегося в мире прогрессивного опыта, в т.ч. и советского опыта, подготовки квалифицированных кадров и проведения фундаментальных исследований
10	Бюджетная политика	Парадигма, фактически нацеленная на формирование на всех уровнях управления очень оптимистических бюджетов, составленных по нереальным приятно завышенным исходным и прогнозным значениям ключевых показателей, ласкающих слух лиц, по гамбургскому счету очень ограниченно ответственных за свои действия	Нужны более обоснованные (по методике составления и близости к реальности используемых исходных данных) бюджеты – прогнозы, опирающиеся на принятые в профессиональной методике оценки инвестиционных проектов принцип умеренного пессимизма, методы учета инфляции, риска и неопределенности и т.д.
11	Политика информатизации	Перманентно растущие расходы на внедрение разнообразных и постоянно усложняющихся ИКТ, иной раз без необходимости	Необходимо изучать конкретные ИКТ-инновационные проекты и сферы их применения, каждый раз искать разумные решения, принимая во внимание состав, масштабы и о темпы внедрения информационных технологий

Окончание табл. 3.1

12	Государственная региональная политика	Государственная региональная политика проводится в логике высокоцентрализованной и становящейся все более субординационной схемы обоснования, принятия и реализации решений (все по принципу «сверху вниз»)	В условиях менее централизованной системы организации регионального развития региональные власти, получив больше средств и полномочий, смогут значительно расширить свои возможности самостоятельного (без участия «центра») и под свою ответственность перед местным населением (а не вышестоящего начальства) решения проблем регионального развития, в то время как федеральные власти смогут сосредоточиться преимущественно на вопросах создания необходимых для этого общих условий и предпосылок и помощи только тем из регионов, которые не в состоянии справиться со своими проблемами самостоятельно. Миссия государства – развязать руки сильным регионам и помогать слабым
13	Антикриминальная и антикоррупционная политика	Парадигма, фактически нацеленная не на реальную, а скорее на декларативную антикоррупционную борьбу с криминалом	Реальные мощные действия: – реализация принципа неотвратимости адекватного наказания за совершенные преступления, ликвидация хорошо известных нашим правоохранительным органам криминальных группировок, конфискация неправомочно приобретенного имущества и собственности, соответствующему наказанию коррупционеров независимо от рода служебной деятельности (судебные, законодательные и правоохранительные органы власти всех уровней), их статуса и близости к властным структурам, и др.)

Таковы в самом кратком изложении некоторые из наших соображений по поводу предпосылок, смысла и направлений перехода к новой системной парадигме социально-экономического развития современной России. Выше в первом разделе данной работы (в преамбуле) были кратко освещены кризисные ситуации в нашей экономике и социуме, возникшие вследствие избранной реформаторами неэффективной

теоретической макроэкономической концепции и адекватной ей тактики реформирования, естественно согласованной с также неэффективной принятой Парадигмой государственного управления. В итоге весь этот букет неэффективности породил в экономике России в течение всего периода реформ глубокий и долгосрочный системный социально-экономический кризис, выход из которого, как показано во 2 разделе (в амбуле), требует внесения излагаемых непосредственно в Приложении 2 предлагаемых значительных системных изменений во все компоненты Парадигмы.

Мы постарались обосновать, почему нужен такой маневр, показать, в чем он должен заключаться и обозначить основные практические шаги по его осуществлению. Разумеется, высказанным выше нашим мнением затронутая проблематика далеко не исчерпывается. Наша главная цель состояла в том, чтобы еще раз привлечь внимание к архиактуальной для судьбы нашей страны задаче сокращения бедности населения и снижения неэффективного гигантского уровня неравномерности его денежных доходов, а также путем ее неотложного решения.

Приложение 3

Postscriptum о моделировании решения проблемы

Рассматриваемая в монографии проблема неравенства денежных доходов и бедности населения, а также приведенные обоснования и мнения большинства всех, в том числе выдающихся, экспертов: экономистов и социологов — о чрезмерности существующих уровней этих социально-экономических явлений и, следовательно, целесообразности их снижения с помощью целенаправленных согласованных действий общественных институтов и действий органов государственного управления естественно вызывает (особенно у экономистов-математиков) следующие вопросы, коль эти проблемы столь важны и сложны, как об этом пишет автор настоящей монографии, и они реально далеко не решены не только в реальном плане, но и даже в исследовательском научном плане, то почему

а) в тексте работы практически не используется и даже конструктивно не обсуждается эффективный инструментарий экономико-математического моделирования, являющийся, как во введении подчеркнуто и автором, неотъемлемым элементом системного подхода и системного анализа, которыми, но только в чисто вербальном варианте, пропитан текст монографии;

б) не обсуждаются даже в содержательном и математико-экономическом плане потенциальные возможности адекватного моделирования и разрешимости рассматриваемой проблемы и то, какие множества математических структур (например, пространства каких функций — непрерывных, полунепрерывных, дискретных и т.д.), какие типы моделей

на уровне сегодняшних представлений кажутся для этого более перспективными (оптимизационные, балансовые, равновесные, статистические, комбинированные или какие-то другие);

в) не выясняются, какие информационные требования должны быть априори заданными для выбора типа модели и обсуждения конкретных этапов моделирования (мира в целом по агрегированным моделям, России по агрегированным региональным или отраслевым, или близким к существующим кластерным конструкциям, и т. д.)

Список подобного рода вопросов и невозможность их достаточно полного полезного решения была ясна в начале работы (в первом квартале 2017 года) и тогда же в предисловии к монографии было написано о невозможности в рамках данной монографии осуществить полное системное, даже только научное, решение рассматриваемой важнейшей социально-экономической проблемы и что поэтому цель данной работы главным образом — системно-информационно-инвентаризационная.

Это заявление не меняет моего профессионального мнения как экономиста и математика о том, что этой важнейшей для России задачей должны у нас в стране в РАН серьезно заниматься квалифицированные коллективы исследователей, обязательно включающих творческих (желательно, в основном молодых, аспирантского уровня) математиков — экономистов, социологов, IT-инженеров-программистов и вычислителей, и только при этом системный успех в научном решении задачи возможен после определенного времени (по-видимому, не менее полутора — двух лет) коллективных целенаправленных усилий по разработке на основе изложенных в монографии системных принципов адекватной экономико-математической модели определения общественно эффективного уровня неравенства денежных доходов населения с учетом реальных характеристик макро- и микроэкономического окружения.

Литература к приложениям

- Абрамов М.Д.* Введение прогрессивной шкалы подоходного налога в России – обязательное условие развития ее экономики // Вопросы политической экономии», № 1. 2017. С. 40–52.
- Аганбегян А.* Размышления о современном кризисе в России и ее последующем развитии // Мир перемен. № 2. 2012. С. 9–16.
- Амосов А.И.* У России есть шанс до 2017 года. Что дальше – начало развития или конец цивилизации? (Будущая Россия). М.: ЛЕНАНД, 2011.
- Беляев Михаил.* «Зарплатная пропасть» России. Топ-менеджеры Госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих //МК № 31 (26.743). 16.02 2015. С. 1.
- Виленский П.А., Лившиц В.Н., Смоляк С.А.* Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. 5-е изд. М.: Поли Принт Сервис, 2015.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М.: ИСЭ ПРЕСС, 2000.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Основания смешанной экономики. М.: Институт экономики. 2008.
- Гринберг Р.С.* Интервью 20.05.2011 РИА Новости. С. 1: «Я считаю, что Советский Союз...».
- Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость, Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр. ИНФРА-М, 2012.
- Гурова Т., Ивантер В.* Мы ничего не производим. М.: Эксперт. № 47. 26.11.2012.
- Дмитриева О.* К новому кризису мы подойдем с нерешенными социальными проблемами // *Московский комсомолец*. 12.10.2012.
- Иноземцев В.* Лучше не бороться с коррупцией, чем делать это так, как сейчас // *Московский комсомолец*. 01.04.2013.

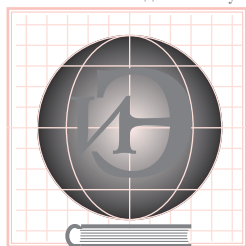
- Капелюшников Р.И.* И еще раз – о теореме Коуза (Критические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2006.
- Кваша Максим.* Сколько стоит введение прогрессивной шкалы НДФЛ // Деньги, № 47(1105), декабрь 2016. С. 9.
- Кейнс Джон Мейнард.* М.: Прогресс, 1978.
- Кейнс Дж. М.* Экономические возможности наших внуков (1931)// Вопросы экономики, №6. М., 2009. С. 60–69.
- Кирдина С.Г.* Институционализм в России: XX – начало XXI в. // Вопросы экономики, 2015.
- Клейнер Г.Б.* Аксиоматика академика Львова. В сб. докладов научной конференции памяти академика Д.С. Львова. М.:ЦЭМИ РАН, 2011. С. 7–23.
- Корнаи Янош.* Системная парадигма // Вопросы экономики, № 4, 2002. С. 04–23.
- Костюк В.Н.* Теория эволюции и социоэкономические процессы. М.: Эдиториал УРСС. 2001.
- Костюк В.Н.* Нестационарная экономика. Влияние роста сложности на экономическое развитие. УРСС. 2014.
- Котц Дэвид М., Фред Вир.* Путь от Горбачева к Путину. Гибель советской системы и Новая Россия / Пер. с англ. Под ред. И.Ю. Готлиба. М. – Едиториал УРСС. 2013. (Будущая Россия. №23).
- Кругляков Э.П.* «Ученые» с большой дороги – 3. М.: Наука. 2009.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Учет нестационарностей при оценках инвестиций в России // Аудит и финансовый анализ. М.: Изд. дом «Компьютерный анализ».1999. №1. С. 61–90.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В.* Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS, 2008.
- Лившиц В.Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: ЛЕНАНД (URSS) 2013, фактически вышедшая в свет в сентябре 2014 г.

- Лившиц В.Н.* О необходимости изменения парадигмы государственного управления экономикой России // ЭНСР. №1. 2015. С. 18–27.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В., Тищенко Т.И., Фролова М.П.* Системный анализ, кибернетика и синергетика. Сравнительные соображения // Материалы семинара ЦЭМИ РАН и Финансового университета при Правительстве РФ. М.: ЦЭМИ РАН, 2012.
- Лившиц В.Н., Позамантир Э.И., Смоляк С.А.* Система тарифов по грузовым перевозкам, осуществляемым в России ОАО «РЖД» // Экономика и математические методы. 2013. Том 47. Вып. 3. С. 42–56.
- Лившиц В.Н., Швецов А.Н.* Каких ошибок следует избегать при оценке инвестиционных проектов с участием государства // Вопросы экономики. 2011. № 9.
- Лившиц В.Н., Швецов А.Н.* Детская болезнь левизны правого российского либерализма // Мир перемен. 2014. № 3. С. 8–21.
- Львов Д.С.* Экономический манифест. Будущее Российской экономики. М.: Экономика. 2000.
- Львов Д.С.* Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
- Львов Д.С.* Будущее России: Гражданский Манифест. Москва–Волгоград. 2003.
- Львов Дмитрий.* Вернуть народу ренту. М.: ЭКСМО. Изд-во Алгоритм. 2004.
- Маевский В.И.* Основные положения новой теории воспроизводства. В сб. «Эволюционная и институциональная экономика. Вопросы теории и практики». С. 4–8 // Изд-е ИСРТ РАН. Вологда. 2015.
- Маевский В.И., Малков С.Ю.* Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М, 2014.
- Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Официальное издание (вторая редакция). Минэкономики РФ, Минфин РФ, ГК РФ по стр-ву, архит. и жил. политике / Рук. авт. коллектива В.В. Коссов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. М.: Экономика. 2000. Третья редакция (проект). 2005. ИСА РАН.

- Некителов А. Необходима новая стратегия реформ // Независимая газета. 8 апреля 2000.
- Николаев И. Бюджет-то ненастоящий // Московский комсомолец. 15.10.2014.
- Ольсевич Ю.Я. Фундаментальная неопределенность рынка и концепции современного кризиса: Институт экономики РАН. 2011.
- Овсиенко Ю.В. Институциональные системы и их взаимосвязи с социальными и экономическими процессами. М., 2014. Ч.2.
- Петраков Н.Я. и Перламутров В.А. Россия — зона экономической катастрофы. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика. 1996. С. 136–149.
- Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.
- Плигин Владимир, Зубарев Виктор, Фадеев Валерий. Манифест российского политического либерализма // Эксперт. № 5 (837), 01 фев. 2013.
- Попов В.В. Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал НЭА, №1(21). С. 136–159.
- Примаков Евгений. Выступление Президента «Меркурий-клуба» с аналитическим докладом в дни празднования Старого Нового года на заседании клуба 14 января 2013 года.
- Примаков Е.М. Севастьянов А.Н. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов? Primakov/2014/13/1 html/.
- Рубинштейн А.Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика. 2010.
- Рубинштейн А.Я. Введение в новую методологию экономического анализа. М.: Институт экономики РАН, 2012.
- Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциальный патернализм. М.: 2015. 49 с. (рукопись).

- Стиглиц Джозеф*. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
- Стиглиц Джозеф*. Цена неравенства. Чем расслоение нашего общества грозит нашей экономике. М.: ЭКСМО, 2015.
- Сухарев О.С.* Эволюционная экономика. М.: Финансы и статистика, 2012.
- Сухарев О.С.* Информационная экономика: знание, конкуренция и рост. М.: Финансы и статистика, 2015.
- Швецов А.Н.* Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. М.: КРАСАНД, 2011.
- Швецов А.Н.* «Информационное общество». Теория и практика становления в мире и России. М.: КРАСАНД, 2012.
- Шевяков А.Ю.* Социальная политика и распределительные отношения // ЭНСР. 2005. № 3(30). С. 52–56.
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.
- Шляпентох Владимир*. Мифология приватизации. М.: Правила игры. Play fair. 1992. № 1. С. 75–93.
- Bairoch Paul*. Mythes et paradoxes de l'histoire economique? La Decouverte / Poche, Paris, 1999.
- Ganton T.* Megaprojects and Regional Development: Pathologies in Project Planning //Regional Studies/ 2003. Vol. 37.5. July. P. 505–590.
- Quinet Emile*. Analyse economique des transports. Presses Universitaire de France, Paris, 1990.
- Quinet Emile*. Principes d. Economie des transports. Economica, Paris, 1998.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

Лившиц В.Н.

Бедность и неравенство денежных доходов населения
в России и за рубежом: системный анализ
некоторых важных фрагментов проблемы

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*
Редактор *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка *Борщёва И.В.*

Подписано в печать 27.04.2018 г. Заказ № 19.
Тираж 300 экз. Объем 14,0 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0623-8

9 785994 006238